

ISSN 2224-1620

16+

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 1(43)

2021

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL
VESTNIK

№ 1(43)
2021

Учредитель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
(Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-44563 от 15.04.2011)
ISSN 2224-1620

Распространяется на территории
Российской Федерации.
Подписной индекс
Объединенного каталога
«Пресса России» 83668

Цена свободная

Основан в 2010 году.
Выходит 2 раза в год

Очередной номер журнала
можно приобрести в редакции

Редакционная группа

Соловьева Л. Г., Петрова Г. И.,
Пенькова Н. В.

Оригинал-макет подготовлен
и тираж отпечатан
в Издательском центре
Ульяновского государственного
университета
Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42

Адрес издательства

Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
E-mail: Simbvest@mail.ru

Адрес типографии

Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 15.06.2021.
Дата выхода в свет 19.06.2021.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 2000 экз. Заказ 39

Главный редактор

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет — главный редактор

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — зам. главного редактора

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — ответственный секретарь

Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Беспалова Марина Павловна — кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны)

Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**Список редколлегии по специальности 13.00.00**

Щелина Тамара Тимофеевна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Масалимова Альфия Рафисовна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования, Институт психологии образования Казанского федерального университета

Донина Ольга Ивановна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Булынин Александр Михайлович (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности, Ульяновский государственный университет

Митина Ирина Дмитриевна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Бережная Мария Сергеевна (13.00.02) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Список редколлегии по специальности 12.00.00

Морозов Сергей Юрьевич (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Ульяновский государственный университет; заслуженный юрист Ульяновской области; почетный профессор Чжэнчжоуского университета (КНР)

Волков Александр Викторович (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Ульяновский государственный университет

Тужилова-Орданская Елена Марковна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Башкирский государственный университет

Лескова Юлия Геннадьевна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

Зайцев Олег Александрович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судоустройства, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; заслуженный деятель науки РФ

Гриненко Александр Викторович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Григорьев Виктор Николаевич (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Абшилава Георгий Валерьевич (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Список редколлегии по специальности 19.00.00

Акопов Гарник Владимирович (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет; председатель Самарского регионального отделения Российского психологического общества; член Международной академии психологических наук; член Академии социальных и педагогических наук

Белинская Елена Павловна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; член Европейской ассоциации социальной психологии (EASP)

Леонов Николай Ильич (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Институт педагогики, психологии и социальных технологий Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

Овсяник Ольга Александровна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный областной университет

Рюмшина Любовь Ивановна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Арпентьева Марьям Равильевна (19.00.05) — доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), академик Международной академии естествознания (МАЕ), профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Ефимова Ольга Ильгамовна (19.00.05) — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр защиты прав и интересов детей (г. Москва)

Вержибок Галина Владиславовна (19.00.07) — кандидат психологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ	7
Точеный Д. С., Точеная Н. Г. МЕСТО Н. С. ХРУЩЕВА НА ПЬЕДЕСТАЛЕ ПОЧЕТА СОВЕТСКИХ ЛИДЕРОВ.....	7
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА	19
Алпатова А. И., Соловьева А. В. ОСОБЕННОСТИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА.....	19
Афанасьева В. М., Седунова А. С. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	25
Бойкова К. И. ИСТОРИОГРАФИЯ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ	29
Каленик Е. Н., Сотникова Я. А. СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПОСЛЕДСТВИЙ НАРУШЕНИЙ ОДА, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФИЛАКТИКИ И РЕАБИЛИТАЦИИ ПРИ ЗАБОЛЕВАНИЯХ ПОЗВОНОЧНИКА	36
Кисторян З. А. ОДНОВРЕМЕННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ДВУХ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В КОРРЕКЦИИ ЗАИКАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ.....	42
Кудряшова Е. В. НЕЙРОЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОДХОДА К РЕАЛЬНОСТИ	49
Мажанова Д. В., Михайлова И. В. ИССЛЕДОВАНИЕ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА ШКОЛЬНИКОВ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К ОГЭ И ЕГЭ	57
Тихова В. А., Митин С. Н. ПОНЯТИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА.....	62
ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ	69
Ходжаян Е. Г. СОЗДАНИЕ СРЕДЫ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ НОВОГО ТИПА.....	69
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	74
Ишкиняева Л. К., Миронова Н. В. ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТВОРЧЕСТВО С. Т. АКСАКОВА И В. Н. НАЗАРЬЕВА	74
Краева А. Г. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА.....	80

Марков А. В. КРИТИКА ЖАНРОВОГО ИЗУЧЕНИЯ ЖИВОПИСИ В ТРУДАХ А. В. МИХАЙЛОВА.....	87
Мартыненко А. В. ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СУБКУЛЬТУРА «ЧИТАТЕЛЕЙ» В СОЦСЕТЯХ	94
Митина И. Д., Ефремова Д. Н. МУЗЕЙ КАК МЕСТО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДЕФИЦИТА СЕМЕЙНОГО ОБЩЕНИЯ	101
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ	106
Андреева Ю. В. «НЕ ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ С ИНТЕРЕСОМ В ГЛАЗАХ»: СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЫХ ГОРОЖАН СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖПОКОЛЕННОЙ ТРАНСМИССИИ ЦЕННОСТЕЙ.....	106
Домбровская А. Ю., Никулин Е. Р. НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ДИСКУРС В СОЦИАЛЬНО-МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ, СТРУКТУРНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	117
ИНФОРМАЦИЯ	128
Аннотации научных статей, рецензии, отзывы	128
Точеный Д. С., Точеная Н. Г. «ПЕЧАЛЬНАЯ СУДЬБА ПОСЛЕДНЕГО РОМАНТИКА КОММУНИЗМА» РЕЦЕНЗИЯ на книгу Ю. В. Емельянова «ХРУЩЕВ. "ОТТЕПЕЛЬ" ИЛИ...» (М.: Изд-во «Академический проект», 2018. 675 с.).....	128
Наши авторы	142
Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»	145

CONTENTS

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY		7
Tocheniy D. S., Tochenaya N. G.		
PLACE OF N. S. KHRUSHCHEV ON THE PODIUM OF SOVIET LEADERS		7
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS		19
Alpatova A. I., Solovyeva A. V.		
FEATURES AND WAYS OF DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE ACTIVITY IN CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES		19
Afanasyeva V. M., Sedunova A. S.		
SOCIOCULTURAL AND PSYCHOEMOTIONAL FEATURES OF DIGITAL COMMUNICATION		25
Boykova K. I.		
HISTORIOGRAPHY OF ART EDUCATION DEVELOPMENT IN RUSSIA.....		29
Kalenik E. N., Sotnikova Y. A.		
SOCIAL SIGNIFICANCE OF THE CONSEQUENCES OF MUSCULOSKELETAL DISORDERS, PREVENTION AND REHABILITATION IN SPINE DISORDERS		36
Kistoryan Z. A.		
SIMULTANEOUS APPLICATION OF TWO ART THERAPEUTIC METHODS IN CORRECTION OF STUTTERING PRESCHOOLERS.....		42
Kudryashova E. V.		
NEUROEPISTEMOLOGICAL DEFINITION OF THE CREATIVE APPROACH TO REALITY.....		49
Mazhanova D. V., Mikhailova I. V.		
RESEARCH OF SUICIDAL RISK OF SENIOR PUPILS IN THE FRAMEWORK OF THE UNIFIED STATE EXAM AND BASIC STATE EXAM		57
Tikhova V. A., Mitin S. N.		
CONCEPT OF SOCIALIZATION AND SOCIALIZATION TRAJECTORIES OF YOUTH IN A CONSUMER SOCIETY.....		62
ECONOMICS AND MANAGEMENT		69
Khodzhayan E. G.		
CREATING THE ENVIRONMENT FOR FORMING A NEW TYPE OF CULTURE		69
PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY		74
Ishkinjaeva L. K., Mironova N. V.		
DOMESTIC MAGAZINES AND THEIR INFLUENCE ON THE WORK OF S. T. AKSAKOV AND V. N. NAZARYEV		74
Kraeva A. G.		
ARTISTIC KNOWLEDGE AS A BASIS FOR FORMATION OF HUMAN COGNITIVE ABILITIES		80

Markov A. V. CRITICISM OF THE GENRE STUDY OF PAINTING IN THE WORKS OF A. V. MIKHAILOV.....	87
Martynenko A. V. POSITIONING THE READER'S CULTURE IN THE DIGITAL AGE: THE SUBCULTURE OF "READERS" IN SOCIAL NETWORKS.....	94
Mitina I. D., Efremova D. N. MUSEUM AS A PLACE TO SOLVE THE PROBLEM OF THE LACK OF FAMILY COMMUNICATION	101
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE	106
Andreeva Yu. V. "NOT GILDED YOUTH WITH INTEREST IN THE EYES": SOCIAL PARTICIPATION OF YOUNG CITIZENS THROUGH THE PRISM OF INTERGENERATIONAL TRANSFER OF VALUES	106
Dombrovskaya A. Yu., Nikulin E. R. NATION-ORIENTED DISCOURSE IN THE SOCIAL-MEDIA SPACE OF BELARUS: SUBSTANTIVE, STRUCTURAL AND SOCIAL-DEMOGRAPHIC ASPECTS.....	117
INFORMATION	128
Summaries of scientific articles, reviews, responses	128
Tocheniy D. S., Tochenaya N. G. "SAD FATE OF THE LAST ROMANTIC OF COMMUNISM" REVIEW THE BOOK BY J. V. EMEYANOV "KHRUSCHEV. "THAW" OR..." (Moscow: Publishing House «Academic Project», 2018. 675 p.).....	128
Our authors	142
Rules of representation and registration of mounting of articles by authors for publication in the "SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK"	145

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Д. С. Точеный

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru

Н. Г. Точеная

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
natalytg1956@gmail.com

**МЕСТО Н. С. ХРУЩЕВА НА ПЬЕДЕСТАЛЕ ПОЧЕТА
СОВЕТСКИХ ЛИДЕРОВ**

Кто же рискнет поставить на одну доску исполинские статуи Ленина и Сталина (коих было не перечить) и скромные немногочисленные бюсты Хрущева? Человека, занимавшего в СССР пост Первого секретаря ЦК КПСС в 1953—1964 гг., полагают известные историки Рой и Жорес Медведевы, никак нельзя отнести к разряду харизматичных личностей [15, с. 71].

Такого же мнения придерживается и большинство россиян. Они убеждены, что Никита Сергеевич — это партийный деятель средних способностей, ограниченного ума, не блиставший образованием, прославившийся скандальным поведением в ООН и глупыми неудачными попытками посевов кукурузы в северных районах страны. Объясняя глубинные причины формирования столь пренебрежительной оценки, Д. А. Волкогонов справедливо замечает: «Ленин и Сталин не только обладали властью диктаторов, но и в глазах людей были подлинными вождями-предводителями. У них, кроме неограниченной власти, было нечто иррациональное, мистическое, революционно-классическое... После мрачных гигантов, носивших выдуманные фамилии Ленина и Сталина, Хрущев оказался для общества как бы легковесным, недостаточно ортодоксальным руководителем» [8, с. 17, 435].

Мощный идеологический аппарат десятки лет воспевал отдельные реальные, но в основном немислимые таланты Владимира Ильича и Иосифа Виссарионовича. Они изображались как волшебники — строители райского общества в СССР. И совершенно необоснованно. Мы не сомневаемся в том, что Никита Сергеевич превзошел их в главном: он принес больше пользы обществу и стране, чем его «гениальные» предшественники. Так, может быть, его место на верхней ступени почета?

Ключевые слова: харизматическая личность, Пленум ЦК КПСС, культ личности, А. Солженицын, А. Верт, тиран, казнь, Ю. Гагарин, целина, голосование, гуманные правовые основы, антисемитизм, пенсия.

Какую роль сыграл Н. С. Хрущев в советской истории? Вот так ответили на этот вопрос партийные и государственные деятели, зарубежные и отечественные историки, философы, научные работники, писатели, журналисты.

Софронов А. В. (редактор):

«Солнце только поднялось над Кремлем, багряное, как знамя, а у Спасских ворот уже былолюдно: участники Пленума Центрального

комитета КПСС шли на очередное заседание. Вся страна следила за работой Пленума ЦК. Его решение о созыве 17 октября 1961 года очередного съезда нашей партии всколыхнуло сердца миллионов, окрылило их мысли, призвало всех советских людей с утроенной силой бороться за досрочное выполнение заданий семилетки!

Дух человечности, подлинного творчества и принципиальности царил в эти дни в Большом

Кремлевском дворце. Не обольщаться успехами, учитывать растущие требования жизни — такая ленинская традиция, которой следовали участники январского пленума. Записка товарища Н. С. Хрущева в Президиум ЦК партии, тезисы его выступления, само выступление Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР на Пленуме и решения Пленума — эти исторические документы вооружают отныне тружеников села в их борьбе за новые рубежи семилетки.

Работа Пленума — образец ленинского подхода к рассмотрению жизненно важных вопросов коммунистического строительства» [21, с. 2—3].

Розенталь М. М., Юдин П. Ф. (философы):

«Коммунизм, — говорит Н. С. Хрущев, — вырастает из социализма, является его прямым продолжением. Было бы неправильно, ошибочно думать, что коммунизм появился как-то внезапно. Переход от социализма к коммунизму осуществляется непрерывно. Однако постепенный переход к коммунизму нельзя принимать как какое-то замедленное движение. Наоборот, это есть период быстрого развития всех сторон жизни нашего общества. Кроме того, такая форма развития не исключает и быстрых, резких скачков в тех или иных областях (например, в технике, науке и т. д.).

...Большое значение для творческого развития марксизма и марксистской философии имеют выступления Н. С. Хрущева; их особенностью является непрерывное единство теории и практики; смелый творческий подход к проблемам, выдвигаемым исторической практикой.

...Выступления Н. С. Хрущева с критикой культа личности Сталина, а также по разнообразным теоретическим вопросам завоевали международное признание. Н. С. Хрущев раскрыл значение и роль в современных исторических условиях марксистско-ленинского учения о единстве теории и практики» [18, с. 406, 410, 413].

Воронов Г. (бывший член Президиума ЦК КПСС):

«Октябрьский Пленум ЦК КПСС 1964 года... Падение Н. С. Хрущева... Мотивы участников Пленума были разные, а ошибка общая; вместо того, чтобы исправить ошибки одной яркой личности, стоявшей во главе партии, мы сделали ставку на другую личность, куда менее яркую. Подобные ошибки неизбежны, когда нет механизма критики руководства, исправления его ошибок, а когда надо, его замены. Будем объективны: в первое время многим пришлось по душе сдержанность нового руководства,

пришедшего на смену Хрущеву. Хотелось верить: раз стало меньше слов, значит, последует больше дел. Да и дела шли не так уж плохо: начались эксперименты в экономике, принесла плоды политика разрядки, но в целом-то поезд уже тормозил» [9, с. 219].

Аджубей А. (журналист):

«Утром в воскресенье Н. С. Хрущев обычно просил прочитать ему театральные репертуар и почти всегда выбирал что-нибудь знакомое. Младшие члены семьи стали ходить с отцом в театр чуть позже, а в начале 50-х эта повинность лежала на нас с женой. Я не оговорился: именно повинность. Никита Сергеевич чаще всего выбирал МХАТ, хотя все спектакли видел не один раз. «Горячее сердце», наверное, раз десять, не меньше, и мы вместе с ним. Соглашался на любую оперу в Большом, а к балету относился равнодушно. Правда, ходил на балетные спектакли, если танцевала Уланова или кто-нибудь из известных балерин. Любил он театр имени Моссовета» [4, с. 68].

Коржавин Н. (писатель):

«Какой философией и какой идейностью можно объяснить теперь почти забытое (а зря!) «рязанское чудо», когда для того, чтобы «догнать Америку по молоку и мясу», в Рязанской области перерезали существенную часть скота. Под радостные реляции с фронтов мясозаготовок, под всяческий звон литавр — догоняли. И ведь делали это работники, бывшие в своем большинстве людьми крестьянского происхождения (в том числе и инициатор «славного почина» секретарь обкома Ларионов), хорошо знавшие, что скот так быстро не воспроизводится, что если его перережешь, так его и не будет. Но ведь это даже и профаны знают. Это был даже не идиотизм, а массовая имитация сумасшествия.

В конце концов, когда скот перерезали, «все выяснилось» (а что тут надо было выяснять?), «инициатор» кончил жизнь самоубийством. Но что он до этого думал? На диалектику надеялся? На то, что в этом кроется какой-то особый диалектико-политический смысл? А если «подтолкнул» Хрущев, то что думал он? Ведь Хрущев родился не на Марсе, а в деревне Калиновка под Курском. И глуп не был — особенно в таких вещах. Как же так?» [13, с. 12—13].

Солженицын А. (писатель):

«Историкам, привлеченным к 10-летнему царствованию Хрущева, когда как бы вдруг перестали действовать некие физические законы, к которым мы привыкли; когда предметы стали на диво двигаться против сил поля и против сил

тяжести, — нельзя будет не поразиться, как много возможностей на короткое время сошлось в этих руках и как возможности эти использовались словно бы в игру, в шутку, а потом покидались беспечно. Удостоенный первой после Сталина силы в нашей истории — уже ослабленной, но еще огромной силы, — он пользовался ею как тот крыловский Мишка на поляне, перекачивая чурбан без цели и без пользы. Дано было ему втрое и впятеро тверже и дальше прочертить освобождение страны — он покинул это как забаву, не понимал своей задачи, покинул для космоса, для кукурузы, для кубинских ракет, берлинских ультиматумов, для преследования церкви, для разделения обкомов, для борьбы с абстракционистами.

Ничего никогда он не доводил до конца — и меньше всего дело свободы. Нужно было натравить его на интеллигенцию? — ничего не было проще. Нужно было его руками, разгромившими сталинские лагеря, — лагеря теперь же и укрепить? — Это было легко достигнуто. И — когда?

В 1956 году — году XX съезда — уже были изданы первые ограничительные распоряжения по лагерному режиму! Они продолжены в 1957 году — году прихода Хрущева к полной безраздельной власти» [20, с. 337].

Верт А. (французский историк):

«В ночь с 24 на 25 февраля 1956 года Хрущев в течение четырех часов зачитывал делегатам XX съезда КПСС «секретный доклад», показывавший развитие и упрочение «культы личности», его проявления и последствия за последние 20 лет... Доклад анализировал извращение Сталиным принципа демократического централизма, рассказывал о чистках и незаконных методах следствия, при помощи которых у тысяч коммунистов были вырваны совершенно невероятные признания. Развенчав миф о Сталине как «наследнике» и «гениальном продолжателе» дела Ленина, доклад атаковал и миф о Сталине-«военачальнике», разрушив канонический образ генералиссимуса и воссоздав облик нерешительного и некомпетентного человека, ответственного за сокрушительные поражения 1941—1942 гг. Доклад также показал ответственность Сталина за депортацию кавказских народов, огульно обвиненных в сотрудничестве с немцами, за конфликт с Тито, фабрикации фальшивых заговоров в 1948 году («ленинградское дело»), 1951 году («мингрельское дело») и 1953 году.

...Однако, сужая рамки незаконных репрессий до одних только коммунистов, ставших жертвами личной диктатуры Сталина, доклад

обходил ключевой вопрос об ответственности перед обществом партии в целом» [7, с. 351, 352].

Каганович Л. (бывший член сталинского Политбюро и Президент ЦК КПСС):

«Должен сказать, что я лучше знал Хрущева, дольше и больше всех, со всеми его положительными и отрицательными сторонами. Можно сказать, что я имел прямое отношение к выдвижению и передвижению Хрущева на руководящую общепартийную работу начиная с 1925 года. Я считал и считаю его выросшим и растущим партийным работником, выходцем из рабочих, способным быть руководящим деятелем в областном, краевом, республиканском и коллективном руководстве во всесоюзном масштабе. Но у меня не было уверенности в его способностях осуществлять роль Первого секретаря ЦК КПСС, особенно учитывая его недостаточный культурно-теоретический уровень, хотя при напряженной, как говорится, работе над собой это дело наживное. Политический же опыт у него был солидный.

...В истории бывало, когда случайно выдвинутые личности росли, развивались в процессе своей деятельности и развивались как вожаки. Но когда они, эти случайно выдвинувшиеся личности, игнорировали объективные закономерности и потребности общества, крах этой, случайно выдвинувшейся, личности был неизбежен. К сожалению, именно это случилось с Хрущевым — речь не идет о должности, а существе поведения в партийно-политическом руководстве, хотя были и положительные моменты в его деятельности, были и способности, и природный ум, ранее подкрепленный скромностью, а впоследствии подорванный зазнайством и волюнтаризмом.

...Если до конца первой половины 1955 года он соблюдал нормы коллективного руководства, то во второй половине 1955 года эти нормы Хрущев стал грубо нарушать. Эксцентричность в том смысле, как объясняет словарь это слово, «из ряда вон выходящий», или стремление, как говорили в Одессе, «свою я показать», начала у него проявляться все больше и больше... После XX съезда Хрущев начал «зарываться», нарушая коллективные методы руководства. Он начал вести себя так, как поется в украинской песне: «Сам пою, Сам гуляю, Сам стелюся, Сам лягаю. Сам!» Это не могло не вызвать недовольства» [11, с. 503, 504, 506, 510].

Микоян А. (бывший член сталинского Политбюро и Президиума ЦК КПСС):

«Я понимаю, что характер Хрущева для его коллег — не сахар, но в политической борьбе

это не должно становиться решающим фактором, если, конечно, речь не идет о сталинском методе сведения счетов со своими подлинными или воображаемыми оппонентами. К Хрущеву такие аналогии не относились. В период борьбы за XX съезд мы с ним сблизились, оказались соратниками и единомышленниками. Хотя трудности его характера уже чувствовались. Но я видел и его положительные качества. Это был настоящий самородок, который можно было сравнить с неотесанным, необработанным алмазом. При своем весьма ограниченном образовании он весьма быстро схватывал, быстро учился. У него был характер лидера: настойчивость, упрямство в достижении цели, мужество и готовность идти против сложившихся стереотипов. Правда, был склонен к крайностям. Очень увлекался, перебарщивал в какой-то идее, проявлял упрямство и в своих ошибочных решениях, и капризах.

...Увлекаясь новой идеей, он не знал меры, никого не хотел слушать и шел вперед, как танк. Это прекрасное качество лидера проявилось в борьбе за десталинизацию, особенно в главном. Иногда, правда, он как бы пугался и шел на уступки. Так, дал себя испугать последствиями XX съезда для коммунистов Европы и отложил реабилитацию по процессам 1930-х гг. Это был противоречивый характер, очень нелегкий в работе и даже в личном общении.

...Трудно даже представить, насколько недобросовестным, нелояльным к людям человеком был Хрущев. Вернее, легко мог им быть... он как будто нарочно создавал своих врагов, но даже не замечал этого... Многие маршалы и генералы — члены ЦК КПСС — были против него за его перегибы в военном деле.

...Хотя с Хрущевым было трудно, но все же я был искренне огорчен его отстранением. Все-таки он гораздо больше понимал в политике, чем Брежнев, имел большой опыт работы в Политбюро. Наконец, его военный опыт на высокой должности члена Военного совета фронта был гораздо весомее, чем у Брежнева. Потом он был активным членом Военного совета, не то что некоторые. И вообще он болел за дело, был активным, твердым, когда надо было» [16, с. 597—598].

Горкин А. П., Карев В. М. (составители энциклопедического словаря):

«Хрущев Никита Сергеевич... Один из инициаторов «оттепели» во внутренней и внешней политике, реабилитации жертв репрессий; предпринял попытку модернизировать партийно-государственную систему, ограничить привилегии партийного и государственного аппарата,

улучшить материальное положение и условия жизни населения. На 20-м (1956) и 22-м (1961) съездах КПСС выступил с резкой критикой так называемого культа личности и деятельности Сталина. Однако сохранение в стране однопартийного режима, подавление инакомыслия, расстрел рабочих демонстраций (Новочеркасск, 1962 и др.), произвол в отношении интеллигенции, вооруженная интервенция (в Венгрии, 1956 и др.), обострение военного противостояния с Западом (Берлинский (1961) и Карибский (1962) кризисы и др.), а также политическое и экономическое прожектёрство (призывы догнать и перегнать Америку, обещание построить коммунизм к 1980 году) делали его политику противоречивой и непоследовательной. Недовольство высшего государственного и партийного аппарата привело к смещению Хрущева со всех занимаемых постов в октябре 1964 года» [10, с. 669—670].

Тaubман У. (американский историк):

«Хрущев был соучастником сталинских деяний, его раздирали противоречия: что сделать со сталинским наследием и как реагировать на разведывательный полет американского У-2. Он оказался совершенно неспособен продумать политику в Берлине и на Кубе. Его взрывной характер и безрассудство часто шли ему во вред. Но в отличие от прочих сталинских помощников он все-таки сохранял человечность, по-своему заботился о благосостоянии народа и имел смелость идти на риск тогда, когда считал это правильным... То, что он предвидел более разумный тип международных отношений, является одним из его главных достижений» [23, с. 9—10].

Торчинов В. А., Монтюк А. М. (историки):

«Среди достижений эпохи Хрущева — запуск первого спутника (1957), а также спутника с первым в мире космонавтом Ю. А. Гагариным на борту (1961). Сельское население перестало быть «второсортным»: крестьяне получили паспорта (коих они, второстепенные граждане, не имели в сталинские времена); стал постепенно возрастать их жизненный уровень. Радикальными по своему характеру были реформы в пенсионном обеспечении и жилищном строительстве. Введение нового судебного законодательства и нового Уголовного кодекса можно в известном смысле рассматривать как шаг в направлении правового государства.

...В общественной памяти имя Хрущева оказалось накрепко связанным с кукурузной эпопеей. Между тем ветеран войны и труда В. А. Денисов из деревни Луговая Вирня Гомельской области говорит: «Самое крупное

«злодейство» сталинцы предъявляют Хрущеву за кукурузу. Ай, ай! Какое преступление! Легче Сталину простить миллионы загубленных лучших людей Отечества, уничтожение деревни, чем Н. С. Хрущеву кукурузу». В. А. Денисова поддерживает киевлянка И. М. Шитова, заканчивая свое письмо словами: «И не так уж Хрущев смешон, как кажется. Кукурузное поле лучше кладбища» [25, с. 522].

Хрущев С. (ученый):

«В первые месяцы 1964 года завязался узелок кризиса, который отцу, оказалось, не суждено было пережить. На сей раз события разворачивались не где-то вдали, а здесь, дома, в Москве. От отца решили избавиться.

Прошедшее десятилетие он посвятил попыткам наладить, запустить механизм централизованной экономики, отыскать и реально продемонстрировать его преимущества перед стихией, рынком. На решение именно этой задачи нацелены были многочисленные переходящие одна в другую реорганизации, упразднение одних ведомств и возникновение на их руинах других, борьба за сокращение разбухшего бюрократического аппарата, лишение реальных и мнимых привилегий. Вначале казалось, что дело сдвинулось с места, но вскоре все снова стало тормозиться, реформы то и дело застревали, натываясь на непреодолимые преграды. Окрики, поездки по стране, стремление вникнуть в тонкости не улучшали ситуацию.

Отец не понимал, в чем дело. Он нервничал, горячился, ссорился, искал виновных... и не находил... Происходили бесконечные перемещения из кресла в кресло... «Старик» своей непоследовательностью надоел всем... Аппарат жаждал спокойствия и стабильности... Все эти пересадки, перетряски сидели в печенках... Армия роптала на проведенные сокращения, в результате которых не только домой вернулись солдаты, но и остались без работы офицеры... Интеллигенция тоже потеряла веру в отца. Он ухитрился поссориться со многими своими сторонниками. Отец исчерпал себя. Его время истекло» [27, с. 601—602].

Хоскинг Дж. (английский историк):

«14 октября 1964 года состоялся пленум Центрального Комитета, на который Хрущева спешно доставили из Крыма, где он проводил свой отпуск. Речь была только одна. Ее произнес Суслов, и по сути она представляла собой обвинительный акт Хрущеву. Провалы его политики преувеличивались, в то время как успехи не упоминались вовсе. Суслов обвинил Хрущева в создании собственного «культа личности», в

попытках быть специалистом по всем вопросам, в нескончаемых и бессмысленных реорганизациях, в опрометчивой и неосторожной внешней политике. Кажется, за него не вступился никто...

И все-таки Хрущев был в некоторых отношениях выдающимся государственным деятелем. Больше, чем любой из его коллег, он ощущал всю серьезность внутренних проблем, стоявших перед страной. Его попытки разрешить их отличались своеобразием, а подчас и грубостью. Более того, он сам не смог до конца освободиться от сталинских методов политики, какой бы сферы она ни касалась. Тем не менее он оставил страну в более процветающем состоянии, чем его предшественник. К тому же во многих отношениях она совершенно изменилась. Сам его уход символизировал произошедшие перемены. Один британский журналист написал тогда по этому поводу: «Десятью годами ранее и помыслить было невозможно, что преемник Сталина будет смещен со своего поста при помощи такой простой и мягкой процедуры, как голосование» [26, с. 349].

Рыжов К. (историк):

«Сопоставление судеб двух знаменитых российских правителей-реформаторов — Александра II и Никиты Сергеевича Хрущева — обнаруживает любопытные параллели в далеких друг от друга и, на первый взгляд, очень несхожих между собой исторических эпохах. Очевидно, за последние сто с небольшим лет российская государственность дважды проходила через важную критическую точку своего развития, когда громоздкая бюрократическая система становилась перед сложной проблемой кардинального самореформирования. Увы, в обоих случаях она оказалась не способна к глубокому обновлению. Преобразования Александра Второго Освободителя не спасли Российскую империю от страшного краха в 1917 году, так и хрущевские реформы не могли предотвратить развал советской системы в 1991—1993 гг.

...Он стал у руля государства в чрезвычайно сложный и ответственный момент: страну покрывали концлагеря, в которых томились сотни тысяч невинно осужденных людей, тяжелый кризис переживало сельское хозяйство (урожайность зерновых опустилась примерно до 8 центнеров с гектара), промышленность требовала технического перевооружения, население устало от бытовой неустроенности — люди нуждались в жилье и товарах народного потребления, остро стояла продовольственная проблема. Все эти вопросы требовали быстрого разрешения.

Едва придя к власти, Хрущев санкционировал работу специальных комиссий по пересмотру дел политзаключенных. Через несколько лет огромные концлагеря опустели. Он справедливо считал разоблачение культа личности и создание общества, построенного на гуманных правовых основах, своей главной исторической заслугой. Несмотря на многие его ошибки и заблуждения, следует признать, что он искренне желал советскому народу всевозможных благ.

Хрущев был первым из лидеров советской власти, который не только на словах, но и на деле обратился к нуждам трудящихся. Так, по его инициативе широко развернулось строительство жилых домов с малогабаритными, но отдельными семейными квартирами... При Сталине пенсии были настолько мизерными, что носили символический характер. Хрущев планомерно повышал пенсии и сделал их в конце концов настолько значительными, что на них стало возможно жить (вести скромное существование)» [19, с. 469—470].

Шикман А. (историк):

«Не являясь инициатором или организатором «Большого террора», Хрущев не выступал против него, никого не пытался защитить и подписывал расстрельные списки наряду со всеми. В 1938 году был избран кандидатом, а на следующий год — членом Политбюро... На параде Победы находился на трибуне Мавзолея с ближайшим сталинским окружением. В сентябре 1953 года стал Первым секретарем, положив начало новому процессу жизни советского общества, названному писателем И. Г. Эренбургом «оттепелью». В 1956 году на закрытом заседании XX съезда КПСС выступил с докладом «О культе личности и его последствиях». В нем не была предпринята даже попытка анализа системы, сделавшей возможным кровавый сталинский деспотизм, но преступления режима (голод в результате сталинской коллективизации, уничтожение военных кадров накануне войны, депортация народов и др.) стали достоянием общественности. Даже часть правды о сталинизме нанесла мощный удар по тоталитарной системе, заставив задуматься множество людей, положила начало массовой реабилитации, освобождению оставшихся в живых узников лагерей.

Искренне верящий в преимущество советской системы Хрущев стремился улучшить жизнь обычных граждан: в 1956 году был отменен антирабочий закон, запрещавший «самовольный» переход на другую работу, была повышена зарплата в государственном секторе,

низкооплачиваемым категориям граждан был снижен пенсионный возраст и вдвое увеличены пенсии по старости.

...После хорошего урожая на целинных землях, давшего половину собранного в стране зерна, Хрущев встал на путь авантюристических административных и экономических реформ и кампаний. В 1957 году им был выдвинут лозунг «Догнать и перегнать Америку в производстве мяса и молочных продуктов в два-три раза», не имевший никаких реальных предпосылок для его выполнения и кончившийся полным провалом. Потерпела неудачу программа принудительного выращивания кукурузы, внедрявшаяся в регионах, заведомо для этого непригодных.

Над могилой Хрущева установлен чернобелый памятник работы скульптора Эрнста Неизвестного, символизирующий неоднозначность его правления» [28, с. 589—590, 592].

Крючков В. А. (бывший председатель КГБ СССР):

«После смерти Сталина к власти в нашей стране пришел Н. С. Хрущев. Он находился у руля до октября 1964 года. То есть одиннадцать с половиной лет. За это время он показал себя во всей «красе», оставил после себя такой след, о котором люди до сих пор говорят с большим знаком минус. Вред, причиненный Н. С. Хрущевым нашему Отечеству своим характером, своей бездарной, импульсивной деятельностью, исправить так просто оказалось невозможно. До сих пор в стране ощущаются негативные последствия от неумной энергии этого человека без преувеличения буквально по всем направлениям жизнедеятельности государства и общества.

Иногда кажется, что судьба решила горько подшутить и после И. В. Сталина поставила у власти Н. С. Хрущева и тем оттенила неприглядности последнего, а именно: бездарность, никчемность, отрицательный тип человека, недостойную манеру поведения. И. В. Сталин и Н. С. Хрущев — это полные противоположности как личности, а также по результатам своей деятельности, практического курса, которого они придерживались. Как выразился наш публицист Юрий Белов, «Сталин и Хрущев — это величие и неопределенность».

Один (И. В. Сталин) закончил свой жизненный путь с большим плюсом, оставив после себя такие достижения и результаты, которыми мы гордимся до сих пор и которые нас как-то еще спасают. Другой же (Н. С. Хрущев) закончил свой путь с огромным минусом, с огромными издержками, которые не удастся устранить до сих

пор. И еще долго они будут давать о себе знать исключительно с негативной стороны.

...За одиннадцать с небольшим лет, что Хрущев находился у власти, он пустил под откос результаты борьбы и труда многих поколений российских граждан, в том числе и советских людей. Он причинил такой масштабный вред стране, который нам не только не удалось устранить, но который вошел в плоть нашего Отечества, болезненным образом давая о себе знать до сих пор. Н. С. Хрущева можно в полной мере отнести к политикам, для которых характерны демагогия, популизм, безответственные обещания, обман людей труда и непонимание принципиальных основ управления государством, тем более таким огромным и сложным, каким был Советский Союз» [14, с. 60—61].

Артизов А. А., Наумов В. П., Сигачев Ю. В. (историки-архивисты):

«Официальная советская историография долгие годы уверяла, что освобождение Хрущева от обязанности первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета Министров СССР и члена Президиума ЦК КПСС произошло на октябрьском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС по просьбе самого Хрущева «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья» после коллективного обсуждения вопроса о его «стиле и методах руководства». В действительности решение о снятии Хрущева предопределила группа лиц из партийно-государственного руководства СССР, заранее, на предшествовавших пленуму встречах и заседаниях Президиума ЦК КПСС, сговорившаяся против лидера страны.

Мировая реакция на снятие Хрущева волновала новое кремлевское руководство гораздо больше, нежели мнение собственного народа. Для внутреннего употребления годилась передовая «Правды» и специально устроенные партийные собрания, на которых строго в соответствии с полученными установками партийные секретари и пропагандисты разъясняли произошедшие изменения. Для друзей и коллег из социалистического лагеря и коммунистических партий, которые восприняли московскую новость как отказ от преодоления сталинизма (венгерских и итальянских товарищей это встревожило, китайских коммунистов, напротив, обрадовало и обнадёжило), пришлось организовать серию встреч в верхах. Послам и резидентам КГБ была разослана директива с указанием побеседовать с лидерами мирового коммунистического и социалистического движения. В этой директиве советские руководители постарались объяснить снятие Хрущева не столько объек-

тивными, сколько субъективными обстоятельствами, всячески подчеркивая неизменность политического курса СССР. Дабы создать видимость беспристрастности, в директиве признавалось, что «т. Хрущев внес определенный вклад в разработку и осуществление коллективно выработанной генеральной линии нашей партии, принятой на XX, XXI и XXII съездах КПСС».

Последующие события, однако, подтвердили подозрения тех, кто сомневался в искренности подобных объяснений. Новое руководство страны отказалось от дальнейшей десталинизации общества. Это проявилось в небольшой вроде бы детали: у кремлевской стены установили бюст Сталина» [14, с. 5, 11—12].

Бушков А. (историк):

«Во всем, что касалось нормальной работы, Хрущев был бездарен и косорук. Профессиональный партаппаратчик, не более того. Вся его многолетняя «работа» — это старательное выполнение указаний свыше — и доведение их, в стремлении выслужиться, до полного абсурда. Как это было в период «большого террора», когда не кто иной, как Хрущев, стахановскими темпами перевыполнял план по арестам и расстрелам (свидетельств достаточно).

Реальным — промышленностью, транспортом, сельским хозяйством, наукой, разведкой — всегда занимались другие, кто угодно, но только не Хрущев. В Отечественную войну, будучи членом военных советов ряда фронтов, он прямо причастен к серьезнейшим провалам вроде Киевской катастрофы. Но вот язык у него всегда был хорошо подвешен» [5, с. 251].

Торбеев Г. И. (научный работник), *Свечников П. Г.* (секретарь Челябинского обкома КПРФ):

«В 1922 году Иосиф Виссарионович, по настоянию В. И. Ленина, был избран Генеральным секретарем ЦК партии, а в 1956 году на XX съезде партии, по прихоти Хрущева, произошло развенчание культа личности Сталина. Хрущев, сам того не понимая, нанес жестокий удар по Советской власти изнутри. Как теперь говорят, метил в Сталина — попал в Россию.

Хрущев не понимал, что в мировой истории Сталин — одна из самых значительных и масштабных фигур XX столетия — является фактически бичом Божьим, с помощью которого Бог наставлял человечество на путь истинный, несмотря на все прегрешения и нравственное падение народов. В Хрущеве удивительным образом сочетались честолюбие и пресмыкательство, жестокость и трусость, ограниченность и высокое самомнение. Именно Хрущев вместе с

Кагановичем и Молотовым поставил подпись под постановлением о разрушении Храма Христа Спасителя, и только Сталин не позволил им снести храм Василия Блаженного на Красной площади в Москве.

Вместе с тем, будучи жестоким по отношению к другим, Хрущев сам был весьма труслив. Будучи членом Военного Совета армий Юго-Западного направления, сражающихся под Харьковом, в критический момент, когда немцы окружили наши войска, бросил фронт и бежал в Москву. Вызванный к Сталину, он утверждал, что выехал по вызову. После того как Сталин приказал арестовать и расстрелять Хрущева, тот бросился в ноги к вождю с криком: «Отец родной! Пощади! Я отслужу!» Присутствующий при этой сцене Молотов пожалел этого подонка и подтвердил Сталину, что это он вызвал Хрущева. (Напрасно пожалел. В 50-е годы Хрущев безжалостно разделался со своим спасителем, обвинив его в антипартийности.)

Тов. Сталин нередко называл в своем кругу Хрущева, с полным на то основанием, придурком. Хрущев абсолютно малограмотный человек. В 1920 году голосовал за троцкистскую платформу. Хрущев был ярким сторонником гонений на православную церковь» [24, с. 12—13, 515].

Прайсман Л., Зиссерман-Бродская Д., Чарный С. (историки):

«В. Ленин был решительным противником антисемитизма во всех его проявлениях и клеймил его как «гнусное раздувание расовых особенностей и национальной вражды». Он резко осуждал еврейские погромы и утверждал, что «только совсем темные и забытые люди могут верить лжи и клевете, распространяемых о евреях». Личное отношение Ленина к евреям было неизменно положительным, и ему даже принадлежали, по свидетельству современников (М. Горького), высказывания филосемитского характера: «Мы (русские) народ по преимуществу талантливый, но крайне ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови»...

В отличие от Ленина, И. Сталин уже в молодости отличался антисемитизмом. В статье «Лондонский съезд РСДРП» (1907 г.) он шутил во писал, что «меньшевики — еврейская фракция, большевики — истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром».

...Борьба с оппозицией в партии, в которую входили Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Л. Каменев, Г. Сокольников, К. Радек, М. Лашевич и другие, способствовала нагнетанию антисемитских на-

строений. Официальные партийные агитаторы, с явного одобрения И. Сталина и его окружения, не гнушались использовать на собраниях рабочих демагогические высказывания типа «во главе оппозиции стоят три недовольных еврейских интеллигента» и т. п. Массовые аресты 1936—1939 гг. затронули многих старых большевиков, среди которых было значительное количество евреев.

...В 1944—1945 гг. государственный антисемитизм усиливался на всех уровнях. Инициатива антисемитской кампании исходила из высших эшелонов власти (во время войны Сталин позволял себе антисемитские высказывания)... Большинство исследователей и мемуаристов (включая дочь Сталина Светлану Аллилуеву) склонны считать, что в антиеврейской политике Сталина немаловажную роль сыграла также прогрессирующая годами юдофобия.

...Пиком послевоенного государственного террора, неотъемлемой частью которого была политика официального антисемитизма, стало «дело врачей»... Смерть Сталина 5 марта 1953 года спасла еврейское население СССР от усиливавшихся преследований и, возможно, от готовившейся депортации... В газетах перестали появляться антисемитские публикации.

...В 1961 году началась кампания борьбы с «хищениями социалистической собственности», носившая откровенно антисемитский характер. Суды выносили более жестокие приговоры, чем предполагало законодательство. 6 февраля 1962 года был принят указ, вводивший смертную казнь за взяточничество в особо крупных размерах. Подавляющее большинство подсудимых были евреями. Неоднократно во время процессов работники прокуратуры и судьи позволяли себе грубые антисемитские выпады. В газетах все чаще появлялись публикации, в которых откровенно прослеживались антисемитские мотивы.

Кампания проводилась по личному указанию Н. Хрущева, остановить ее не смогли даже многочисленные протесты западной общественности, в том числе известного английского ученого Б. Рассела. Одним из проявлений политики государственного антисемитизма стало также почти полное вытеснение евреев из высших эшелонов власти. Практически полностью были закрыты для евреев министерства иностранных дел и внешней торговли. В некоторые вузы (например, Московский государственный институт международных отношений) евреев вообще не принимали, в другие брали в соответствии с определенной процентной нормой. Личное от-

ношение Хрущева во многом определяло политику советских властей в отношении евреев» [17, с. 336, 338, 556, 581, 589].

Артизов А. Н., Величанская Л. А., Казарина И. В., Прощуменщинов М. Ю., Таванец С. Д., Томилина Н. Г. (историки-архивисты):

«Никита Сергеевич Хрущев... Одна из наиболее колоритных политических фигур XX столетия, которая до сих пор продолжает вызывать яростные политические споры — от тотального неприятия до восторженного прославления. Личность, неизменно приковывающая к себе внимание и не оставляющая равнодушными исследователей, журналистов, простых любителей истории. Человек невероятной энергии, политической мобильности, наделенный недюжинной деловой хваткой и политической смекалкой. И в то же время — ранимый, эмоционально-импульсивный, непредсказуемый. Перечислять различные, порой взаимоисключающие качества Хрущева можно долго, гораздо сложнее понять, как все это оказалось совмещенным в одном человеке...

Человек, который до 15 лет пас скот у помещика, а затем 9 лет проработал слесарем на рудниках Донбасса, на волне революционных преобразований очень скоро становится партийным лидером столицы первого в мире социалистического государства, а еще через пару десятилетий — вождем советского народа. Он был не просто талантливым самородком, но и умел учиться «на ходу», познавал премудрости партийной, государственной и политической жизни в процессе непосредственной практической деятельности. Будучи классическим продуктом советской системы, Хрущев в то же время пытался (где-то грубо и решительно, где-то наивно и примитивно) модернизировать ее, сделать более человечной. Он хотел накормить народ, дать ему новое жилье и обеспечить достойными зарплатами и пенсией, но при этом был убежден, что любое недовольство народа властью («родной, советской властью!») — это происки врагов, которые должны беспощадно (как, например, в Новочеркасске) подавляться.

По иронии судьбы возрожденное им могущество партийной номенклатуры очень скоро сыграло роковую роль в его собственной судьбе: большинство из тех, кто отправил Хрущева в отставку в октябре 1964 года, были его ставленниками и выдвиженцами» [3, с. 5—6].

Аксютин Ю. (историк):

«Хрущев оставил своим наследникам во многом другую страну по сравнению с той, что досталась ему и другим соратникам Сталина.

Несравненно возросла ее экономическая и особенно военная мощь. Определенные усилия были предприняты по модернизации инфраструктуры и управления. Покончено с массовыми и необоснованными репрессиями. Общество стало более стабильным. Был взят решительный курс на решение жилищной проблемы. Видоизменилась производственная проблема: ликвидирована нехватка хлеба и стали предприниматься меры (правда, безуспешные), чтобы удовлетворить спрос населения на масло, молоко и мясо. Колхозники получили возможность беспрепятственно покидать деревню и переселяться в город. Появился и стал быстро расти новый класс пенсионеров» [2, с. 599].

Карлов В. (писатель, историк):

«В годы учебы в Промакадемии втерся в окружение жены Сталина хитрый мужичок — секретарь партийной ячейки академии... Никита Хрущев. Аллилуева ввела его в свой дом. Веселый и проницательный, Никита выглядел бесхитростным. Сталин запомнил его. После смерти жены, чувствуя за собой какую-то вину, Сталин поддерживал Хрущева как товарища Нади, выдвигал на должности районного и городского масштаба... Ну а Никита иногда развлекал гостей Сталина во время застолий на даче — плясал вприсядку с балалайкой и пел матерные частушки» [12, с. 115].

Суходеев В. (историк):

«На XXII съезде КПСС (1961) Н. С. Хрущев инициировал принятие съездом специального решения о нецелесообразности дальнейшего сохранения в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина. В ночь с 30 на 31 октября 1961 года гроб с телом И. В. Сталина был тайно захоронен в некрополе у кремлевской стены. В 1961 году все города, носящие имя Сталина, были переименованы, в том числе город-герой Сталинград. Имя Сталина было убрано из названий областей и предприятий, колхозов и институтов, поселков и улиц.

...Волюнтаристический удар Н. С. Хрущев наносил не по Сталину, а по социализму, марксизму-ленинизму, по существу, перечеркивал весь героический и трудный путь строительства социалистической цивилизации с ее победой над гитлеровским фашизмом. И тем самым положил начало перерождению партийных кадров, отрыву Коммунистической партии от народа, что в итоге привело к разрушению Советского Союза» [22, с. 595].

Веллер М. (писатель, философ):

«Когда товарищ Сталин умер, товарищ Берия изготовился вести страну по пути великих

демократических реформ. Он был прекрасный администратор, умный и очень информированный человек. Он понимал, что страна движется к краху. Ресурсы страны исчерпаны, производительность труда очень низкая, и ехать дальше на рабском труде заключенных невозможно. Его коллеги тоже это понимали. Но они боялись, что Берия — на всякий случай, по традиции — расстреляет всех.

Хрущев воплотил многое из того, что началось еще Берией. А во многом пошел еще дальше. Он освободил крестьян от крепостной зависимости. При нем колхозники получили паспорта и пенсии. Ничтожные, 12-рублевые, но раньше они и этого не знали. При Хрущеве исчез жуткий страх перед арестом и исчезновением в ГУЛАГе. При Хрущеве люди не боялись рассказывать политические анекдоты. При Хрущеве люди переселялись в отдельные квартиры в массовом порядке.

Это он сократил сумасшедшие расходы на армию и направлял средства на жилищное строительство. Он был во многом человеком разумным. В той же армейской системе он порезал авиацию и надводные корабли: в этих видах мы все равно не могли конкурировать с американцами. Но он сделал ставку на ракеты и подводные лодки. И вот здесь мы с Америкой стали конкурировать. Это при Хрущеве Советский Союз стал сверхдержавой. Но власть не удержал. Недосмотрел за товарищами. Недооценил крайне низкий коэффициент полезного действия партийно-бюрократического аппарата, дегенерацию этого аппарата, который любое указание способен на выходе обратить в противоположное. Как результат — его убрали» [6].

Экштут С. (философ, историк):

«Я настаиваю на том, что хрущевский «миллион двести» стал одной из тех трагедий, которые наша страна пережила в XX веке, но и знаковым событием, разделившим отечествен-

ную историю на периоды «до» и «после». Мои коллеги-историки говорят: Великая русская революция, Смута, голод 30-х годов, 37-й год — знаковые даты нашей истории, разумеется, называют Великую Отечественную войну. Все понятно. Но никто не вспоминает 1960-й год и «миллион двести», хотя хрущевское сокращение вооруженных сил имело длительные негативные последствия в большом времени истории, отголоски которого мы ощущаем по сию пору.

Именно тогда в Советской армии началась дедовщина. В обществе резко упал престиж офицерского звания. Власть оказалась неспособной не только обеспечить своим защитникам достойное существование, но и стала пачками выбрасывать боевых офицеров на улицу без куска хлеба!

Вот этот мощный сдвиг в социальной психологии, который начался после окончания войны, а окончательно сформировался и завершился после 1960 года, совершенно не зафиксирован и не изучен ни историками, ни психологами, ни социологами и абсолютно не осмыслен философами» [29, с. 308—309, 314].

Наш вывод. Наилучший лидер страны — тот, кто озабочен в первую очередь сбережением своего народа. В. И. Ленин, создатель советской системы тоталитарного государства, является одним из инициаторов и организаторов гражданской войны, в ходе которой погибло от 8 до 13 миллионов человек. Он несет также прямую ответственность за смерть от голода в 1921—1922 гг. 7 миллионов жителей Советской России. И. В. Сталин погубил в процессе коллективизации 10 миллионов крестьян, замучил, наверное, столько же невинных людей в тюрьме и концлагерях.

Так выразим же глубокую благодарность Н. С. Хрущеву, который вернул свободу узникам ленинско-сталинского ГУЛАГа и ослабил ужасные тиски тоталитарного режима.

Литература

1. Аджубей А. Те десять лет / А. Аджубей. — М. : Советская Россия, 1989. — 336 с.
2. Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. / Ю. Аксютин. — М. : РОССПЭН, 2010. — 624 с.
3. Артизов А. Н. Введение / А. Н. Артизов, Л. А. Величанская, И. В. Казарина, М. Ю. Прокуменщиков, С. Д. Таванец, Н. Г. Томилин // Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Документы. — М. : МФД, 2009. — 656 с.
4. Артизов А. Н. Введение / А. Н. Артизов, В. П. Наумов, Ю. В. Сигачев // Никита Хрущев, 1964. Документы. — М. : Материк, 2007. — 752 с.
5. Бушков А. Сталин. Красный монарх / А. Бушков. — М. : Олма-Медиа-групп, 2007. — 622 с.
6. Веллер М. Доза правды / М. Веллер // Аргументы и факты. — 2016. — 24 февраля.

7. Верт А. История Советского государства. 1900—1991 / А. Верт. — М. : Прогресс, 1992. — 480 с.
8. Волкогонов Д. А. Семь вождей : в 2 кн. / Д. А. Волкогонов. — М. : Новости, 1995. — Кн. 1. — 475 с.
9. Воронов Г. От «оттепели» до застоя / Г. Воронов // Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. — М. : Политиздат, 1989. — 367 с.
10. Горкин А. П. История, люди, регионы России / А. П. Горкин, В. М. Карев. — М. : Большая российская энциклопедия, 1999. — 799 с.
11. Каганович Л. М. Памятные записки / Л. М. Каганович. — М. : Варгиус, 1997. — 572 с.
12. Карпов В. Генералиссимус / В. Карпов. — М. : Вече, 2011. — 464 с.
13. Коржавин Н. Истоки и психология исторической задержки / Н. Коржавин // Погружение в трясины (анатомия застоя). — М. : Прогресс, 1991. — 704 с.
14. Крючков В. А. Личность и власть / В. А. Крючков. — М. : Просвещение, 2004. — 383 с.
15. Медведев Р. Неизвестный Сталин / Р. Медведев, Ж. Медведев. — М. : Время, 2011. — 496 с.
16. Микоян А. Так было. Размышления о минувшем / А. Микоян. — М. : Вагриус, 1999. — 637 с.
17. Прайсман Л. История евреев в России / Л. Прайсман, Д. Зирерман-Бродская, С. Чарный. — М. : Федерация еврейских общин России, 2007. — 725 с.
18. Розенталь М. М. Философский словарь / М. М. Розенталь, П. Фюдин. — М. : Политиздат, 1963. — 544 с.
19. Рыжов К. Сто великих россиян / К. Рыжов. — М. : Вече, 2002. — 655 с.
20. Солженицын А. Малое собрание сочинений : в 7 т. / А. Солженицын. — М. : Инком Н. В., 1991. — Т. 7. — 383 с.
21. Софронов А. В. К новым рубежам / А. В. Софронов // Огонек. — 1961. — 22 января.
22. Суходеев В. Сталин. Энциклопедия / В. Суходеев. — М. : Алгоритм, 2014. — 639 с.
23. Таубман У. Предисловие к американскому изданию / У. Таубман // Хрущев С. Рождение сверхдержавы. Книга об отце. — М. : Время, 2000. — 639 с.
24. Торбеев Г. И. Сталин: правда и вымыслы / Г. И. Торбеев, П. Г. Свечников. — Челябинск, 2007. — 605 с.
25. Торчинов В. А. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник / В. А. Торчинов, А. М. Леонтьев. — СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2000. — 606 с.
26. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917—1991 / Дж. Хоскинг. — Смоленск : Русич, 2000. — 496 с.
27. Хрущев С. Рождение сверхдержавы. Книга об отце / С. Хрущев. — М. : Время, 2000. — 639 с.
28. Шикман А. Кто есть кто в российской истории / А. Шикман. — М. : Вагриус, 2003. — 655 с.
29. Экштут С. Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас? / С. Экштут. — М. : Кучково поле, 2017. — 336 с.

PLACE OF N. S. KHRUSHCHEV ON THE PODIUM OF SOVIET LEADERS

D. S. Tocheniy

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
tmichael1977@rambler.ru

N. G. Tochenaya

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
natalygtg1956@gmail.com

Who would dare to put on the same plank the gigantic statues of Lenin and Stalin (of which there were plenty) and the modest few busts of Khrushchev? The person who held the post of First Secretary of the CPSU Central Committee in 1953—1964 in the USSR, according to the famous historians Roy and Zhores Medvedev, can in no way be classified as a charismatic person.

The majority of Russians are of the same opinion. They are convinced that Nikita Sergeevich is a party leader of average ability, a limited mind and education, famous for scandalous behavior in the UN and stupid unsuccessful attempts to plant corn in the northern regions of the country. Explaining the deep reasons for making such a disrespectful assessment, D. A. Volkogonov fairly notes: "Lenin and Stalin not only possessed the power of dictators, but in the eyes of the people were real leaders — marshals. Apart from unlimited power, they had something irrational, mystical, revolutionary-classical..."

After the gloomy giants who had false names of Lenin and Stalin, Khrushchev turned out to be a kind of lightweight, insufficiently orthodox leader for society."

For decades, a powerful ideological apparatus glorified individual real, but mostly extraordinary talents of Vladimir Ilyich and Joseph Vissarionovich. They were portrayed as magicians — the builders of a paradise society in the USSR. However, completely unreasonable. We have no doubt that Nikita Sergeevich surpassed them substantially: he brought more benefits to society and the country than his "genius" predecessors. So, maybe his place is at the top of the honor?

Key words: charismatic personality, plenum of the CPSU Central Committee, personality cult, A. Solzhenitsyn, A. Vert, tyrant, execution, Yu. Gagarin, virgin lands, voting, humane legal foundations, anti-Semitism, pension.

References

1. Adzhubey A. (1989) *Te desyat let* [Those ten years]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 336 p.
2. Aksyutin Yu. (2010) *Khrushchevskaya "ottepel" i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953—1964 gg.* [Khrushchev's "thaw" and public sentiment in the USSR in 1953—1964]. Moscow: ROSSPEN, 624 p.
3. Artizov A. N., Velichanskaya L. A., Kazarina I. V., Prozumenshchikov M. Yu., Tavanets S. D., Tomilin N. G. (2009) *Vvedenie. Nikita Sergeevich Khrushchev. Dva tsveta vremeni. Dokumenty* [Introduction. Nikita Sergeevich Khrushchev. Two colors of time. Documentation]. Moscow: MFD, 656 p.
4. Artizov A. N., Naumov V. P., Sigachev E. V. (2007) *Vvedenie. Nikita Khrushchev, 1964. Dokumenty* [Vvedenie. Nikita Hrushchev, 1964. Dokumenty]. Moscow: Materik, 752 p.
5. Bushkov A. (2007) *Stalin. Krasnyj monarkh* [Stalin. Red monarch]. Moscow: Olma-Media-grupp, 622 p.
6. Veller M. (2016) *Doza pravdy* [A dose of truth]. *Argumenty i fakty*, 24 February.
7. Vert A. (1992) *Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900—1991* [History of the Soviet state. 1900—1991]. Moscow: Progress, 480 p.
8. Volkogonov D. A. (1995) *Sem vozhdov* [Seven Leaders]. Moscow: Novosti, Book 1, 475 p.
9. Voronov G. (1989) *Ot "ottepeli" do zastoya. Materialy k biografii* [From "thaw" to stagnation]. Moscow: Politizdat, 367 p.
10. Gorkin A. P. (1999) *Istoriya, lyudi, regiony Rossii* [History, people, regions of Russia]. Moscow: Bolshaya rossijskaya enciklopediya, 799 p.
11. Kaganovich L. M. (1997) *Pamyatnye zapiski* [Aide-memoire]. Moscow: Vargius, 572 p.
12. Karpov V. (2011) *Generalissimus* [Generalissimo]. Moscow: Veche, 464 p.
13. Korzhavin N. (1991) *Istoki i psikhologiya istoricheskoy zaderzhki* [Origins and psychology of historical delay]. Moscow: Progress, 704 p.
14. Kryuchkov V. A. (2000) *Lichnost i vlast* [Personality and power]. Moscow: Prosveshchenie, 383 p.
15. Medvedev R. (2011) *Neizvestnyj Stalin* [Unknown Stalin]. Moscow: Vremya, 496 p.
16. Mikoyan A. (1999) *Tak bylo. Razmyshleniya o minuvshem* [It was. Reflections on the past]. Moscow: Vagrius, 637 p.
17. Praysman L. (2007) *Istoriya evreev v Rossii* [History of Jews in Russia]. Moscow: Federatsiya evreyskikh obshchin Rossii, 725 p.
18. Rozental M. M. (1963) *Filosofskiy slovar* [Philosophy]. Moscow: Politizdat, 544 p.
19. Ryzhov K. (2002) *Sto velikikh rossiiyan* [One hundred great Russians]. Moscow: Veche, 655 p.
20. Solzhenitsyn A. (1991) *Maloe sobranie sochineniy* [Small collected works: in 7 volumes]. Moscow: Inkom N. V., vol. 7, 383 p.
21. Sofronov A. V. (1961) *K novym rubezham. Ogonek* [To new horizons. Light]. 22 January.
22. Suhoddeev V. (2014) *Stalin. Entsiklopediya* [Stalin. Encyclopedia]. Moscow: Algoritm, 639 p.
23. Taubman U. (2000) *Predislovie k amerikanskomu izdaniyu* [Preface to the American edition]. Khrushchev S. *Rozhdenie sverhderzhavy. Kniga ob ottse*. Moscow: Vremya, 639 p.
24. Torbeev G. I. (2007) *Stalin: Pravda i vymysly* [Stalin: truth and fiction]. Ghelyabinsk, 605 p.
25. Torchinov V. A. (2000) *Vokrug Stalina. Istoriko-biograficheskiy spravochnik* [Around Stalin. Historical and biographical reference book]. St. Petersburg: Filologicheskii fakultet Sankt-Peterburgskogo universiteta, 606 p.
26. Hosking Dzh. (2000) *Istoriya Sovetskogo Soyuz. 1917—1991* [History of USSR. 1917—1991]. Smolensk: Rusich, 496 p.
27. Khrushchev S. (2000) *Rozhdenie sverhderzhavy. Kniga ob ottse* [The birth of a superpower. The book about the father]. Moscow: Vremya, 639 p.
28. Shikman A. (2003) *Kto est kto v rossiyskoy istorii* [Who is who in Russian history]. Moscow: Vagrius, 655 p.
29. Ekshtut S. (2017) *Tovarishch Stalin, slyshish li ty nas?* [Comrade Stalin, can you hear us?]. Moscow: Kuchkovo pole, 336 p.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

А. И. Алпатова

Первый МГМУ
имени И. М. Сеченова
Минздрава России
(Сеченовский Университет)
(г. Москва, Россия)
anna.alpatova@list.ru

А. В. Соловьева

Первый МГМУ
имени И. М. Сеченова
Минздрава России
(Сеченовский Университет)
(г. Москва, Россия)
anna.alpatova@list.ru

**ОСОБЕННОСТИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ
КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА**

Статья посвящена проблеме изучения и развития коммуникативной деятельности у детей с нарушением интеллекта. Нарушение коммуникации у младших школьников с интеллектуальной недостаточностью выражено в большей степени, чем у нормативно развивающихся детей. Это явление обусловлено наличием у учащихся с интеллектуальной недостаточностью ряда психических особенностей. Актуальность данной проблемы заключается в том, что недостаточная сформированность коммуникативных навыков, низкая степень активности в общении ребенка с нарушением интеллекта оказывают отрицательное влияние на его психическое и личностное развитие. Нарушения у детей с интеллектуальной недостаточностью негативно сказываются на развитии и становлении ребенка, происходит искажение познания окружающего мира. В этой связи детям с нарушением интеллектуального развития необходимо оказывать коррекционно-развивающую помощь в расширении социальных контактов. У детей с интеллектуальной недостаточностью с трудом происходит выстраивание отношений с близкими и друзьями из-за наличия особой организации психических процессов, однако грамотно организованное взаимодействие позволяет качественно корректировать индивидуальные трудности детей и способствовать их социализации. В результате делается вывод о том, что степень сформированности коммуникативной деятельности влияет на процесс социализации и развития личности в целом.

Ключевые слова: дети с нарушением интеллекта, общение, коммуникативная деятельность.

В системе коррекционного образования особое внимание уделяется созданию у учащихся с нарушением интеллекта познавательной сферы, речевой активности, системе формирования мировоззрений в соответствии с окружающей действительностью. Многостороннее развитие личности детей с нарушением интеллекта в этих направлениях осуществляется в коммуникативных ситуациях через взаимодействие с взрослыми и сверстниками. Позитивный опыт общения оказывает влияние на личность развивающегося ребенка, способствуя совершен-

ствованию и коррекции внимания, мышления, речи, памяти и других психических процессов.

У детей с интеллектуальной недостаточностью первичные нарушения приводят к возникновению вторичных отклонений, проявляющихся на основе первичного дефекта биологического генеза. Вторичные нарушения выражаются в низкой речевой активности, низкой скорости переключения психических процессов, неуверенности и скованности движений.

Детям с нарушением интеллектуального развития необходимо оказывать коррекционно-

развивающую помощь в расширении социальных контактов в процессе субъект-субъектных отношений.

Общение у детей с взрослыми рассматривается в трудах А. В. Запорожца [8, с. 43], Д. Б. Эльконина [26, с. 62]. Особую значимость приобретают труды М. И. Лисиной, в которых она изучает общение с разных аспектов и его влияние на развитие личности ребенка с интеллектуальными нарушениями [10, с. 43]. Также А. А. Бодалев рассматривает формирование личности через понимание необходимости развития общения [2, с. 22]. Важные стороны коммуникации отражены в работах Л. М. Шипицыной [25, с. 52], Л. И. Божович [3, с. 22], А. В. Мудрика [17, с. 36].

Научную ценность приобретают исследования особенностей и путей развития коммуникативной деятельности у детей с нарушением интеллекта выдающихся ученых данного направления научного знания Е. О. Смирновой [24, с. 67], Л. С. Выготского [5, с. 107], В. Г. Петровой [19, с. 67], Е. М. Мастюковой [14, с. 103], Р. А. Амастьянца [1, с. 84], А. Р. Маллера, Г. В. Цикото [13, с. 50–51], Л. М. Шипицыной [25, с. 29] и др.

Возможные пути моделирования коммуникативных ситуаций с младшими школьниками с интеллектуальной недостаточностью во внеурочной деятельности рассматривают такие исследователи, как В. Г. Петрова [20, с. 46], Ю. В. Микадзе [15, с. 45], Е. И. Разуван [22, с. 33], П. О. Омара [18, с. 48].

По мнению В. Г. Петровой, нарушение коммуникации у младших школьников с интеллектуальной недостаточностью выражено в большей степени, чем у нормативно развивающихся детей [19, с. 56]. Это явление обусловлено наличием у учащихся с интеллектуальной недостаточностью ряда психических особенностей. Например, речь как высшая психическая функция характеризуется наличием простых лексико-грамматических структур, затруднено восприятие языковых конструкций и их понимание — в результате наблюдается недоразвитие функциональных компонентов речевой системы, выполняющих коммуникативную, познавательную и регулирующую функции.

Также В. Г. Петрова отмечает недостаточный уровень коммуникации между учащимися [20, с. 57]. По мнению ученого, речь не выступает средством коммуникации, вместо этого дети чаще используют односложные ответы с преобладанием невербальных средств коммуникации.

У детей с интеллектуальной недостаточностью наблюдается недоразвитие всех сторон познавательной деятельности вследствие орга-

нического поражения структур головного мозга. Дезорганизация корковых и подкорковых структур приводит к высокой индивидуальности и неповторимости личности из-за имеющихся нарушений.

Изучением психических и физических особенностей занимались следующие советские педагоги и дефектологи: С. Я. Рубинштейн [23, с. 67], Л. С. Выготский [5, с. 94], Т. А. Власова [4, с. 63], В. И. Лубовский [11, с. 17] и др.

В области специальной педагогики и психологии можно отметить труды таких ученых, как А. Р. Лурия [12, с. 67], В. И. Лубовский [11, с. 18], Е. Е. Дмитриева [6, с. 49], В. Г. Петрова [20, с. 75], А. Р. Маллер [13, с. 29] и др. Данные авторы обращают внимание на недостаточную сформированность речи как средства коммуникации. У детей с интеллектуальной недостаточностью происходит запаздывание всех компонентов речевой деятельности.

По причине своеобразия развития высших психических функций ребенок с нарушением интеллекта испытывает трудности в общении, поэтому ему требуется значительно больше времени для общения с взрослыми. Систематическое возрастание потребности в общении во время взросления снижает адаптивные возможности ребенка.

По мнению А. А. Катаевой, снижение познавательной активности и «комплекса оживления» у детей наблюдается уже в младенческом возрасте [9, с. 32]. Недостаточное стремление ребенка к изучению окружающей действительности проявляется в безразличии, общей инертности, что приводит к затруднению в общении.

В последующем у детей с нарушением интеллекта не возникает стремления познать предметы окружающей действительности. Самостоятельная деятельность, направленная на изучение предметов, отсутствует, совместная деятельность с взрослыми не способствует появлению заинтересованности, в результате чего происходит отставание развития речи и дальнейшей коммуникации. От 1 до 3 лет у детей с интеллектуальной недостаточностью слабо сформирована или отсутствует предметная деятельность, в процессе выполнения которой происходит развитие личности ребенка с нарушением интеллекта.

В дошкольном возрасте проявляется интерес к предметам, игрушкам, также возникают предпосылки к развитию личности, однако в данный период развития с трудом наблюдается образование личностных качеств, хотя ребенок и пытается ориентироваться на взрослого.

Только к четырем годам у ребенка с интеллектуальной недостаточностью происходит становление своего «Я», т. е. ребенок начинает отождествлять себя с окружающими.

В дошкольном возрасте у большинства детей с интеллектуальной недостаточностью только закладываются предпосылки к развитию речи. Доброжелательное и внимательное отношение способствует чуткому восприятию предъявляемых к ним требований. Эмоциональная отзывчивость учащихся помогает усвоению общепринятых стандартов поведения, направленных на установление гармоничных отношений между индивидами и социальными группами. Освоение социальных норм поведения в местах общего пользования способствует социализации. У детей с интеллектуальной недостаточностью очень выражена эмоциональная отзывчивость к собственным ошибкам.

Многие исследователи (Л. С. Выготский [5, с. 95], С. Д. Забрамная [7, с. 38], Н. Г. Морозова [16, с. 84], Б. И. Пинский [21, с. 94], В. Г. Петрова [20, с. 67], А. Р. Маллер [13, с. 55]) отмечают наличие у детей с нарушением интеллекта особенностей психического и физического развития по сравнению с нормативно развивающимися сверстниками, которые имеют все предпосылки к успешному овладению новой ролью при обучении в школе. Несформированность когнитивных процессов проявляется в недоразвитии речи, незрелости эмоционально-волевой сферы.

Дети с нарушением интеллекта в младшем школьном возрасте с некоторой периодичностью не способны выполнять предъявляемые к ним требования, соподчинять мотивы с учебными задачами. Во время решения заданий дети испытывают трудности в выделении смыслового содержания текста. Трудности возникают еще до решения, так как младшие школьники с нарушением интеллекта не стремятся понять условия и выработать последовательность действий. Отсутствие понимания процесса и последовательности решения приводит к невозможности достижения первоначальной цели и соответствующего результата. Также низкий уровень мотивационной деятельности препятствует достижению отдельных операций и действий.

Недостаточная критичность учащихся с нарушением интеллекта к собственным и чужим ошибкам и недостаточная потребность в достижении высоких образовательных результатов негативно отражаются в процессе образования. Заинтересованность детей проявляется в самой деятельности, а не в стремлении правильно выполнить задания в соответствии с условиями.

У учащихся с интеллектуальной недостаточностью также отсутствует внутренняя потребность в достижении правильного результата.

В общеобразовательной школе дети заинтересованы в получении оценки от учителя. С одной стороны, оценка мотивирует учащихся развиваться в разных направлениях научных знаний, творчески подходить к решению стандартных заданий, с другой — мешает. Дети с интеллектуальной недостаточностью не заинтересованы в получении положительной оценки со стороны учителя.

Одним из видов речевой деятельности для детей с интеллектуальной недостаточностью является коммуникативная.

Низкий уровень мотивационной сферы у детей с интеллектуальной недостаточностью проявляется также во время коммуникации. Стремление к коммуникации выражено слабо, часто без учета коммуникативной ситуации и позиции субъекта. Выстраивание и анализ межличностных взаимоотношений с близкими и друзьями происходит с трудом из-за наличия особой организации психических процессов.

Дифференцированная самооценка у детей младшего школьного возраста с интеллектуальной недостаточностью соответствует представлению о себе без учета положительных и отрицательных сторон. Собственное восприятие достижений и неудач зависит от ситуации.

Нарушения у детей с интеллектуальной недостаточностью оказывают негативное влияние на развитие и становление ребенка, в результате чего происходит искажение познания окружающего мира. Этиология и патогенез нарушения воздействуют на установление коммуникации, на общение ребенка с взрослыми и сверстниками для последующей социализации.

На современном этапе развития образования детей с интеллектуальной недостаточностью значительное время отводится коррекции имеющихся нарушений, развитию личностных качеств у данной категории.

Детям с нарушением интеллектуального развития необходимо оказывать коррекционно-развивающую помощь в расширении социальных контактов.

У детей с интеллектуальной недостаточностью с трудом происходит выстраивание отношений с близкими и друзьями из-за наличия особой организации психических процессов, однако грамотно организованное взаимодействие позволяет качественно корректировать индивидуальные трудности детей и способствовать их социализации.

Литература

1. Амасьянц Р. А. Клиника интеллектуальных нарушений : учебник / Р. А. Амасьянц, Э. А. Амасьянц. — М. : Педагогическое общество России, 2009. — 320 с.
2. Бодалев А. А. Личность и общение / А. А. Бодалев. — М. : Педагогика, 1983. — 325 с.
3. Божович Л. И. Проблемы формирования личности / Л. И. Божович. — М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «Модек», 1995. — 325 с.
4. Власова Т. А. О детях с отклонениями в развитии / Т. А. Власова, М. С. Певзнер. — М. : Просвещение, 2013. — 189 с.
5. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. — М., 1984. — Т. 4. — 445 с.
6. Дмитриева Е. Е. Проблемные дети. Развитие через общение / Е. Е. Дмитриева. — М. : АРКТИ, 2005. — 68 с.
7. Забрамная С. Д. Изучаем обучая : методические рекомендации по изучению детей с тяжелой и умеренной умственной отсталостью / С. Д. Забрамная, Т. Н. Исаева. — М. : В. Секачев, ТЦ «Сфера», 2012. — 110 с.
8. Запорожец А. В. Психическое развитие ребенка / А. В. Запорожец // Избранные психологические труды : в 2 т. — М. : Педагогика, 1986. — Т. 1. — 316 с.
9. Катаева А. А. Дошкольная олигофренопедагогика : учебник для студентов высших учебных заведений / А. А. Катаева, Е. А. Стребелева. — М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2005. — 208 с.
10. Лисина М. И. Формирование личности ребенка в общении / М. И. Лисина. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : Питер, 2009.
11. Лубовский В. И. Общие и специфические закономерности развития психики аномальных детей / В. И. Лубовский // Дефектология. — 1971. — № 6. — С. 15—19.
12. Лурия А. Р. Речь и развитие психических процессов у ребенка / А. Р. Лурия, Ф. Я. Юдович. — М. : Педагогика, 1956. — 94 с.
13. Маллер А. Р. Воспитание и обучение детей с тяжелой интеллектуальной недостаточностью / А. Р. Маллер, Г. В. Цикото. — М. : Педагогика, 2003. — 208 с.
14. Мастюкова Е. М. Специальная педагогика. Подготовка к обучению детей с особыми проблемами в развитии. Ранний и дошкольный возраст / Е. М. Мастюкова ; под ред. А. Г. Московкиной. — М. : Классикс Стиль, 2003. — 320 с.
15. Микадзе Ю. В. Нейропсихология детского возраста / Ю. В. Микадзе. — СПб. : Питер, 2008. — 288 с.: ил. — (Серия «Учебное пособие»).
16. Морозова Н. Г. Особенности поведения и развития нравственных отношений умственно отсталых дошкольников / Н. Г. Морозова // Дефектология. — 1983. — № 2.
17. Мудрик А. В. Общение в процессе воспитания / А. В. Мудрик. — М., 2001. — 190 с.
18. Омарова П. О. Развитие общения умственно отсталых младших школьников / П. О. Омарова. — Махачкала : Юпитер, 2002. — 128 с.
19. Петрова В. Г. Психология умственно отсталых школьников : учебное пособие / В. Г. Петрова, И. В. Белякова. — М. : Академия, 2002. — 160 с. — (Высшее образование).
20. Петрова В. Г. Развитие речи учащихся вспомогательной школы / В. Г. Петрова ; отв. ред. Л. С. Деноткина. — М. : Педагогика, 1977. — 199 с.
21. Пинский Б. И. Коррекционно-воспитательное значение труда для психологического развития учащихся вспомогательной школы / Б. И. Пинский. — М., 1985. — 180 с.
22. Разуван Е. И. Некоторые особенности делового общения умственно отсталых школьников / Е. И. Разуван // Дефектология. — 1987. — № 4. — С. 32—38.
23. Рубинштейн С. Я. Психология умственно отсталого школьника / С. Я. Рубинштейн. — М. : Просвещение, 1979. — 192 с.
24. Смирнова Е. О. Межличностные отношения дошкольников: диагностика, проблемы, коррекция / Е. О. Смирнова, В. М. Холмогорова. — М., 2015. — 158 с.
25. Шипицына Л. М. Развитие навыков общения лиц с нарушением интеллекта / Л. М. Шипицына. — СПб. : Изд-во «Образование», 2000. — 180 с.
26. Эльконин Д. Б. Детская психология (развитие ребенка от рождения до 7 лет) / Д. Б. Эльконин. — М., 1960. — 320 с.

**FEATURES AND WAYS OF DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE ACTIVITY
IN CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES****A. I. Alpatova**

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) (Moscow, Russia)
anna.alpatova@list.ru

A. V. Solovyeva

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) (Moscow, Russia)
anna.alpatova@list.ru

The article is devoted to the problem of studying and developing communicative activity in children with intellectual disabilities. Communication disorders in primary school children with intellectual disabilities are more pronounced than in normatively developing children. This phenomenon is due to the presence of a number of mental characteristics in students with intellectual disabilities. The relevance of this problem lies in the fact that the lack of formation of communication skills, a low degree of activity in the communication of a child with an intellectual disability have a negative impact on his mental and personal development. Disorders in children with intellectual disabilities have a negative impact on the development and formation of the child, there is a distortion of the knowledge of the surrounding world. In this regard, children with intellectual disabilities should be provided with correctional and developmental assistance in expanding social contacts. In children with intellectual disabilities, it is difficult to build relationships with relatives and friends due to the presence of a special organization of mental processes, but well-organized interaction allows you to qualitatively correct the individual difficulties of children and promote their socialization. As a result, it is concluded that the degree of formation of communicative activity affects the process of socialization and development of the individual as a whole.

Key words: children with intellectual disabilities, communication, communication activities.

References

1. Amasyants R. A., Amasyants E. A. (2009) *Klinika intellektualnykh narusheniy* [Clinic of intellectual disorders. Textbook]. Moscow: Pedagogical Society of Russia, 320 p.
2. Bodalev A. A. (1983) *Lichnost i obschenie* [Personality and communication]. Moscow: Pedagogika, 325 p.
3. Bozhovich L. I. (1995) *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of personality formation]. Moscow: Institut prakticheskoy psikhologii; Voronezh: NPO "Modek", 325 p.
4. Vlasova T. A., Pevzner M. S. (2013) *O detyakh s otkloneniyami v razviti* [Children with developmental disabilities]. Moscow: Prosveshchenie, 189 p.
5. Vygotsky L. S. (1984) *Sobranie sochineniy* [Collected works: in 6 vol.]. Moscow, vol. 4, 445 p.
6. Dmitrieva E. E. (2005) *Problemye deti. Razvitie cherez obschenie* [Problem children. Development through communication]. Moscow: ARKTI, 68 p.
7. Zabramnaya S. D., Isaeva T. N. (2012) *Izuchaem obuchaya: metodicheskie rekomendatsii po izucheniyu detey s tyazhely i umerennoy umstvennoy otstalostyu* [We study, teaching. Methodological recommendations for the study of children with severe and moderate mental retardation]. Moscow: V. Sekachev Creative center "Sphera", 110 p.
8. Zaporozhets A. V. (1986) *Psikhicheskoe razvitie rebenka* [Mental development of the child]. *Izbrannye psikhologicheskie trudy*: in 2 vol. Moscow: Pedagogika, vol. 1, 316 p.
9. Kataeva A. A., Strebeleva E. A. (2005) *Doshkolnaya oligofrenopedagogika* [Preschool oligophrenopedagogika: study guide for students of higher educational institutions]. Moscow: VLADOS, 208 p.
10. Lisina M. I. (2009) *Formirovanie lichnosti rebenka v obschenii* [Formation of the child's personality in communication: 2nd ed., reprint. and add]. St.-Petersburg: Piter.
11. Lubovsky V. I. (1971) *Obshchie i spetsificheskie zakonomernosti razvitiya psikhiki anomalnykh detey* [General and specific patterns of the development of the psyche of abnormal children]. *Defektologiya*, (6), p. 15—19.
12. Luria A. R., Yudovich F. Ya. (1956) *Rech i razvitie psikhicheskikh protsessov u rebenka* [Speech and the development of mental processes in a child]. Moscow: Pedagogika, 94 p.
13. Maller A. R., Tsikoto G. V. (2003) *Vospitanie i obuchenie detey s tyazhely intellektualnoy nedostatochnostyu* [Education and training of children with severe intellectual disability]. Moscow: Pedagogika, 208 p.
14. Mastukova E. M. (2003) *Spetsialnaya pedagogika. Podgotovka k obucheniyu detey s osobymi problemami v razviti* [Special pedagogy. Preparation for the education of children with special developmental problems. Early and preschool age]. Moscow: Classics Stil, 320 p.

15. Mikadze Yu. V. (2008) *Neiropsikhologiya detskogo vozrasta* [Neuropsychology of childhood]. St.-Petersburg: Piter, 288 p.: ill. (Series "Textbook").
16. Morozova N. G. (1983) *Osobennosti povedeniya i razvitiya nravstvennykh otnosheniy umstvenno otstalykh doshkolnikov* [Features of behavior and development of moral relations of mentally retarded preschoolers]. *Defektologiya*, (2).
17. Mudrik A. V. (2001) *Obshchenie v protsesse vospitaniya* [Communication in the process of education]. Moscow, 190 p.
18. Omarova P. O. (2002) *Razvitie obshcheniya umstvenno otstalykh mladshikh shkolnikov* [Development of communication of mentally retarded primary school students: study guide]. Makhachkala: Jupiter, 128 p.
19. Petrova V. G., Belyakova I. V. (2002) *Psikhologiya umstvenno otstalykh shkolnikov* [Psychology of mentally retarded schoolchildren: textbook]. Moscow: Akademiya, 160 p. (Higher education).
20. Petrova V. G., Denotkina L. S. (1977) *Razvitie rechi uchashchikhsya vspomogatel'noy shkoly* [Development of speech of auxiliary school students]. Moscow: Pedagogika, 199 p.
21. Pinsky B. I. (1985) *Korreksionno-vospitatel'noe znachenie truda dlya psikhologicheskogo razvitiya uchashchikhsya vspomogatel'noy shkoly* [Correctional and educational significance of labor for the psychological development of auxiliary school students]. Moscow, 180 p.
22. Razuvan E. I. (1987) *Nekotorye osobennosti delovogo obshcheniya umstvenno otstalykh shkolnikov* [Some features of business communication of mentally retarded schoolchildren]. *Defektologiya*, (4), p. 32–38.
23. Rubinshtein S. Ya. (1979) *Psikhologiya umstvenno otstalogo shkolnika* [Psychology of a mentally retarded pupil]. Moscow: Prosveshchenie, 192 p.
24. Smirnova E. O., Kholmogorova V. M. (2015) *Mezhlichnostnye otnosheniya doshkolnikov: diagnostika, problemy, korrektsiya* [Interpersonal relations of preschool children: diagnostics, problems, correction]. Moscow, 158 p.
25. Shipitsyna L. M. (2000) *Razvitie navykov obshcheniya lits s narusheniem intellekta* [Development of communication skills of persons with intellectual disabilities]. St.-Petersburg: Obrazovanie, 180 p.
26. Elkonin D. B. (1960) *Detskaya psikhologiya (razvitie rebenka ot rozhdeniya do 7 let)* [Child psychology (child development from birth to 7 years)]. Moscow, 320 p.

В. М. Афанасьева

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
marly616@mail.ru

А. С. Седунова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
asedunova@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена актуальному вопросу психологической оценки роли виртуальной среды в жизни современного человека. В настоящем теоретическом исследовании рассматриваются необходимость понимания виртуальных коммуникаций как нового типа социальных взаимодействий, основные процессы, характерные для интернет-коммуникаций, эмоциональный контекст информационного сообщения, феномены межличностной коммуникации в виртуальной среде, влияющие на форму и содержание социальных взаимодействий, такие как феномен «слабых связей», основанный на возникновении нового типа социальных отношений и обусловленный редукцией социальной ответственности взаимодействующих субъектов цифровых коммуникаций. Описаны особенности горизонтальных связей, которые формируются на фоне ослабления социального статуса акторов виртуального взаимодействия. Анализируется формирование специализированного вида информационного взаимодействия, придающее ему окраску, включающее инструменты насыщенности интернет-сообщений: «эмодзи», «стикеры», «смайлы» и другие способы кодирования эмоций. Перспективами дальнейшего исследования являются создание новых теоретических конструктов на основе поисковых эмпирических срезов с применением контент-анализа и ряда диагностических опросников, позволяющих определить символическое содержание акторов виртуального взаимодействия, его насыщенность и окрашенность, а также специфику информационного взаимодействия в той или иной информационной среде.

Ключевые слова: Интернет, информация, виртуальная среда, коммуникации, общение, феномен.

В середине XX века произошло главное событие современности — переход от индустриальной стадии развития общества к постиндустриальной, предиктором которой послужила массовая компьютеризация и информатизация общества. Нетрудно понять, насколько постиндустриальная революция повлияла на все сферы жизни человека, начиная с науки и заканчивая сельским хозяйством. Компьютерная революция, что неудивительно, выступила катализатором развития новых направлений и вопросов в психологическом дискурсе. В этот период появляется большое количество направлений, связанных с вопросами взаимоотношения человека и машины, влиянием информатизации на когнитивные и психоэмоциональные сферы личности. Была даже сформирована новая парадигма в изучении человека — когнитивная психология, когда человек изучается сквозь метафору компьютерной системы.

Повсеместная информатизация общества позволяет наиболее эффективно получать лю-

бого рода информацию, презентовать себя и свои таланты широкому кругу общественности, работать, читать, смотреть фильмы и слушать музыку, а также комфортно взаимодействовать и коммуницировать с теми, кто находится далеко за пределами родного города и даже страны. Разного рода развлечения, небывалый ранее опыт, простота общения, удобство использования и условная анонимность в киберпространстве являются новым стимулом для расширения пользователей виртуального пространства, а также для запуска новых технологий, которые впоследствии глубже проникнут в нашу жизнь. В свете последних исследований психологи характеризуют современность как полифоничную, релятивистскую, ускоренно меняющуюся, мобильную, текучую, разнообразную, сложную, гетерогенную, нелинейную, многомерную и неопределенную [9]. Нельзя отрицать тот факт, что информатизация и компьютеризация способствуют усложнению, ускорению темпов развития и стремительной изменчивости окружаю-

щей действительности. Большинство современных соотносят с Интернетом представления о технологическом обществе, т. е. обществе, в котором существуют не только информационные, но и традиционные технологии [7]. Широкое укоренение кибертехнологий в общественную жизнь влечет за собой не только удобства, но и рождает риски, связанные с утерей данных, аддикцией, буллингем, троллингом и др. [2]. Эти и многие другие проблемы составляют актуальный для социальной психологии и киберпсихологии ракурс исследования. Таким образом, постиндустриальная революция многомерно повлияла на окружающую действительность, затронув все виды общественных отношений и сфер жизнедеятельности.

Еще в начале XXI века об изменении формы и устройства социального мира в результате массовой кибернизации говорил М. Маклюэн [8]. Взаимодействуя друг с другом в киберпространстве, людям приходится переходить на новый стиль коммуникации, формируя связь с другими качественно нового уровня, и даже учиться кодировать собственные эмоции. В настоящее время наиболее релевантной теоретической базой для обоснования новых социальных связей является социально-сетевая теория М. Кастельса. Он рассматривает феномен перехода от жестких вертикальных связей к горизонтальным, посредством которых в сетевом информационном пространстве реализуется коммуникация не только между друзьями, коллегами и родственниками, но и между политическими институтами и субъектами экономических отношений [6]. Таким образом, необходимость понимания виртуальных коммуникаций как нового типа социальных взаимодействий подчеркивается многими психологами, социологами и антропологами. Рассмотрим далее основные особенности интернет-коммуникаций, отличающие их от реальной межличностной и межгрупповой коммуникации.

Основными аксиоматическими особенностями интернет-взаимодействия для исследователей являются переход к нелинейным коммуникациям, доминирование горизонтальных связей, фрагментарный характер отношений. Л. А. Сабурова указывает на основные процессы, характерные для интернет-коммуникаций [10]:

1. Субъекты общения в интернет-коммуникациях предпочитают «слабые» связи сильным. В понимании «слабых связей» следует подразумевать отсутствие эмоционально насыщенных, близких по характеру связей, не предполагающих наличия формальных социальных

ролей, обязательств, ожиданий. «Слабейшие связи» в чистом виде являются лишь обменом информацией между участниками коммуникационного акта [3].

2. Дегерсонализация участника дискуссии в интернет-сообществах. Субъект процессов взаимодействия перестает представлять собой личность, которая имеет собственное прошлое, социальную роль, статус. Актер предстает в форме символов, картинки, текста, информационного смысла передаваемого сообщения. Таким образом, личность в конкретном своем проявлении редуцируется до информационного события большего или меньшего масштаба [10].

Исходя из описания данных выше феноменов, можно сделать вывод: происходит редукция социальных статусов, ролей, ответственности и иных форм социальности, реализуемой непосредственно при реальном взаимодействии. Взаимодействующие субъекты в данном формате являются не более чем информационным событием, в которое заложен определенный информационный посыл и смысл. Таким образом, меняется понятие о лидерстве, влиянии и социальном капитале. Чтобы оказывать влияние на широкие массы в интернет-пространстве, человеку необходимо преподносить информацию так, чтобы она была интересной и/или несла в себе интересующий и понятный большинству посыл. Социальный капитал рассматривается как наличие более или менее интересной для реципиента информации, лидерами мнений становятся люди, способные вызвать широкий диссонанс со стороны общественности. Следовательно, в информационном пространстве преобладает новый тип социальности, отличный от реальных взаимодействий, в котором важен не социальный статус и роль актора, а его информационная ценность.

Соответственно, рассматривая интернет-коммуникацию как еще один метод взаимодействия, нельзя обойти вниманием и эмоциональные детерминанты виртуального общения. По мнению некоторых исследователей, применение образных или знаковых форм эмоционального отклика помогает актерам не только успешно выражать свои чувства, но и скрывать их и симулировать [1]. Эмоциональный контекст информационного сообщения в среде виртуального пространства имеет широкий исследовательский интерес. Так как за последние десятилетия общение в киберпространстве преимущественно представляет собой передачу текстовых сообщений, для выражения эмоций в данном формате начинают использоваться «смайлы», «эмод-

зи», «стикеры» и другие средства кодирования эмоций. По мнению И. С. Шевченко, специфичный характер эмоционального компонента является одной из особенностей виртуального общения. Эмоциональный компонент выделяется наряду с другими особенностями интернет-коммуникации: анонимностью, своеобразием протекания коммуникации в условиях отсутствия вербального способа взаимодействия, добровольностью вступления в контакт, так как пользователь в любой момент может по собственной воле прервать общение, и стремлением к ненормативному, нетипичному поведению [11].

Трудность взаимодействия без сенсорного, визуального и вербального контакта компенсируется использованием знаковых, образных и иных способов кодирования эмоций. Отсутствие визуального контакта (за исключением видеозвонков) расширяет возможности непроизвольного эмоционального реагирования, которые при визуальном контакте могут нарушить формальность и условность общения при их необходимости в определенном контексте общения. Подобный формат общения помогает коммуникатору транслировать реципиенту определенные эмоциональные сигналы и наиболее эффективно скрывать свое актуальное эмоциональное состояние. Данный фактор позволяет транслировать оп-

ределенные типы эмоциональных реакций, соответствующих целям и задачам общения [4].

Самыми распространенными в настоящее время способами кодирования и передачи эмоций являются «эмодзи» — схематичное изображение эмоций и мимики человека. На данный момент также известно огромное количество и других схематичных изображений пиктограмм «эмодзи», например, животных, цветов, погодных условий и других символов. Однако их нельзя назвать полной заменой эмоциональных реакций, так как фактически они только информируют об эмоциональной окраске и направленности интернет-сообщения [5]. Иными средствами выражения экспрессивности и эмоциональной окраски являются дублирующиеся знаки препинания, GIF-анимации, использование уменьшительно-ласкательных форм речи, метафор и других способов, благодаря которым оба актора могут понимать контекст посылаемого сообщения.

Таким образом, для трактовки новых социальных взаимодействий, реализуемых на базе киберпространства, требуется создание новых теоретических конструктов, способных сформулировать исчерпывающее и релевантное объяснение для возникновения новых социальных, психоэмоциональных и когнитивных феноменов коммуникации субъектов в цифровом пространстве.

Литература

1. Бабаева Ю. Д. Психологические последствия информатизации / Ю. Д. Бабаева, А. Е. Войскунский // Психологический журнал. — 1998. — № 19(1). — С. 89—100.
2. Войскунский А. Е. Киберпсихология: современный этап развития / А. Е. Войскунский // Южно-российский журнал социальных наук. — 2020. — Т. 21, № 1. — С. 21—39.
3. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10, № 4. — С. 31—50.
4. Изотова Е. И. Инструменты эмоциональной насыщенности интернет-сообщения: эмоциональный интеллект и способы кодирования эмоций / Е. И. Изотова // Психологические исследования. — 2014. — Т. 7, № 37. — С. 5. — URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.02.2021).
5. Изотова Е. И. Особенности виртуального общения современного подростка: предикторы выбора / Е. И. Изотова // Мир психологии. — 2010. — № 3. — С. 102—111.
6. Кастельс М. Власть коммуникации : учебное пособие / М. Кастельс. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 564 с.
7. Марцинковская Т. Д. Психологические аспекты технологического общества / Т. Д. Марцинковская // Психологические исследования. — 2018. — № 11(62). — С. 12. — URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.02.2021).
8. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Г. Николаева. — М., 2003.
9. Патяева Е. Ю. Личность в эпоху перемен: mobilis in mobili / Е. Ю. Патяева, Е. И. Шлягина // Материалы Международной научно-практической конференции (17—18 декабря 2018 г.). — М. : Смысл, 2018.
10. Сабурова Л. А. «Ничего личного»: феномен «облегченной социальности» в цифровых коммуникациях / Л. А. Сабурова // Публичное/частное в современной цивилизации : материалы XXII российской научно-практической конференции (с международным участием) (16—17 апреля 2020 г.) / редкол.: Л. А. Зак и др. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. — 824 с.
11. Шевченко И. С. Факторы динамичности самопрезентации в интернет-общении / И. С. Шевченко. — URL: <https://cyberpsy.ru> (дата обращения: 23.02.2021).

SOCIOCULTURAL AND PSYCHOEMOTIONAL FEATURES OF DIGITAL COMMUNICATION

V. M. Afanasyeva

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
marly616@mail.ru

A. S. Sedunova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
asedunova@mail.ru

The article is devoted to the psychological evaluation of the role of the virtual environment in the life of a modern person. This theoretical study examines the need to understand virtual communications as a new type of social interactions, the main processes peculiar for the Internet communications, as well as the emotional context of an information message. The authors reveal the phenomena of interpersonal communication in a virtual environment that affect the form and content of social interactions, such as: the phenomenon of "weak connections", based on the emergence of a new type of social relations and due to the reduction of social responsibility of interacting subjects of digital communications. The features of horizontal connections, which are formed against the background of the weakening of the social status of the actors of virtual interaction, are described. The article analyzes the formation of a special type of information interaction, which gives color to information interaction, including tools for the richness of the Internet messages: "emojis", stickers, "smiles", and other ways of encoding emotions. The prospects for further research are the creation of new theoretical constructs based on search empirical slices by means of content analysis and a number of diagnostic questionnaires, which allow determining the symbolic content of the actors of virtual interaction, its saturation and color, as well as the specifics of information interaction in a particular information environment.

Key words: the Internet, information, virtual environment, communications, communication, phenomenon.

References

1. Babaeva Yu. D., Voyskunsky A. E. (1998) Psikhologicheskie posledstviya informatizatsii [Psychological consequences of informatization]. *Psikhologicheskiy zhurnal*, 19(1), p. 89—100.
2. Voyskunsky A. E. (2020) Kiberpsikhologiya: sovremennuy etap razvitiya [Cyberpsychology: a modern stage of development]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk*, vol. 21, (1), p. 21—39.
3. Granovetter M. (2009) Sila slabykh svyazey [Power of weak connections]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, (4), p. 31—50.
4. Izotova E. I. (2014) Instrumenty emotsionalnoy nasyshchennosti internet-soobshcheniya: emotsionalnyj intellekt i sposoby kodirovaniya emotsiy [Tools of emotional saturation of Internet messages: emotional intelligence and ways of encoding emotions]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, vol. 7, (37), p. 5. URL: <http://psystudy.ru> (date of access: 23.02.2021).
5. Izotova E. I. (2010) Osobennosti virtualnogo obshcheniya sovremennogo podrostka: prediktory vybora [Features of virtual communication of a modern teenager: predictors of choice]. *Mir psikhologii*, (3), p. 102—111.
6. Castels M. (2016) *Vlast kommunikatsii* [The power of communication: study guide]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 564 p.
7. Martsinkovskaya T. D. (2018) Psikhologicheskie aspekty tekhnologicheskogo obshchestva [Psychological aspects of the technological society]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 11(62), p. 12. URL: <http://psystudy.ru> (date of access: 23.02.2021)
8. McLuhan G. M. (2003) *Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: External extensions of a person]. Translated from English by V. G. Nikolaev, Moscow.
9. Patyaeva E. Yu., Shlyagina E. I. (2018) Lichnost v epokhu peremen: mobilis in mobile [Personality in the era of change: mobilis in mobile]. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (December 17—18)*.
10. Saburova L. A. (2020) "Nichego lichnogo": fenomen oblegchennoy sotsialnosti v tsifrovyykh kommunikatsiyakh ["Nothing personal": the phenomenon of "facilitated sociality" in digital communications]. *Public/private in modern civilization: materials of the XXII Russian scientific and practical conference (with international participation) (April 16—17)*. Yekaterinburg: Humanitarian University, 824 p.
11. Shevchenko I. S. Faktory dinamichnosti samoprezentatsii v internet-obshchenii [Factors of dynamism of self-presentation in Internet communication]. URL: <https://cyberpsy.ru> (date of access: 23.02.2021).

К. И. Бойкова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
elstinko@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Образование и культура находятся в синтезе между собой. Они вместе являются двигателями прогресса и способны повлиять на быстроту развития всего общества, а художественное образование помогает транслировать правильное отношение к предметам культуры и искусства, их сохранение и передачу потомкам. С помощью образования можно внедрить в сознание людей культурные ценности, нормы, знания, традиции, толерантность, гуманное отношение к людям, животным, природе. Их основополагающей целью становится преобразование рядового человека в начитанного, образованного, просвещенного. Художественное образование в России — это долгий и незаконченный процесс, обусловленный противоречивыми тенденциями, имеющий промежуточный результат. На данный момент ясно, что повышение уровня художественной культуры человека определяет культурный потенциал всего общества, а образование становится частью духовной жизни, которая воздействует на социализацию человека, его творческие способности, труд и интеллект. В связи с этим важно понимать процесс развития художественного образования в России, особенности которого и рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: история, художественное образование, культура, образование, изобразительное искусство, рисование, изящные искусства, академия художеств, училище технического рисования С. Г. Строганова.

Художественное образование и его роль были отражены в ряде философских, социологических, психологических, искусствоведческих, педагогических трудов видных ученых, а также работников сферы культуры. В качестве примера можно привести работы П. П. Блонского, Л. С. Выготского, А. С. Макаренко, К. Д. Ушинского, А. В. Луначарского, Б. М. Неменского и многих других.

Российское научное сообщество само определение «художественное образование» связывает с непосредственным процессом становления и развития таких характерных черт человека, как творческие познавательные позиции, эмоционально-ценностные отношения к художественной деятельности и, конечно же, его включенность в них. Так, С. М. Вишнякова считает, что «художественное образование — это процесс изучения совокупности искусствоведческих умений, знаний, навыков и образного мышления» [7, с. 10], а Е. П. Олесина рассматривает художественное образование в роли средства «развития творческих и культурных индустрий», которые имеют первостепенную значимость [10].

В приказе Министерства культуры РФ от 28.12.2001 говорится, что «художественное образование — это процесс овладения и присвоения человеком художественной культуры своего народа и человечества, один из важнейших способов развития и формирования целостной личности, ее духовности, творческой индивидуальности, интеллектуального и эмоционального богатства» [11, с. 2]. Художественное образование имеет непосредственную связь с личностью и ее способностью преобразовывать себя и действительность, а также с мировоззрением человека.

Духовная жизнь человеческого сообщества тесно переплетена с художественной культурой, ведь предметы искусства помогают человеку «увидеть» и освоить художественно-образные знания о мире, которые содержатся в виде образа и преломлены сквозь «Я» творца.

Произведения искусства воздействуют на весь спектр чувств человека, вызывая разнообразные эмоции как с позитивной окраской, так и с негативной, в зависимости от того, что хотел показать автор своей работой. При должном использовании искусство способно расширить поля зрения человека, дав ему возможность

взглянуть на окружающий мир широко распахнутыми глазами, полностью изменив тем самым его мировоззрение. Впоследствии благодаря положительному влиянию искусства личность приобретает новые качества из сферы духовного, возвышенного, которые направляют человека на жизненном пути.

Понятие «искусство» всегда волновало умы выдающихся и особо талантливых ученых в области психологии и педагогики. Одним из наиболее ярких представителей, высказывающихся на эту тему, стал Лев Семенович Выготский — известный психолог СССР. Он видел четкую взаимосвязь искусства с общественной техникой чувств, своеобразным орудием общества, с помощью которого оно вовлекает в социальную жизнь наиболее личные стороны сущности человека. Он считал, что в искусстве не могут существовать шаблоны верного человеческого поведения, а нравственный потенциал, который заключен в предметах искусства, должен давать человеку пищу для ума в области философских вопросов (например, смысл жизни) и возможность найти пути свободного развития [8].

Образовательные, воспитательные, социальные, нравственные, эстетические функции искусства неоспоримы. Как и искусство в целом, они нацелены на поступательное, непрерывное просвещение людей в области изобразительного искусства, основная задача которого — оставить четкий след в сознании человека, воплощенного в определенных знаниях и навыках. Деятельность такого рода непростая, но она необходима как для развития конкретной личности, так и общества. Ученые доказали, что человеческая жизнь изменяется в лучшую сторону, если он активно занимается своим развитием в данной стезе, приобретая, помимо теоретических, также практические умения, и именно это определяет культурный потенциал общества.

Всем известно, что образование и культура между собой находятся в синтезе. Они вместе способны повлиять на быстроту развития всего общества, а художественное образование помогает транслировать правильное отношение к предметам культуры и искусства, их сохранение и передачу потомкам.

На настоящий момент эстетическая культура обусловлена новейшей концепцией образования, нашедшей отображение в образовательной доктрине, которая основывается на социальном и духовном опыте, накопленном социумом, а также на наивысших ценностях гуманизма. Она должна положительно повлиять на творческую и креативность всех граждан Рос-

сийской Федерации. Для того чтобы хорошо разбираться в художественном образовании, человеку необходимо не только знать теоретическую часть искусствоведения, быть инициативным, но и не бояться работать руками.

В российской истории довольно часто встречались различного рода кризисы, которые оказывали сильнейшее воздействие на все сферы жизни страны. В связи с этим проблемы образования не могли не интересовать российскую интеллигенцию. Анализ трудов в области истории, философии, педагогики показал, что художественное образование было одной из важнейших проблем образования того времени. Художественное образование, развиваясь, претерпело множество метаморфоз, которые повлияли и на название. Так, раньше его называли искусством, художеством и эстетическим воспитанием [9].

Художественному образованию «предшествовали древнерусская каноническая живопись и скульптура, основанные на концепции церковно-христианских верований» [9, с. 2]. По Штеллину, именно во времена Ивана Грозного произошел толчок в развитии художественной составляющей, когда он решился пригласить художников из Западной Европы.

Тогда освоение художественных ремесел состояло из изучения накопленного опыта художников различных эпох, постепенного приобретения определенных качеств, позволяющих в полной мере усваивать и понимать замысел художника, использовать необходимые материалы, техники и приспособления, помогающие воспроизвести художественный образ. Также обязательным условием учебного процесса того времени было осуществление проверки его результативности, контркондиционирование учеников и их наказание за отсутствие успехов.

В XVIII веке были созданы учебные заведения, основу которых составляло изобразительное искусство. Данные заведения для России того времени стали совершенно новым и необычным явлением. Получение профессионального художественного образования было возможно в мастерских Ф. С. Рокотова, И. П. Аргунова и многих других, Школе рисования, созданной Петром I Великим.

Столпом в этой области стала Академия художеств, являвшаяся на тот период центром сосредоточения науки. Она открылась в период царствования Елизаветы Петровны, в ней изучались изобразительное искусство, скульптура, архитектура. Процесс обучения был построен по европейскому образцу. Акцент делался на изу-

чение исторического жанра. Предпосылки ее становления были еще при правлении Петра I, и именно сообразно с его волей организовали Академию наук с отделением художественной направленности, которая из-за непрекращающейся полемики быстро закрылась.

Изучение рисования в училищах и гимназиях стало возможным только благодаря его включению в перечень обязательных дисциплин Морской академии (1715), хирургической школы при Санкт-Петербургском военном госпитале (1716), Карповской школы Феофана Прокоповича (1721), Кадетского корпуса (1732), гимназии при Академии наук (1747), воспитательного училища при Воскресенском (Смольном) монастыре (1764) [12, с. 1].

В XVIII веке особое место в жизни человека занимало образование, ведь именно тогда изменились стандарты образованности человека в сторону их повышения. Благодаря тому, что раньше бытовало мнение о пользе рисования в овладении практическими навыками, развитии образного мышления, оно вошло в перечень обязательных дисциплин для изучения.

При обучении рисованию использовались разные методики, но фундаментальной стала именно методика применения шаблонов, которые были позаимствованы у Академии художеств. Суть метода состояла в том, что ученики, глядя на картину в учебнике, должны были ее в точности воспроизвести. Но из-за того, что иллюстрации были невероятно сложными, создать копию вызывало большие трудности. Учащиеся в гимназиях или училищах просто физически не могли повторить виртуозно выполненные картины. Из-за этого в 1834 году А. П. Сапожниковым был выпущен целый курс по рисованию, который был предназначен исключительно для общеобразовательных учреждений.

Предмет «рисование» не разделялся на «живопись» и «рисунок». Прежде всего это связывалось с тем, что учащиеся должны были получать общие навыки изобразительного искусства. Важно было иметь «острый глаз», дающий возможность быстро подметить мельчайшие неточности и огрехи. Руки должны были быть ловкими (косные, негибкие запястья и пальцы мешали делать правильные движения, что впоследствии отражалось на качестве работы), что очень помогало при моделировании. Значимо было и понимание гармоничности, пропорциональности. Произведение, не обладающее вышеперечисленными аспектами, выглядело бы диссонантно, вызывало раздражение и неприятные эмоции.

Для той эпохи наиболее важным было умение точно воспроизвести в абсолютно разном масштабе то или иное произведение искусства. Именно на этом в специализированных учреждениях и был поставлен акцент. В основном работа с детьми проходила в группе, но допускалось также обучение конкретного ребенка по индивидуальному учебному плану. Кроме того, наиболее часто применялась комплексная система обучения, позволяющая построить учебный процесс, дающий глубокие, систематизированные знания предметов художественного цикла (пластики, живописи, скульптуры, архитектуры и т. д.).

Педагогический процесс состоял из индивидуально-творческого (повышение художественного мастерства учеников с помощью развития их личных качеств) и информационно-аналитического (усвоение исторического и культурного опыта, постижение передовых технологий художественного ремесла и введение их в жизнь) аспектов.

Бецкой И. И. в своей работе «Генеральный план Императорского Воспитательного дома» (1763) развивал идею о рисовании для приобретения определенных навыков и умений, а «не ради самого искусства». Благодаря данному труду в крупных городах нашей страны (Москва, Петербург) открылось несколько воспитательных домов, в перечне изучаемых дисциплин которых находились и изящные искусства. В нескольких из них рисование стало обязательным учебным предметом, необходимым для воспитания своих будущих детей. Также благодаря этому выпускники могли работать учителями.

По мнению педагога, дети должны изучать рисование с 5 лет, так как оно сформировывало базу, которая впоследствии помогала обучению чистописанию, ведь «писать и изображать цифирь легко... коль скоро свободно рисовать начнут» [6, с. 75].

Открытие института благородных девиц вдохновило И. И. Бецкого на написание ряда трудов, посвященных учебному процессу и преподаванию предмета «рисование». В них он раскрывает важные проблемы, отмечает наиболее подходящий возраст для обучения (6—12 лет) [3], приводит перечень предметов, которые должны знать ученицы по окончании института. Кроме рисования, девицы, по его мнению, должны были уметь вязать, шить, плести, танцевать, петь и на должном уровне разбираться в музыке, архитектуре, миниатюре и геральдике.

После того как Екатерина II подписала указ, разрешающий открывать учебные учреж-

дения по всей стране, в российской глубинке появилось множество училищ, в которых помимо обыденных, тривиальных предметов было и рисование. Тогда учреждения делились на два типа — «главные» и «малые». Первые являлись четырехлетними училищами, изучение рисования там проходило под строгим контролем, со второго по четвертый класс, каждую неделю по средам и субботам. Его вел специализированный педагог (еженедельная рабочая нагрузка — 16 часов).

Малые двухлетние училища, в отличие от главных, не могли себе позволить отдельного педагога для преподавания дисциплины «рисование», поэтому обучение проводилось штатными учителями, которые понимали искусство. В помощь педагогу давалось специальное указание, а ученики должны были располагать бумагой, перьями и принадлежностями для письма и рисования.

Бестужев А. Ф. в 1798 году посвятил целый трактат воспитанию, сущности и методикам обучения. В нем он отмечал, что рисование с натуры развивало детское мышление, проявляемое в умении различать, сравнивать между собой определенные объекты, находить черты, которые предметы делают похожими или абсолютно разными. Процесс наблюдения давал ребенку цельное представление о вещах. Он считал, что рисование способно отвлечь ребенка от будничной рутины и праздности, развить вкус к изящным искусствам.

Бестужев А. Ф. не забывал также и о важности развития у детей способности воображать. По его мнению, воображение — это особый навык, помогающий понимать окружающие вещи, сформировать и развить которое способны изящные искусства. Их изучение и познание помогает человеку приобрести центральные личностные качества, полезный, практический опыт, что непосредственно влияет на становление и социализацию личности в обществе. Таким образом, «понятие о добре, внушаемо как через беспрестанные разговоры о природе, через рисунки и через привычку видеть лучшие произведения сего искусства» [6, с. 76].

Промышленная эпоха оказала сильнейшее воздействие на развитие светского мироощущения воспитанников, которое отразилось на их художественном самовыражении. Это совпало со становлением рисования как полноценной школьной, общеобразовательной дисциплины. Весь спектр своего творческого потенциала воспитанники направляли на выполнение чертежей, карт и описание производственных, а

также технических процессов. Именно после этого в художественном образовании сформировалась непрерывность передачи педагогических навыков и опыта, а педагогический процесс стал более прогрессивным. Данное обстоятельство вызвало необходимость использования не только новейших техник для создания предметов искусства, но и материалов. Создавались особые предметы культа, расписывалась и лакировалась мебель, различная утварь. Наиболее выразительными стали камнерезные архитектурные и декоративные украшения, сделанные учениками. В этот период происходило активное освоение опыта предшествующих поколений, связанного с приемами и методами мастерства в сфере искусства.

В педагогическом процессе системный подход позволил осуществить целенаправленную специализацию по типу профессии, состоящую из мотивационного (вовлеченность в педагогический процесс и осознание его ценности), ориентационного (понимание сути профессии), операционального (владение практическими навыками) блоков.

В XVIII веке художественное образование приобретает новую мировоззренческую социально-педагогическую точку зрения. Парадигма художественного образования брала за основу культуuroобразующие принципы формирования новейшего эстетического и нравственного эталонов, а также применение художественной работы в ряде специальностей, а не только в религиозных верованиях. Именно благодаря этому стало возможным формирование системы образования, пусть и на начальном этапе.

На российское образование XIX века оказали сильнейшее воздействие рост международной торговли, буржуазные отношения, становление агропромышленности. С легкой руки Александра I в начале столетия было создано Министерство народного просвещения, в состав которого входили только приближенные к нему люди. Тогда монарх издал множество указов, повлиявших на весь учебный процесс. Если говорить о рисовании, то оно оказалось на том же уровне, что и до реорганизации обучения, оставаясь обязательной для изучения дисциплиной. Проблема состояла в том, что данную дисциплину преподавали не получавшие соответствующего образования, некомпетентные в этом направлении учителя, входившие в основной штат учреждения. Поэтому качество обучения было довольно низким. Если же в штате не было ни одного сотрудника, способного преподавать данный предмет на элементарном уровне,

владевшего базовыми навыками, то приходилось обращаться к независимым педагогам, не закрепленным ни за одним учреждением.

Однако для того чтобы развивать среди подрастающего поколения искусство изобразительной грамотности, необходимо было добавить эту область культуры как предмет в программы и планы учебных заведений. Требовалось не только развивать рисование на профессиональном уровне, осуществляя подготовку будущих известных выпускников-художников, способных прославить свою страну на весь мир, но и развивать рисование в учреждениях школьного и среднего уровня. Это бы способствовало тому, что большинство обучающихся, не попадавших в высшие учебные заведения, имели хотя бы основные примитивные навыки, способные помочь им в будущем. Но данная инициатива подводила к большей проблеме — с ростом числа потенциальных учеников надо было увеличивать и количество учителей, которых в России до первой четверти XIX века было не так уж и много. Объяснение этому находилось в том, что предмет рассматривали как врожденный навык и «само собой разумеющееся».

Данный подход необходимо было менять, поэтому в 1825 году в столице открыли Училище технического рисования С. Г. Строганова, способное хоть немного увеличить численность профильных специалистов в требуемой области. Эта стратегия была настолько успешна, что к середине XIX века планировалось заменить всех недостаточно квалифицированных преподавателей выпускниками школы. Но практика невозможна без теоретического фундамента, а такому до этого не уделялось достаточно внимания. Поэтому в срочном порядке стали разрабатываться и издаваться методические рекомендации и учебники для помощи свежее испеченным преподавателям в развитии науки и культуры в целом.

Но фортуна была недолго на стороне этого предмета, и уже во второй половине XIX века его исключили из большей части учебных планов существовавших на тот момент гимназий. Рисованию предпочли более популярные на тот

момент иностранные языки, богословие и математические науки. Александр II, инициировавший реформу, мотивировал это тем, что на обучение рисованию и так не хватает времени в насыщенном плане студентов, а недостаточное количество высококвалифицированных кадров лишь усугубляет ситуацию. Не улучшило это и недостаточное количество теоретических материалов — даже на конкурс по их созданию, инициированный Академией художеств, не было прислано ни одной работы. По итогу «школьной реформы» рисование как предмет не только не развивалось, но и пришло в упадок.

К счастью, период стагнации в сфере обучения рисованию был не слишком затянутым. Уже в 1872 году было проведено масштабное реформирование учебных заведений, и рисование снова появилось в учебных планах. А это значит, что опять возникла необходимость в большом количестве качественных педагогов и методической базе, поэтому необходимо было развивать систему подготовки кадров данного профиля. Были созданы курсы по обучению учителей рисования. Также было обращено внимание на опыт зарубежных коллег, и на основе их методических рекомендаций и собственной устоявшейся практики был разработан научно-методический базис для развития данного направления образования. Были введены свидетельства о праве на преподавание, гарантировавшие квалификацию будущих учителей и их способность преподавать в зависимости от уровня образовательного учреждения.

Развитие этой системы явно не было гладким и переживало свои взлеты и падения. Но, к великой радости, рисование всё же преодолело эти невзгоды и впоследствии прочно укрепилось в учебных планах совершенно разных по своему уровню образовательных учреждений. Уставы и законопроекты способствовали закреплению этого на высшем законодательном уровне, и впоследствии в российском образовании выработался свой «путь», проторенный сквозь дебри отсутствия методической базы, нехватки инициативы и внимания к данной сфере и политических условий того времени.

Литература

1. Бестужев А. Ф. О воспитании / А. Ф. Бестужев // Санкт-Петербургский журнал. — 1798. — Янв. Цит. по кн.: Антология педагогической мысли России XVIII в. / сост. И. Соловков. — М. : Педагогика, 1985.
2. Бецкой И. И. Генеральный план Императорского Воспитательного дома (1763) / И. И. Бецкой // Антология педагогической мысли России XVIII в. / сост. И. А. Соловков. — М. : Педагогика, 1985. — С. 159.
3. Бецкой И. И. Устав воспитания двухсот благородных девиц... (1764) / И. И. Бецкой // Антология педагогической мысли России XVIII в. / сост. И. А. Соловков. — М. : Педагогика, 1985. — С. 172.

4. Бондаревская Е. М. Воспитание как возрождение человека культуры и нравственности / Е. М. Бондаревская. — Ростов н/Д. : РГПУ, 1991 — 136 с.
5. Бранский В. П. Искусство и философия / В. П. Бранский. — Калининград : Янтарный сказ, 1999. — 704 с.
6. Васильева А. А. Становление художественного образования в России в XVIII—XIX вв. / А. А. Васильева. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-hudozhestvennogo-obrazovaniya-v-rossii-v-xviii-xix-vv>.
7. Вишнякова С. М. Профессиональное образование : словарь / С. М. Вишнякова. — М. : НМЦ СПО, 1999. — 538 с.
8. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. — СПб., 1997. — С. 96.
9. Мельников В. А. Становление и развитие художественного образования в России / В. А. Мельников. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-hudozhestvennogo-obrazovaniya-v-rossii>.
10. Олесина Е. П. Художественное образование как основа развития культуры личности / Е. П. Олесина // Педагогика искусства. — 2014. — № 3.
11. Приказ Минкультуры РФ от 28.12.2001 № 1403 «О концепции художественного образования в Российской Федерации». — URL: <http://bank.orenipk.ru/Text/t302.htm>.
12. Репин Е. Система Прейслера. Рисовальное художество / Е. Репин. — URL: <https://www.liveinternet.ru/users/solaire-idee/post361361186>.

HISTORIOGRAPHY OF ART EDUCATION DEVELOPMENT IN RUSSIA

K. I. Boykova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

elstinko@mail.ru

Education and culture are in synthesis with each other. Together they are the engines of progress and are able to influence the speed of development of the entire society, and art education helps to transmit the correct attitude towards objects of culture and art, their preservation and transmission to descendants. By means of education, it is possible to introduce cultural values, norms, knowledge, traditions, tolerance, a humane attitude towards people, animals, and nature into the consciousness of people. Their fundamental goal is to transform an ordinary person into a well-read, educated, enlightened person.

Art education in Russia is a long and unfinished process conditioned by contradictory trends, with an intermediate result. At the moment, it is clear that an increase in artistic culture in a person's life determines the cultural potential of the entire society, and education becomes a part of spiritual life, which affects a person's socialization, his creative abilities, work and intellect. In this regard, it is important to understand the process of development of art education in Russia, the features of which are discussed in this article.

Key words: history, art education, culture, education, fine arts, drawing, fine arts, academy of arts, technical drawing school of S. G. Stroganov.

References

1. Bestuzhev A. F. (1985) O vospitanii [Education]. Sankt-Peterburgskiy zhurnal, 1798, January. Quoted in the book: Antologiya pedagogicheskoy mysli Rossii XVIII v. Sost. I. Solovkov. Moscow: Pedagogika.
2. Betskoy I. I. (1985) Generalnyj plan Imperatorskogo Vospitatelnogo doma (1763) [Common plan of Emperor Educational house (1763)]. Antologiya pedagogicheskoy mysli Rossii XVIII v. I. A. Solovkov. Moscow: Pedagogika, p. 159.
3. Betskoy I. I. (1985) Ustav vospitaniya dvuh sot blagorodnyh devits... (1764) [Decree of education of 200 noble maidens (1764)]. Antologija pedagogicheskoy mysli Rossii XVIII v. Solovkov. Moscow: Pedagogika, p. 172.
4. Bondarevskaya E. M. (1991) Vospitanie kak vozrozhdenie cheloveka kultury i nra vstvennosti [Education as the re-birth of man of culture and morality]. Rostov-on-Don: RGPU, 136 p.
5. Branskiy V. P. (1999) Iskusstvo i filosofiya. Kaliningrad [Culture and philosophy]. Kaliningrad: Yantarnyj skaz, 704 p.
6. Vasilyeva A. A. Stanovlenie hudozhestvennogo obrazovaniya v Rossii v XVIII—XIX vv. [Becoming and development of art education in Russia in XVIII—XIX centuries]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-hudozhestvennogo-obrazovaniya-v-rossii-v-xviii-xix-vv>.
7. Vishnyakova S. M. (1999) Professionalnoe obrazovanie [Vocational education: dictionary]. Moscow: NMTs SPO, 538 p.

8. Vygotskiy L. S. (1997) Vooobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste [Imagination and creativity in childhood]. St.-Petersburg, p. 96.
9. Melnikov V. A. Stanovlenie i razvitie khudozhestvennogo obrazovaniya v Rossii [Becoming and development of art education in Russia]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-hudozhestvennogo-obrazovaniya-v-rossii>.
10. Olesina E. P. (2014) Khudozhestvennoe obrazovanie kak osnova razvitiya kultury lichnosti [Art education as the basis of culture development of a personality]. Pedagogika iskusstva, (3).
11. Prikaz Minkultury RF ot 28.12.2001 N 1403 "O kontseptsii khudozhestvennogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the Culture Ministry from 28.12.2001 N 1403 "Concept of art education in the Russian Federation"]. URL: http://bank.orenipk.ru/Text/t30_2.htm.
12. Repin E. Sistema Preyslera. Risovalnoe khudozhestvo [System of Preisler. Paint art]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/solaire-idee/post361361186>.

Е. Н. Каленик

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kente@mail.ru

Я. А. Сотникова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
sotaksani.98@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПОСЛЕДСТВИЙ НАРУШЕНИЙ ОДА, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФИЛАКТИКИ И РЕАБИЛИТАЦИИ ПРИ ЗАБОЛЕВАНИЯХ ПОЗВОНОЧНИКА

Нарушения и болезни костно-мышечной системы — это более 150 нарушений здоровья, поражающих опорно-двигательный аппарат. Они варьируются в широком диапазоне: от острых и кратковременных явлений — переломов, растяжений и вывихов — до пожизненных нарушений, сопровождающихся постоянным снижением функциональных возможностей и инвалидностью. Нарушения и болезни костно-мышечной системы обычно характеризуются болевыми ощущениями (нередко постоянного характера), снижением подвижности, ухудшением моторики и функциональных возможностей в целом, что ограничивает способность человека к трудовой деятельности [10]. Нарушения и болезни костно-мышечной системы являются самым главным фактором, обуславливающим глобальную потребность в реабилитационных услугах. Они входят в число основных причин, определяющих спрос на профилактические и реабилитационные методики для детей, а примерно две трети взрослого населения, нуждающегося в реабилитационных услугах, — это люди, страдающие от нарушений и болезней костно-мышечной системы [15]. В представленном материале показана важность проблемы заболеваний опорно-двигательного аппарата (ОДА), в частности заболеваний позвоночника. Предопределена существенность заболеваний относительно утраты трудоспособности во всех странах мира. В статье представлены статистические данные по частоте заболеваний ОДА. Рассмотрена и выстроена в хронологию краткая история изучения заболеваний позвоночника в медицине. Выявлена социальная значимость проблемы нарушений ОДА. Обозначена важность программы в области организации профилактики нарушений ОДА [13].

Для лиц с заболеваниями позвоночника имеет огромное значение консервативное лечение. В работе обозначена потребность в подборе правильно разработанной индивидуальной восстановительной (реабилитационной) программы. Предложенная реабилитационная программа преследует цели общего укрепления организма, увеличения работоспособности, совершенствования координации движений, повышения тренированности. При этом специальные упражнения направлены на восстановление определенных двигательных функций. Позитивный результат возможен за счет реабилитации, направленной на восстановление режима труда и отдыха, увеличение физической подвижности, нормализацию питания, увеличение информированности в области данного заболевания и способов восстановления [15].

Реабилитационная методика, представленная в работе, включает три направления: первое — ЛФК и бытовая безопасность спины, вспомогательные устройства при заболевании, второе — организация рабочего места, третье — питание.

В заключение работы предложены правила поведения при заболеваниях позвоночника и ОДА.

Ключевые слова: опорно-двигательный аппарат, заболевания позвоночника, реабилитационная программа, история изучения заболеваний позвоночника, бытовая безопасность спины, вспомогательные устройства при заболеваниях ОДА.

Заболевания опорно-двигательного аппарата (ОДА), в частности заболевания позвоночника, занимают одно из ведущих мест относитель-

но утраты трудоспособности во всех странах мира. В статистике с 1995 года в академических научных исследованиях указано, что частота

оказания медицинской помощи по поводу боли в области спины составила 77,8 на 1000 мужчин и 109,0 на 1000 женщин. По поводу заболеваний ОДА отмечаются следующие показатели: 35,5 на 1000 мужчин и 29,6 на 1000 женщин. В 1997 году 1,5 млн пациентов госпитализированы по поводу заболеваний ОДА. Исследуя данный вопрос в XXI веке, можно сделать вывод, что боли в области позвоночника — это наиболее частая проблема в мире из заболеваний ОДА. Каждый седьмой взрослый в мире (в возрасте старше 40 лет — каждый второй) когда-либо испытывал боль в спине. Ежегодно около 8 % работающего населения утрачивают трудоспособность из-за боли в области позвоночника, а из общего числа случаев утраты трудоспособности 40 % связаны именно с нарушениями ОДА. Заболевания позвоночного отдела выявляют у 5 % работников индустриальной сферы, потери трудоспособности достигают 57 дней на 100 работающих. Ежегодно за медицинской помощью по поводу заболеваний ОДА обращаются более 1 млн пациентов, около 16 000 из них устанавливают инвалидность [9].

Проблема предупреждения развития заболеваний позвоночника и устранения болевого синдрома существует уже давно, она становится все более актуальной и требует своего решения как в плане разработки действенной программы физической реабилитации, так и в плане ее доступности для всех категорий населения. Проблема нарушений ОДА выходит далеко за рамки таких узких специальностей, как неврология, ортопедия и ревматология, и является не только общемедицинской, но и психологической, педагогической и социологической.

Следовательно, социальная значимость проблемы нарушений ОДА имеет исключительно важное значение. Однако стратегической программы в области организации профилактики нарушений ОДА нет. Первым шагом к ее решению с позиций государственного подхода должно стать создание стандартов диагностики и профилактики, т. е. перечня базисных методов и мероприятий, применение которых необходимо для оказания высокоэффективной специализированной медицинской, психологической, физкультурно-оздоровительной помощи нуждающимся с нарушениями ОДА.

Проведенными исследованиями установлено, что 80 % времени позвоночник пребывает в вынужденном полусогнутом положении. Длительное пребывание в таком положении вызывает растяжение мышц-сгибателей спины и снижение их тонуса. Это один из основных фак-

торов, которые приводят к возникновению заболеваний позвоночника [10].

Рассматривая краткую историю изучения заболеваний позвоночника в медицине, можно выстроить научные изыскания в определенной хронологии:

- Cotugno (1794 г.) — создана инфекционная теория ишиаса;
- Virchow (1857 г.) — описана грыжа шейного межпозвоночного диска (МД) под названием экстрадуральная хондрома;
- Babinsky (1888 г.), Бехтерев (1913 г.) — описана клиника поражения корешков спинного мозга (СМ) при сдавлении их в позвоночном канале;
- Dandy (1929 г.) — высказана мысль, что компримирующие фрагменты хряща могут исходить из диска;
- Schmorl (1932 г.) — издана классическая работа о хрящевых узлах и дегенеративных поражениях МД;
- Hildenbrandt (1933 г.) — предложена характеристика дегенеративных изменений МД, введено понятие «остеохондроз»;
- Mixter and Barr (1934 г.) — впервые использован термин «грыжа диска»;
- Маргулис (1940 г.) — введен термин «пояснично-крестцовый радикулит»;
- Попелянский Я. Ю., Осна А. И., Луцик А. А. (1970—1980 гг.) — создана школа по изучению остеохондроза позвоночника.

В 1984 году в коллективной монографии «Остеохондрозы позвоночника» академик АМН, профессор Г. С. Юмашев и профессор М. Е. Фурман дали определение этому заболеванию: «Остеохондроз — наиболее тяжелая форма поражения позвоночника, в основе которого лежит дегенерация диска с последующим вовлечением тел смежных позвонков, межпозвоночных суставов и связочного аппарата. В каждом отделе позвоночного столба остеохондроз имеет типичную локализацию и особенности» [14]. В 1980—90-е годы стала преобладать теория преимущественного миогенного происхождения данного заболевания. Многие клиницисты, например Т. Г. Вознесенская (2004), считают, что почти в 90 % случаев боли в спине — это проявление миофасциального синдрома.

Основная часть проблем, связанных с заболеваниями ОДА, обусловлена заболеваниями позвоночника, которые в свою очередь могут быть связаны как с врожденными аномалиями развития позвоночника, так и с возрастной дегенерацией структур, ответственных за его функционирование. В первом случае патология

позвоночника заявляет о себе в детском и юношеском возрасте и часто связана с ортопедическими нарушениями — идиопатическим сколиозом, кифозом, нарушением осанки. Нередко ортопедические нарушения встречаются на фоне присутствия искривления позвоночника, чаще всего в ответ на такую причину, как слабое физическое развитие, разность в длине ног, привычная неправильная поза, постоянное ношение сумки на одном плече, огромное количество времени в напряженном сидячем положении и т. д. [12].

Также для группы заболеваний ОДА (заболеваний позвоночника) характерны связь с нагрузкой, чаще статической, несистематические физические адекватные нагрузки. Нередко формируется несимптоматический кифоз или кифосколиоз, с которым лица с заболеваниями ОДА благополучно сосуществуют всю жизнь. Однако у большинства симптомы появляются вновь или усиливаются в возрасте 30—35 лет, что связано с более ранним и тяжелым дегенеративным процессом в суставах позвоночника в сравнении с другими людьми.

Известны также клинические проявления поражения осевого скелета. Так, для этого заболевания характерны следующие особенности (при воспалительных спондилоартропатиях): появление симптомов в возрасте до 40 лет, постепенное начало, максимальная выраженность в ранние утренние часы, присутствие утренней скованности длительностью более 30 минут, уменьшение боли после физических упражнений [13].

Болезнь XXI века — «компьютерное» поражение позвоночника, долгое статическое напряжение позвоночника, нарушение вследствие этого кровообращения, увеличение воспаления и т. д. встречается у 40—50 % больных и наблюдается в шейном отделе. При длительно протекающем процессе у ряда пациентов возникает анкилоз дугоотростчатых позвонков шейного отдела позвоночника при относительно сохранной функции других отделов позвоночника. Этот вариант поражения позвоночника относительно доброкачественен и в незначительной степени определяет функциональное состояние пациента. Изолированное поражение шейного отдела практически не встречается ни при каких других формах заболеваний ОДА.

Все пациенты с заболеваниями позвоночника могут и должны получать консервативное лечение. Курс лечения составляет не менее 2—3 недель. После проведения лечебной терапии необходим подбор правильно разработан-

ной индивидуальной восстановительной (реабилитационной) программы [15].

Реабилитационная программа преследует цели общего укрепления организма, увеличения работоспособности, совершенствования координации движений, повышения тренированности. При этом специальные упражнения направлены на восстановление определенных двигательных функций. Позитивный результат возможен за счет реабилитации, направленной на восстановление режима труда и отдыха, увеличение физической подвижности, нормализацию питания, повышение информированности в области данного заболевания и способов восстановления.

При высоком уровне катастрофизации и выраженности болевого синдрома в реабилитационную программу целесообразно включать психосоматическое воздействие [11]. Известно, что лечебная физическая культура и массаж — неотъемлемые части комплексной реабилитационной программы больных с поражением позвоночника. Необходимо назначать дополнительные методы — лечебную гимнастику или индивидуальную реабилитационную методику.

Реабилитационная методика должна быть начата после тестирования и опроса с уточнением диагноза. Реабилитационные методики используются как для персональных, так и групповых занятий под контролем реабилитолога [11].

В реабилитационную методику включены три направления: первое — ЛФК и бытовая безопасность спины, вспомогательные устройства при заболевании, второе — организация рабочего места, третье — питание.

Первое направление имеет своей целью дать пациенту информацию о безопасном движении и самообслуживании. Важно обучить пациента держать правильную осанку и соблюдать эргономичные условия для совершения движений, а также выполнять элементарные бытовые движения, не вызывая усугубления боли, так как «пациента также важно обучить основам бытовой защиты спины» [11]. Необходимо предоставить информацию и провести обучение по ношению корсетов при острой и обострении хронической боли в спине. Большую роль играет обучение пациентов, носящих корсеты, по укреплению мышцы брюшного пресса, чтобы сохранить поддерживающую функцию мышц живота [2, 3].

Второе направление имеет целью необходимость правильно организовать рабочее место с учетом заболевания. Важно создать идеальный режим труда и отдыха, дать рекомендации по физкультпаузам и физическим упражнениям, снимающим напряжение [4].

Третье направление — питание и диеты. По этому направлению у пациентов возникает больше всего вопросов, так как специальной диеты при боли в спине нет. Тем не менее важно сбалансированное питание для корректировки веса с необходимым объемом жидкости. Огромное значение имеет выбор продуктов, чтобы питание было полноценным, с большим содержанием витаминов [5].

Таким образом, лица с заболеваниями ОДА получают все шансы на существенное улучшение состояния и снижение степени ограниченности и даже инвалидности при соблюдении некоторых правил:

1. Соблюдение режима труда и отдыха.

2. Четкое следование схеме лечения и реабилитационной методике. Только так можно обеспечить поддержку ослабленному позвоночнику и приостановить процесс разрушения.

3. Прохождение полного медицинского обследования и контроль хронических заболеваний.

4. Ношение вспомогательных ортезов, которые снижают нагрузку на позвоночник.

5. Подбор рационального питания индивидуально каждому пациенту исходя из основного заболевания и возможного наличия хронического.

6. Информированность пациентов о предстоящей работе над организмом и вспомогательной методике [1, 6].

Литература

1. Анатомия человека. Опорно-двигательный аппарат : учебник : в 3 т. Т. 1. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2018. — 320 с.
2. Билич Г. Л. Анатомия человека: атлас : учебное пособие : в 3 т. Т. 1. Опорно-двигательный аппарат: Остеология, Синдесмология, Миология / Г. Л. Билич. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2017. — 858 с.
3. Борзяк И. Э. Анатомия человека. Фотографический атлас. Т. 1. Опорно-двигательный аппарат / И. Э. Борзяк. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2016. — 785 с.
4. Борзяк Э. И. Анатомия человека. Фотографический атлас : в 3 т. Т. 1. Опорно-двигательный аппарат : учебное пособие / Э. И. Борзяк, Г. фон Хагенс, И. Н. Путалова. — М. : СИНТЕГ, 2016. — 480 с.
5. Валеев Н. М. Восстановление работоспособности спортсменов после травм опорно-двигательного аппарата : учебное пособие / Н. М. Валеев. — М. : ИЛ, 2018. — 304 с.
6. Возможности обезболивания и иммобилизации при повреждениях и заболеваниях опорно-двигательного аппарата. — М. : Сам Полиграфист, 2018. — 248 с.
7. Епифанов В. А. Восстановительное лечение при повреждениях опорно-двигательного аппарата / В. А. Епифанов, А. В. Епифанов. — М. : Авторская академия, КМК, 2017. — 480 с.
8. Леонтьева Н. Н. Анатомия и физиология детского организма (основы учения о клетке и развитии организма, нервная система, опорно-двигательный аппарат) / Н. Н. Леонтьева, К. В. Маринова. — М. : Просвещение, 2018. — 288 с.
9. Ревенко Т. А. Атлас операций при травмах опорно-двигательного аппарата / Т. А. Ревенко. — М. : ЁЁ Медиа, 2016. — 850 с.
10. Скороглядов А. Возможности обезболивания и иммобилизации при повреждениях и заболеваниях опорно-двигательного аппарата : учебное пособие / А. Скороглядов. — М. : Полиграфист, 2017. — 557 с.
11. Сотникова Я. А. Реабилитационная методика по тревоге и депрессии у пациентов с дорсалгиями при дегенеративных заболеваниях позвоночника / Я. А. Сотникова, Е. Н. Каленик // Вопросы устойчивого развития общества. — 2020. — № 10. — С. 663—671. — URL: <http://www.nauka20-35.ru>.
12. Сытин Г. Богатырская сила жизни. Преодоление старения. Создание молодого опорно-двигательного аппарата : в 3 кн. / Г. Сытин. — М. : СИНТЕГ, 2017. — 768 с.
13. Ужегов Г. Болезни опорно-двигательного аппарата. Народный лечебник / Г. Ужегов. — М. : ИЛ, 2017. — 192 с.
14. Юмашев Г. С. Остеохондрозы позвоночника / Г. С. Юмашев, М. Е. Фурман. — М. : Медицина, 1984.
15. Functional Neurology. CIC Edizioni Internazionali s.r.l., 1986—2019.

SOCIAL SIGNIFICANCE OF THE CONSEQUENCES OF MUSCULOSKELETAL DISORDERS, PREVENTION AND REHABILITATION IN SPINE DISORDERS

E. N. Kalenik

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kente@mail.ru

Y. A. Sotnikova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
sotaksani.98@gmail.com

Musculoskeletal disorders are more than 150 health disorders affecting the musculoskeletal system. They vary widely: from acute and short-term medical events, such as fractures, sprains and dislocations, to lifelong disorders, accompanied by a permanent decrease in functionality and disability. Disorders and diseases of the musculoskeletal system are usually characterized by pain (often permanent), decreased mobility, deterioration of motor skills and functional capabilities in general, which limits a person's ability to work [10]. Disorders and diseases of the musculoskeletal system are the most important factor determining the global need for rehabilitation services. They are among the main reasons determining the demand for preventive and rehabilitative methods for children, and about two thirds of the adult population in need of rehabilitation services are people suffering from disorders and diseases of the musculoskeletal system [15]. The presented material shows the importance of the problem of diseases of the musculoskeletal system (MSD), in particular, diseases of the spine. The significance of the disease in relation to disability in all countries of the world is predetermined. The article presents statistical data on the incidence of musculoskeletal disorders. The authors consider and arrange chronologically a brief history of the study of spine disorders in medicine. The paper reveals the social significance of musculoskeletal disorders, as well as the importance of the program of organizing the prevention of MSDs [13].

For people with spine problems, conservative treatment is of great importance. The work also indicates the need for the selection of a properly developed, individual recovery (rehabilitation) program.

The proposed rehabilitation program pursues the goals of general strengthening of the body, increasing efficiency, improving coordination of movements, increasing fitness. At the same time, special exercises are aimed at restoring certain motor functions. A positive result is possible due to rehabilitation aimed at restoring the regime of work and rest, increasing physical mobility, normalizing nutrition, increasing awareness of such disease and methods of recovery [15].

The rehabilitation technique proposed in the work includes three directions: first — exercise therapy and household safety of the back, assistive devices in case of illness. The second direction is the organization of the workplace. The third area is nutrition.

In conclusion, the authors propose the rules of behavior in spine diseases.

Key words: musculoskeletal system, spine disorders, rehabilitation program, history of the study of spine disorders, household safety of the back, assistive devices musculoskeletal diseases.

References

1. Anatomiya cheloveka. Oporno-dvigatelnyj apparat [Human anatomy. The musculoskeletal system]. Textbook: in 3 volumes, volume 1. Moscow: GEOTAR-Media, 2018, 320 p.
2. Bilich G. L. (2017) Anatomiya cheloveka: atlas [Human Anatomy: Atlas]. Study guide, in 3 volumes, volume 1. Oporno-dvigatelnyj apparat: Osteologiya, Sindesmologiya, Miologiya [The musculoskeletal system: Osteology, Syndesmology, Myology]. Moscow: GEOTAR-Media, 858 p.
3. Borzyak I. E. (2016) Anatomiya cheloveka: fotograficheskiy atlas [Human anatomy. Photographic atlas]. Volume 1. Oporno-dvigatelnyj apparat [Musculoskeletal system]. Moscow: GEOTAR-Media, 785 p.
4. Borzyak E. I., G. von Hagens, Putalova I. N. (2016) Anatomiya cheloveka: fotograficheskiy atlas [Human Anatomy. Photographic atlas]. Study guide, in 3 volumes, volume 1. Oporno-dvigatelnyj apparat [The musculoskeletal system]. Moscow: SINTEG, 480 p.
5. Valeev N. M (2018) Vosstanovlenie rabotosposobnosti sportsmenov posle travm oporno-dvigatel'nogo apparata [Recovery of athletes' working capacity after injuries of the musculoskeletal system]. Textbook. Moscow: IL, 304 p.
6. Vozmozhnosti obezbolivaniya i immobilizatsii pri povrezhdeniyakh i zabolevaniyakh oporno-dvigatel'nogo apparata [Possibilities of anesthesia and immobilization in case of injuries and diseases of the musculoskeletal system]. Moscow: Sam Polygraphist, 2018, 248 p.
7. Epifanov V. A., Epifanov A. V. (2017) Vosstanovitel'noe lechenie pri povrezhdeniyakh oporno-dvigatel'nogo apparata [Rehabilitation treatment for injuries of the musculoskeletal system]. Moscow: Avtorskaya akademiya, KMK, 480 p.

8. Leontyeva N. N., Marinov K. V. (2018) *Anatomiya i fiziologiya detskogo organizma (osnovy ucheniya o kletke i razvitiy organizma, nervnaya sistema, oporno-dvigatelnyy apparat)* [Anatomy and physiology of the child's body: (Fundamentals of the doctrine of the cell and the development of the body, the nervous system, the musculoskeletal system)]. Moscow: Prosveshchenie, 288 p.
9. Revenko T. A. (2016) *Atlas operatsiy pri travmakh oporno-dvigatel'nogo apparata* [Atlas of operations for injuries of the musculoskeletal system]. Moscow: EE Media, 850 p.
10. Skoroglyadov A. (2017) *Vozmozhnosti obezbolivaniya i immobilizatsii pri povrezhdeniyakh i zabolovaniyakh oporno-dvigatel'nogo apparata* [Possibilities of anesthesia and immobilization in case of injuries and diseases of the musculoskeletal system]. Textbook. Moscow: Polygraphist, 557 p.
11. Sotnikova Ya. A., Kalenik E. N. (2020) *Reabilitatsionnaya metodika po trevoge i depressii u patsientov s dorsalgiiami pri degenerativnykh zabolovaniyakh pozvonochnika* [Rehabilitation technique for anxiety and depression in patients with dorsalgia in degenerative diseases of the spine]. *Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva* [Issues of sustainable development of society], (10), p. 663—671. URL: <http://www.nauka20-35.ru>.
12. Sytin G. (2017) *Bogatyrskaya sila zhizni. Preodolenie stareniya. Sozdanie mladogo oporno-dvigatel'nogo apparata* [Heroic power of life. Overcoming aging. Creation of a young musculoskeletal system]. Moscow: SINTEG, 768 p.
13. Uzhegov H. (2017) *Bolezni oporno-dvigatel'nogo apparata. Narodnyy lechebnyy* [Diseases of the musculoskeletal system. Folk medical book]. Moscow: IL, 192 p.
14. Yumashev G. S., Furman M. E. *Osteokhondrozy pozvonochnika* [Osteochondrosis of the spine]. M.: Medicine, 1984.
15. *Functional Neurology*. CIC Edizioni Internazionali s.r.l., 1986—2019.

З. А. Кисторян

ПМГМУ имени И. М. Сеченова
(г. Москва, Россия)
kistoryan@gmail.com

ОДНОВРЕМЕННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ДВУХ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В КОРРЕКЦИИ ЗАИКАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ

В данной статье представлено изучение вероятной эффективности одновременного применения двух арт-терапевтических методов в коррекции заикания. Актуальность гипотезы на социально-педагогическом уровне связана с необходимостью разработки у дошкольников с заиканием новых методов управления для подготовки их к школьному обучению. На научно-теоретическом уровне актуальность гипотезы определяется недостаточной проработкой произвольных регламентов речевой деятельности дошкольников с помощью методик арт-терапии. Приемы арт-терапии при комплексном подходе к коррекции могут положительно сказаться на задаче снятия психологического напряжения у дошкольников. Эффект сложной вербальной психиатрии при заикании может быть достигнут путем внедрения техник арт-терапии. Методология основана на следующих диалектических принципах и законах: закон развития, закон перехода к качеству количественного измерения, т. е. обеспечение социальной неполноценности как конечной цели образовательной точки (Выготский Л. С., 1982), принцип изменения стереотипов коммуникативного поведения (Бодалев А. А.). С точки зрения принципа приспособленности заикание считается ложной попыткой приспособить личность посредством измерения речи. Следовательно, адаптация системы должна устранить необходимость в искажении речи. Закон ускорения переходит к качественному количественному изменению, предполагает изменение личных и коммуникативных характеристик детей и родителей путем приобретения практических знаний через арт-терапию, тем самым получая эмоциональный опыт в области заикания.

Ключевые слова: арт-терапия, заикание, речевые патологии, логопедия, дошкольники, изотерапия, музыкотерапия.

В исследованиях О. С. Бот, Р. Е. Левина, А. В. Ястребовой и др. подчеркивалось, что задержка речевого контроля отрицательно сказывается на невербальной активности у детей с заиканием. Заикание — одно из самых распространенных расстройств речи, характеризуется комплексом сложных симптомов и в некоторых случаях имеет низкий терапевтический эффект. Заикание на чувствительной стадии развития (2—6 лет) ограничивает способность ребенка к общению, искажает развитие многих личностных качеств и затрудняет социальную адаптацию. На ранних стадиях заикание часто бывает легким. Однако небольшое заикание, которое вначале едва заметно, со временем может усилиться и вызвать у детей болезненные переживания и боязнь речи. Чем больше времени проходит после начала заикания, тем чаще оно переходит в стойкий дефект, приводя к изменению психологии детей.

С точки зрения Р. Е. Левиной, не существует речевого нарушения самого по себе, оно всегда подразумевает личность и психику определенного человека со всеми присущими ему спецификами. От природы дефекта, от его степени, а также от того, как ребенок к нему относится, зависит ипостась недостатка речи в развитии и судьбе ребенка.

Понимание собственного речевого дефекта, безуспешные попытки самому избавиться от него или хотя бы завуалировать зачастую порождают у детей с заиканием определенные психологические особенности: стеснительность, вплоть до робости, стремление к уединению, страх речи, ощущение угнетенности и постоянные переживания за свою речь, а иногда, наоборот, расторможенность, показную разболтанность и резкость.

Большинство авторов отмечают различные стадии сформулированных психологических

особенностей у дошкольников с заиканием (Х. Лагузен, И. А. Сикорский, Г. Д. Неткачев, И. И. Тартаковский, Э. Фрешельс, Ф. Г. Штоккерт, Ю. А. Флоренская, М. Е. Хватцев и др.). В последнее время видны попытки не только углубленно изучить психологические особенности дошкольников с заиканием с целью доказать психотерапевтическую направленность логопедической работы (С. С. Ляпидевский, С. И. Павлова, В. И. Селиверстов, В. М. Шкловский, Ю. Б. Некрасова, Г. И. Ангушев, Л. З. Андропова, Э. М. Кулиев и др.), но и дифференцировать их. В основу принимается присутствие логофобий (С. С. Ляпидевский, С. И. Павлова), разная степень болезненной фиксированности на своем недуге (В. И. Селиверстов, В. М. Шкловский и др.).

У дошкольников другая картина повышенной чувствительности к заиканию. В этом случае изначально могут проявиться факторы микросреды, неблагоприятные для маленьких детей: конфликты в семье, неправильное воспитание и отсутствие помощи в поиске правильных слов и др. Сознательный интерес ребенка к заиканию, с одной стороны, вызывает эмоциональные переживания, а с другой — вдохновляет на произвольные действия по преодолению заикания. В то же время его способность справляться с проблемами усугубляет эмоциональные переживания. Как правило, в речи ребенка повышается чувствительность к симптомам заикания.

Представление о полноте восприятия заикания должно включать в себя совокупность кинестетических, тактильных, слуховых и зрительных ощущений и признание того, что они проявляются в определенных случаях вербальной активности (иницирование выражения, определенные звуки или комбинации звуков) и в определенных условиях (в различных средах, в разной деятельности). Ребенок распознает отношение другого человека к нему или к его неправильным словам (насмешка, обвинение, сострадание, беспокойство и т. д.), дополняет собственные восприятия ощущениями личных проигрышных усилий по преодолению заикания и ненавистными переживаниями по данному поводу.

Эмоционально-личностное состояние — фактор адаптации ребенка с патологией речи в обществе. Неблагоприятное эмоциональное и личное состояние начинает негативно влиять на психологическое состояние ребенка, усугубляя патологии речи. На помощь приходят навыки арт-терапии. Чтобы найти эффективные методы лечения, современная специализированная психология все больше ориентируется на использование методов арт-терапии в речевой психиатрии.

Один из увлекательных аспектов арт-терапии — невербальное самовыражение и общение. Люди выражают свои чувства через искусство. Правое полушарие мозга активируется в процессе творения, тогда как у большинства людей в первую очередь активируется система вербальной коммуникации левого «логического» полушария. Нормальное гармоничное развитие человека подразумевает одинаковую активность обоих полушарий головного мозга. Также некоторые операции проводятся через правое полушарие — креативность, интуиция, культурное воспитание и, конечно же, эмоции. Арт-терапия позволяет выражать свои мысли через картины, скульптуры и театральные представления. С сохранившимся изображением человек как бы обретает завершенность, неповторимость и характер.

Распространению этого направления способствует появление исследований теоретических разработок и практики арт-терапии в работе с детьми (Медведева Е. А., Левченко И. Ю., Комиссарова Л. Н., Добровольская Т. А., 2001).

Арт-терапия — это форма художественной психотерапии, которая включает в себя театр, музыку, рисование, танец и двигательную терапию. Арт-терапия, связанная с речевой психиатрией, предполагает синтез нескольких дисциплин, таких как искусство, медицина и психология (Медведева Е. А., Левченко И. Ю., Комиссарова Л. Н., Добровольская Т. А., 2001). Методология обсуждаемой концепции основана на убеждении, что когда человек рисует, пишет картину и лепит скульптуру, внутренняя его часть представляется как визуальный образ. Художественные творческие образы отражают все формы подсознательных процессов, включая страхи, внутренние события, воспоминания и мечты. Дошкольникам дать такое описание довольно проблематично. В результате невербальные средства часто считаются единственным способом выражения или разъяснения. В этой связи важно обеспечить различные занятия по арт-терапии для дошкольников.

Арт-терапевты знакомы с природой визуального творческого процесса и обладают невербальными и символическими коммуникативными навыками. В основе художественного взаимодействия лежит выражение и уплотнение бессознательной ментальной материи посредством художественного творчества (VAAT, 1989; Waller, 1991).

Художественно-прикладное дело — это роспись, лепка, изготовление мозаики, все виды поделок из природных материалов. При этом

особая подготовка и карьерные преимущества не так важны, важен сам процесс творения.

В отличие от обучения искусству, занятия арт-терапией позволяют сосредоточиться на спонтанности творческой деятельности. Чем меньше учитель вмешивается в занятия детей, тем эффективнее лечение и быстрее устанавливается связь между состраданием и доверием.

Основной лечебный корректирующий эффект достигается за счет «отклонения» от переживания заикания. В различных научных источниках встречается один из следующих терминов, обозначающих направление арт-терапии: индустриальная терапия, трудовая деятельность, «вариации» через изобразительное искусство, различные ремесла, литературу, музыку и т. д.

По мнению В. С. Мухиной (Мухина, 1981) и других исследователей, детские рисунки — это не искусство, а слова. Дети склонны рисовать. Это типичный тест, в котором вместо реальных предметов используются художественные символы. Дошкольники выражают себя с помощью рисунков. Художественные материалы можно использовать для общения, различных игр, импровизаций, спектаклей. Дети чувствуют ограниченное выражение слова. Вероятно, это делает их более совершенными по сравнению с взрослыми. Возраст 5—10 лет называют золотым веком детской живописи.

Образовательные взаимодействия созданы для того, чтобы учащиеся учились. Соответствующее общение, сострадание и добрые отношения со сверстниками и взрослыми способствуют моральному развитию, дают рекомендации по системе общепринятых моральных мер и овладевают этикой поведения. Есть более глубокое понимание себя, своего внутреннего мира (мыслей, чувств, желаний и т. д.). В результате возникают открытые, доверительные и сострадательные отношения с педагогами.

Современные образовательные учреждения используют арт-терапию как способ раскрыть творческий потенциал обучающихся, выявить скрытые энергетические ресурсы и, наконец, найти лучший способ решения проблем. При работе с детьми очень важно использовать гибкие инструменты для психиатрической работы. Арт-терапия дает ребенку возможность играть, переживать и распознавать конфликтные ситуации и проблемы. Искусство арт-терапии позволяет погрузиться в проблему настолько, насколько человек готов ее почувствовать.

Арт-терапия (лат. *ars-art*, греч. *therapeia-treatment*) — это метод оздоровительного раз-

вития через искусство. Сегодня арт-терапия считается одним из самых тонких, но эффективных методов, используемых психологами, психотерапевтами и учителями.

В научно-педагогической интерпретации слово «арт-терапия» понимается как забота об эмоциональном благополучии и психологическом здоровье отдельных лиц, групп и коллективов посредством художественной деятельности. Основная цель арт-терапии — гармонизация индивидуального развития через самовыражение и развитие самосознания.

Инструменты арт-терапии помогают:

- Развивать и улучшать внимание, память, мышление, восприятие и воображение.
- Изучать жизненный опыт с необычной точки зрения.
- Развивать социальные навыки и учиться конструктивному общению с помощью зрения, моторики и слуха.
- Изучать новые роли, например, наблюдать, как изменения в собственном поведении влияют на других.
- Повышать самооценку.
- Принимать новые и полезные решения.
- Расслабиться и отпустить негативные мысли и чувства.
- Быть креативным.

Образ исправления «Я», ранее имевший потенциал трансформации, пересматривается довольно успешно, повышается самооценка, исчезают неадекватные модели поведения, создаются отношения с другими.

Творческая деятельность создает атмосферу душевного тепла, доброты, сострадания, признания ценностей личности, заботы о ней, эмоциях, переживаниях. Появляется ощущение психологического комфорта, стабильности, радости и успеха. В результате мобилизуется исцеляющий потенциал эмоций.

Диагностика арт-терапии может дать информацию о развитии ребенка. Это тонкий способ увидеть ребенка, узнать его интересы и ценности, разглядеть его внутренний мир и творческие способности, а также обнаружить проблемы, с которыми он сталкивается.

Копытин А. И. выделяет следующие преимущества арт-терапии (Копытин и др., 2010):

- Почти каждый (независимо от возраста, культурного опыта или социального статуса) может участвовать в арт-терапии, которая не требует превосходных визуальных или художественных навыков. В детстве все рисовали, лепили и играли. Поэтому арт-терапия практически не имеет возрастных ограничений. Нет ос-

нований говорить о противопоказаниях к участию отдельных людей в процессе арт-терапии.

- Арт-терапия — это прежде всего невербальное средство общения. Это особенно ценно для тех, кто свободно говорит, затрудняется словесно описать свой опыт или, наоборот, слишком вовлечен в устное общение. Символические слова являются одной из основ искусства и часто позволяют человеку более точно выразить свои переживания, увидеть ситуации и повседневные проблемы в новом свете и найти решения.

- Во многих случаях графическая деятельность может обходить «сознательную цензуру», предоставляя уникальную возможность изучить бессознательный процесс и выразить скрытые мысли и состояния, «подавленные» или ослабленные социальные роли и действия.

- Арт-терапия — это свободное средство самовыражения и самопознания. Это суть «проницательности» и атмосфера доверия, высокой терпимости и заботы о самом сокровенном.

- Продукт визуального творчества — объективное свидетельство настроения человека. Это дает возможность использовать его для ретроспективной и динамической оценки состояния путем проведения соответствующих исследований.

- Арт-терапия часто вызывает у людей положительные эмоции, помогает преодолеть апатию и безынициативность, формирует более активную жизненную позицию.

Можно выдвинуть гипотезу, что одновременное применение двух направлений арт-терапии, таких как изотерапия и музыкотерапия, будет более эффективным.

- Изотерапия с использованием рисунка или моделирования. Можно использовать индивидуально или в группах. Основная задача проекционного рисунка — идентифицировать ребенка в осознании им трудно вербализуемых проблем и переживаний.

Можно привлечь внимание, выбрав тематику рисунка. Выбирая тематику рисунков, можно добиться переключения внимания дошкольника, концентрации его на конкретных значимых проблемах. Это особенно эффективно при исправлении детских страхов. Некоторые авторы рассматривают проективное рисование как вспомогательный метод в групповой работе. Он может диагностировать и интерпретировать коммуникативные расстройства, эмоциональные проблемы и многое другое. Тематика рисунка выбрана таким образом, чтобы дать участнику возможность выразить свои чувства и мысли графически. Этот метод позволяет работать с

эмоциями, которые испытуемый по каким-то причинам не распознает.

Предметы, представленные для рисования, могут быть самыми разнообразными в отношении индивидуальных и групповых вопросов. В целом тематика картинки следующая:

1. Мое собственное прошлое и настоящее («Моя самая большая проблема», «Я чувствую тревогу в жизни», «Моя повседневная жизнь»).

2. Будущее или абстрактное понятие («Кем я хочу быть», «Три желания», «Остров счастья», «Страх»).

3. Групповые отношения («Что дала мне группа», «Чего я ожидал и что группа получила от меня»).

Для оформления рисунков используются следующие техники (классификация С. Кратохвила):

- Свободное рисование (рисуют что хотят). Рисунки делаются индивидуально, обсуждения ведутся в группах. Предметы определяются или выбираются членами группы. На рисование отводится 30 минут. После того как рисунок закончен, начинается его обсуждение. Сначала о картине рассказывает участник группы, потом художник. Обсуждаются несоответствия в трактовке рисунка.

- Коммуникационный рисунок. Группы делятся на пары, у каждой пары своя тема. Устное общение обычно исключается, оно происходит с помощью изображений, линий, цветов. В конце процесса рисования происходит обсуждение. При этом обсуждаются не художественные достоинства творческой работы, а мысли и эмоции, возникающие у участников по поводу процесса рисования отношений друг с другом.

- Совместное рисование. Несколько человек (или вся группа) спокойно рисуют на одной бумаге (например, группа, развитие, настроение, групповое настроение и т. д.). В конце рисования обсуждаются участие каждого члена группы, характер вклада и характер отношений с другими участниками процесса рисования.

- Дополнительное рисование. Картинка отправляется по кругу. Один начинает рисовать, другой что-то добавляет и т. д.

Работать с готовыми рисунками можно двумя способами:

1. Демонстрация всех рисунков одновременно, просмотр и сравнение, нахождение совместными усилиями общего и отличительного содержания.

2. Анализ каждого рисунка индивидуально (он переходит из рук в руки: участники говорят о психологическом содержании картинки).

Рисунки способствуют самопознанию, взаимопониманию и активации групповых процессов. При интерпретации рисунка важно обращать внимание на повторяющееся содержание, методы выражения, цвета, речь, композицию, размер и особенности. Рисунки часто отражают непосредственное восприятие человеком определенных ситуаций, различного опыта.

Основными этапами коррекционного процесса с использованием метода проективного рисования являются:

— Предварительный ориентировочный этап — исследование ребенком обстановки, изобразительных материалов, изучение лимитов и ограничений в их использовании.

— Выбор сюжета живописи, эмоциональное участие в процессе рисования.

— Поиск эквивалентного выражения.

— Развитие слов в направлении все более полного и глубокого самовыражения и воплощения.

— Разрешение конфликтов и травмирующих ситуаций символическим образом.

• Музыкальная терапия, при которой прослушивание музыки оказывает лечебный эффект.

Музыкальная терапия — это форма арт-терапии, при которой музыка используется в терапевтических или реабилитационных целях. В настоящее время музыкальная терапия — это целая область психиатрии (от медицины до психологии), основанная на двух аспектах воздействия. Это катарсический эффект музыки, который позволяет использовать ее в корректирующей работе с детьми.

В многочисленных исследованиях по музыкальной терапии (В. М. Бахтер, С. С. Корсаков, И. М. Догель, С. И. Консторум, Г. П. Шипулин, Б. В. Асафи, Л. М. Мадель, Л. С. Брусиловский, И. Р. Тарханов, Г. Н. Кехаушвили, А. Н. Борисов, Л. А. Батурина, И. В. Темкин, В. И. Петрушин, В. С. Шушарджан) отмечается следующий симптоматический, корректирующий эффект:

— Регуляция психических процессов, физиологических функций организма.

— Катарсис, регуляция психологического и эмоционального состояния.

— Повышение социальной активности, приобретение новых средств выражения эмоций.

— Усвоение новых позитивных установок и моделей поведения, коррекция коммуникативных функций.

— Возрождение творческого самовыражения.

Если говорить о музыкальной терапии с точки зрения ее воздействия на физическую, эмоциональную и ментальную сферы тела, то

музыка оказывает наибольшее влияние на эмоции человека, поскольку музыка — язык невербального общения.

К преимуществам музыкальной терапии относятся:

1. Абсолютная безопасность.

2. Удобство использования и простота.

3. Управляемость.

4. Уменьшение потребности в других стрессовых и трудоемких процедурах.

Специалисты различают пассивную и активную музыкальную терапию. В первом случае пациенту предлагают послушать разнообразную музыку, соответствующую психическому здоровью и условиям лечения. Те, кто контактировал с детьми с ограниченными возможностями, знают, как трудно найти к ним подход.

Естественность и доступность музыки — одна из причин столь быстрого развития музыкальной терапии в последние десятилетия. Преимущество музыкальной терапии для детей с ограниченными возможностями заключается в том, что она способствует укреплению доверия и взаимопонимания между участниками процесса. Это помогает ускорить процесс развития терапии, потому что внутренние переживания легче выражаются через музыку, чем через беседу.

Музыка используется как ресурс для повышения интереса к эмоциям и их понимания. Музыкальные способности увеличиваются косвенно, возникает чувство внутреннего контроля.

Чем раньше начнется лечение, тем выше вероятность успеха. Поэтому с 2-летнего возраста можно лечить и развивать детей с ограниченными возможностями с помощью музыкальной терапии. На втором году жизни круг мыслей о внешнем мире очень узок, плохо развита речь, зрительно-слуховое восприятие, у ребенка слабая нервная система, неправильная координация движений, неустойчивое внимание. Как правило, эти дети не умеют произносить звукоподражания, петь слоги и интонацию простейших мелодий, согласовывать движения с музыкой и подчинять свои действия различным внешним раздражителям, таким как зрение и слух. Однако у них есть одна особенность — подражание выражается как «музыкальное ритмическое движение», «песня».

Приведем список классической музыки, контролирующей психологическое и эмоциональное состояние детей с ограниченными возможностями:

— Снижение раздражительности, расстройств, усиление чувства принадлежности к пре-

красному природному миру — «Кантата № 2» Баха, «Лунная соната» Бетховена.

— Для общего комфорта — «Симфония № 6» Бетховена, часть 2, «Колыбельная» Брамса, «Аве Мария» Шуберта.

— Снижение высокого кровяного давления и снятие симптомов стресса — «Концерт ре минор для скрипки» Баха.

— Облегчение головной боли, связанной с эмоциональным стрессом, — «Дон Жуан» Моцарта, «Венгерская рапсодия № 1» Листа и «Маскарад» Хачатуряна.

— Повышение общего жизненного тонуса, улучшение здоровья, активности и настроения — «Симфония № 6» Чайковского, часть 3, увертюра «Эгмонт» Бетховена.

— Уменьшение злости, зависти к чужому успеху — «Итальянский концерт» Баха, «Симфония» Гайдна.

— Увеличение внимания — «Времена года» Чайковского, «Лунный свет» Дебюсси, «Симфония № 5» Мендельсона.

Таким образом, музыкальная терапия — это совокупность техник и методов, направленных на обогащение и развитие мировоззрения, расширяющих спектр переживаний и помогающих человеку быть здоровым и счастливым. Богатые эмоции и высокие мысли — главные составляющие этого вида психиатрии. При вовлечении детей в широкий спектр музыкальных и художественных переживаний через развитие мышления высокого уровня формируется богатая эмоциональная сфера ребенка.

Считаем наиболее эффективным одновременное применение рисования и музыкотерапии, что позволит улучшить эмоционально-личностное состояние дошкольника с заиканием в более короткие сроки, нежели при применении одной арт-терапевтической методики.

Литература

1. Лубовский В. И. Развитие словесной регуляции действий у детей (в норме и патологии) / В. И. Лубовский ; Науч.-исслед. ин-т дефектологии Акад. пед. наук СССР. — М. : Педагогика, 1978. — 224 с.
2. Арутюнян Л. З. Я больше не заикаюсь / Л. З. Арутюнян. — М., 2012.
3. Белякова Л. М. Логопедия. Заикание / Л. М. Белякова, Е. А. Дьякова. — М. : Академия, 2012.
4. Рау Е. Ю. Развитие мотивационной сферы заикающихся в процессе логопсихокоррекции / Е. Ю. Рау, В. П. Мерзлякова. — М., 2011.
5. Селиверстов В. И. Заикание у детей. Психокоррекционные и дидактические основы логопедического воздействия / В. И. Селиверстов. — М., 2001.
6. Сикорский И. А. Заикание / И. А. Сикорский. — М : АСТ : Астрель, 2008. — 190 с.
7. Шевцова Е. Е. Психолого-педагогическая диагностика и коррекция заикания / Е. Е. Шевцова. — М. : В. Секачев, 2009.
8. Филатова Ю. О. Логоритмика / Ю. О. Филатова, Н. Н. Гончарова, Е. В. Прокопенко // Развитие речи и движений у детей с заиканием : учебно-методическое пособие. — М. : НКЦ, 2011.
9. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании : учебник для студентов средних и высших пед. учебных заведений / Е. А. Медведева, И. Ю. Левченко, Л. Н. Комиссарова, Т. А. Добровольская. — М. : Изд. центр «Академия», 2001. — 248 с.
10. Арутюнян (Андропова) Л. З. Как лечить заикание: методика устойчивой нормализации речи / Л. З. Арутюнян (Андропова). — М. : Эребус, 1993. — 160 с.
11. Крупник Е. П. Психологическое воздействие искусства / Е. П. Крупник. — М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. — 240 с.
12. Лагузен Х. Способ излечения заикания / Х. Лагузен. — СПб., 1838.
13. "Self-Therapy for the stutterer" by Malcolm Fraser. Eleventh edition. SFA Publication No. 0015.
14. "The child who stutters: To the pediatrician" by Barry Guitar Ph.d. and Edward G. Conture, Ph.D. SFA / Publication No. 0023.
15. "Straight Talk for Teachers. A Handbook for Teachers and Speech-Language Pathologists" Publication No. 0125. Produced and written by Lisa Scott, Ph.D., The Florida State University, and Carroll Guitar, M.L.S., University of Vermont / SFA.
16. "Stuttering: its nature and management" by Courtney Stromsta, Ph.D. Published by SFA.

SIMULTANEOUS APPLICATION OF TWO ART THERAPEUTIC METHODS IN CORRECTION OF STUTTERING PRESCHOOLERS

Z. A. Kistoryan

MSMU Sechenov University (Moscow, Russia)

kistoryan@gmail.com

This article presents a study of the prospective effectiveness of the simultaneous use of two art therapy methods in the correction of stuttering. The relevance of the hypothesis at the socio-pedagogical level is related to the need to develop new management methods in preschoolers with stuttering to prepare them for schooling. At the scientific and theoretical level, the relevance of the hypothesis is determined by the insufficient study of the development of arbitrary regulations for the speech activity of preschoolers using art therapy techniques. Art therapy techniques with an integrated approach to correction can have a positive effect on the task of relieving psychological stress in preschoolers. The effect of complex verbal psychiatry on stuttering can be achieved by introducing art therapy techniques. The methodology is based on the following dialectical principles and laws. The law of development, the law of transition to the quality of quantitative measurement, that is, the provision of social inferiority as the ultimate goal of the educational point (Vygotsky L. S., 1982) and principle of changing the stereotypes of communicative behavior (Bodalev A. A.). In terms of the principle of fitness, stuttering is considered a false attempt to accommodate a person by measuring speech. Therefore, the adaptation of the system should eliminate the need for speech distortion. The Law of Acceleration moves to a qualitative quantitative change, it involves changing the personal and communicative characteristics of children and parents through the acquisition of practical knowledge through art therapy, thereby gaining emotional experience in the field of stuttering.

Key words: art-therapy, stuttering, speech pathology, music therapy, painting therapy, preschoolers.

References

1. Lubovskiy V. I. (1978) Razvitie slovesnoy regulyatsii deystviy u detey (v norme i patologii) [Development of word regulation of actions in children (in health and disease)]. Scientific Research Institute of Defectology of Academic Pedagogical sciences of USSR. Moscow: Pedagogika, 224 p.
2. Arutyunyan L. Z. (2012) Ya bolshe ne zaikayus [I do not stutter any more]. Moscow.
3. Belyakova L. M., Dyakova E. A. (2012) Logopediya. Zaikanie [Logopedia. Stutter]. Moscow: Akademiya.
4. Rau E. Ju., Merzlyakova V. P. (2011) Razvitie motivatsionnoy sfery zaikayushchikh v protsesse logopsikhokorreksii [Development of motivational area of stutter people during the logopsychocorrection]. Moscow.
5. Seliverstov V. I. (2011) Zaikanie u detey. Psihokorreksionnye i didakticheskie osnovy logopedicheskogo vozdeystviya [Children's stutter. Psychocorrectional and didactic fundamentals of logopedic effect]. Moscow.
6. Sikorskiy I. A. (2008) Zaikanie [Stutter]. Moscow: AST :Astrel, 190 p.
7. Shevcova E. E. (2009) Psikhologo-pedagogicheskaya diagnostika i korrektsiya zaikaniya [Psychological and pedagogical diagnosis and correction of stutter]. Moscow: V. Sekachev.
8. Filatova Yu. O., Goncharova N. N., Prokopenko E. V. (2011) Logoritmika. Razvitie rechi i dvizheniy u detey s zaikaniem [Logorhythmic. Speech and movement development in children with stutter]. Study guide. Moscow: NKTs.
9. Medvedeva E. A., Levchenko I. Yu., Komissarova L. N., Dobrovolskaya T. A. (2001) Artpedagogika i artterapiya v spetsialnom obrazovanii [Art pedagogy and art therapy in special education]. Study guide for students of secondary and higher pedagogical educational institutions. Moscow: Akademiya, 248 p.
10. Arutyunyan (Andronova) L. Z. (1993) Kak lechit zaikanie: Metodika ustoychivoy normalizatsii rechi [How to cure stutter. Methodology of stable normalization of speech]. Moscow: Erebus, 160 p.
11. Krupnik E. P. (1999) Psikhologicheskoe vozdeystvie iskusstva [Psychological influence of art]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 240 p.
12. Laguzen Kh. (1838) Sposob izlecheniya zaikaniya [Way to cure stutter]. St. Petersburg.
13. "Self-Therapy for the stutterer" by Malcolm Fraser. Eleventh edition. SFA Publication No. 0015.
14. "The child who stutters: To the pediatrician" by Barry Guitar Ph.d and Edward G. Conture, Ph.D. SFA/ Publication no. 0023.
15. "Straight Talk for Teachers. A Handbook for Teachers and Speech-Language Pathologists" Publication No. 0125. Produced and written by Lisa Scott, Ph.D., The Florida State University, and Carroll Guitar, M.L.S., University of Vermont / SFA.
16. "Stuttering: its nature and management" by Courtney Stromsta, Ph.D. Published by SFA.

Е. В. Кудряшова

Ульяновский институт
гражданской авиации
имени Б. П. Бугаева (УИ ГА)
(г. Ульяновск, Россия)
helezzya@gmail.com

НЕЙРОЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОДХОДА К РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены перспективы нейроэпистемологических исследований в изучении когнитивной и творческой деятельности. Междисциплинарный подход к проблеме творчества реализуется в нейроэпистемологии, которая может установить связь биологического и социального в человеческой деятельности. Основной операцией познания является конструирование реальности, доказательством этому служат два момента. Во-первых, многочисленные лингвистические исследования, философия языка и когнитивистика показывают глубокую связь языка и мышления, причем язык не отражает реальность, а составляет (конструирует) ее. Во-вторых, «единицей» знания является системное образование (идеология, общественная типизация, парадигмы, научно-исследовательские программы, эпистемы и пр.), которое проявляет себя в дискурсе. Эти системные образования называются также мемами, они контролируют формирование знаний человека. В статье рассмотрена специфика горизонтальной и вертикальной коммуникации между людьми и особенности трансляции мемов. Именно посредством мемов осуществляется вовлечение человека в социальный и культурный контекст. Однако особенности человеческого мозга создают условия не только усвоения социального контекста, но и его пере-конструирования. Творческий акт инициирует пере-конструирование знания или иную интерпретацию мема, поэтому творчество становится необходимым этапом становления, «роста» самого знания.

Ключевые слова: нейроэпистемология, когнитивистика, мем, нейропластичность, творчество.

Современный этап эпистемологических исследований характеризуется переходом от изучения частных вопросов к изучению общих. Дифференциация науки, к которой были склонны дисциплины еще в первой половине XX века, сменяется междисциплинарными исследованиями. Несомненно, важным является не только формирование междисциплинарных подходов (например, синергетического или системного), но и появление множества исследований узких, частных вопросов, которые проводятся в русле нескольких дисциплин.

Таким является в том числе исследование вопроса связи социокультурного контекста с человеком и выявление его творческих возможностей. С одной стороны, кажется банальной мысль о том, что социокультурный контекст в форме норм, ценностей, социального заказа или запроса, общих этических законов и, наконец, общей реальности общественного взаимодействия оказывает влияние на человека. С другой стороны, оказывается сложным решить вопрос о механизме этой связи между социумом и чело-

веком. С третьей стороны, существует довольно много исследований, посвященных творчеству, отличию талантливости и гениальности, разобраны вопросы научного творчества и творчества, как это понимается в сфере искусства, однако нет общего подхода к тому, как реализуется новый творческий шаг в контексте.

Многие из этих вопросов могут быть решены в нейроэпистемологии как изучении познания в связи с нейроисследованиями мозга человека. На стыке медицинских экспериментов, психологических, лингвистических и философских теорий формируются широкие перспективы не только понимания человекомерных механизмов познания, но и открытия феномена «творческого шага», который предопределяет отход конкретного человека от когнитивного целого.

Нейроисследования в форме медицинских экспериментов являются фактически неоспоримыми эмпирическими фактами. Методология исследования мозга состоит в определении функционала мозговых механизмов. Экспериментированию и тестированию подлежат люди, мозг

которых по тем или иным причинам был поврежден. В зависимости от того, что именно могут эти люди, а в большем проценте случаев — чего они не могут, делается вывод о тех или иных способностях мозга в отношении здоровых людей. Получение сведений о «нормальном» (в смысле Т. Куна) состоянии мозга открывает возможности не только медицине, но и гуманитарным дисциплинам, которые имеют отношение к эпистемологической проблематике. Однако эмпирические факты нейроисследований нуждаются в интерпретации и аккумуляции теорий познания.

Дело в том, что мозг не просто «отражает» или «отображает» реальность и является инструментарием сложного перевода объективной реальности в субъективное знание, не просто накладывает отпечаток, но и создает саму реальность такой, какой ее знает человек. Попытка увидеть механизм «отражения» выступает фактически констатацией факта «отражения», который подтверждается практикой. Основной операцией познавательной деятельности является конструирование, в котором присутствует влияние объективной реальности на человека, но в большей степени речь идет о создании (конструировании) реальности как таковой. Чтобы последнее утверждение было аргументированным и обоснованным, приведем несколько моментов.

МОМЕНТ 1: ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Знание является общей категорией, фиксирующей результат познавательной активности. Это самое общее определение сталкивается с интерпретацией самого понятия знания и того, какие именно действия можно рассматривать как познавательную активность. Крайними полюсами интерпретации знания являются, с одной стороны, убеждение, что результат познания «отражает» объективные закономерности реальности, с другой стороны, определение социологов знания, связывающих последнее с любыми идеями, которые получает или использует человек. В отношении ненаблюдаемых явлений, которые составляют уже большую часть всякого знания, разворачивается эпистемологическая дискуссия современности.

Более конкретные ответы способны дать нейроисследования. Нет сомнения, что все (или, по крайней мере, большая часть того), что знает человек, актуализировано в языке. При этом язык следует рассматривать как систему знаков, обладающих определенными значениями, отличными от этих знаков. Язык обладает систем-

ными признаками, где имеют значение как собственно знаки, так и их сочетание, последовательность.

Лингвистические исследования шли исторически в нескольких направлениях. Существует наследие так называемой структурной лингвистики, которая изучает формальное строение и организацию языка с точки зрения входящих в язык компонентов и возможности выражать знание. Еще больший характер стационарности носят исследования языка в рамках аналитической философии. Последняя исходит из того, что анализ языковой системы способен показать любой объект (эпистемологический, онтологический, религиозный, политический и т. д.) в его сущностной структуре. Отечественное языкознание делает упор на исторической эволюции языка и связи речи с практической деятельностью. Однако во всех традициях язык является универсальным средством хранения и передачи знания, т. е., иными словами, функционал языка один и тот же.

Способность языка формировать целостную картину реальности осмыслена еще в 1930-х годах американскими философами Э. Сепиром и Б. Уорфом. Они сформулировали концепцию лингвистической относительности, согласно которой «сходные физические явления позволяют создать сходную картину Вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковой системы» [10, с. 210]. Идеи антропологов оказали значительное влияние не только на развитие языкознания, но и на становление эпистемологической проблематики в русле лингвистической картины мира. Однако анализ естественного языка и его эпистемологического значения только открывает дальнейшие исследования.

В отечественной традиции осмыслена проблема связи языка и общественно-исторической практики. А. С. Лурия определяет значение языка в перспективе перехода от чувственного уровня познания к рациональному в условиях трудовой деятельности (см.: [7, с. 416]). Л. С. Выготский считал важной функцию обобщения опыта в «слове». Речевое мышление, по его мнению, представляет собой «не природную, натуральную форму поведения, а форму общественно-историческую» [7, с. 108]. Он был уверен в зависимости развития мышления от социокультурного опыта.

Когнитивная наука рассматривает категоризацию и концептуализацию мира как важнейшие функции языка. Слово становится единицей хранения всякого значения и возможной

связи с другими значениями. Е. С. Кубрякова на основе отечественного языкознания и когнитивной науки формулирует «когнитивно-дискурсивную» парадигму языка и предполагает, что следует говорить не только и не столько о концептуальном содержании, но и об исторической и социальной обусловленности формирования и переформирования языка (см.: [6]). Все эти исследования сходятся в том, что мышление не просто актуализирует себя в языке, оно являет языковую комбинацию по определенным правилам.

МОМЕНТ 2: ЯЗЫК И ЗНАНИЕ

В определенном смысле всякое знание можно понимать как систему знаков и правил их выведения. В этом случае для эпистемологии язык становится знанием социальной реальности, одновременно универсальным способом актуализации определенного вида знания (научного, религиозного, этического) и языком образов, которые составляют эстетические дефиниции предметов искусства. В этом русле анализ естественного языка становится только точкой опоры для исследования различных типов знания.

Знание, так же как и язык, можно рассматривать как систему. Методология системного подхода требует выделения «единицы», «элемента» знания и структуры их соединения. Современная философия довольно много говорит об этих единицах в отношении отдельных видов знания.

Так, в частности, в отношении знания социальной реальности философы-марксисты считали единицей, контролирующей «производство» всех теорий, идеологию. В первоначальном смысле идеологией называется наука о любых идеях (Д. де Тарси), однако в марксистском прочтении идеология становится «ложным сознанием», которое выступает инструментом классового давления в обществе. Постмарксистская социология знания, значительно отстоящая от первоначальных идей К. Маркса, усматривает влияние сциентистской эпистемологии как форму идеологического принуждения ученых (К. Мангейм, М. Малкей, П. Бурдьё). Идеология становится не просто последовательностью идей, но и необходимой частью властного «капитала», позволяющего контролировать «производство» новых идей в обществе, экономике, политике, науке и культуре.

Иным образом подходят к единицам знания социальной реальности последователи феноменологической стратегии познания. Так, погру-

жая знание социальной реальности в повседневность, П. Бергер и Т. Лукман ведут речь о «типизациях» повседневного опыта. «Типизации» закрепляются посредством языка, который «имеет качество объективности», т. е. для человека язык выступает универсальной картиной социального мира и позволяет в нем ориентироваться. Поэтому, заключают авторы, язык оказывает «принудительное влияние» на человека и подчиняет его посредством языковых структур (см.: [2, с. 67]).

Философы-позитивисты в отношении научного знания широко использовали понятия, научные факты, проблемы, гипотезы, теории, методы, идеи. Постпозитивизм предложил понимать их совокупности как парадигмы и научно-исследовательские программы. Мыслители этого направления усматривали внутреннюю связь слов в знаниевой единице научного знания, в роли которой выступает не отдельная научная идея, а сложноорганизованная их совокупность.

В середине 1960-х гг. М. Фуко ввел понятие «эпистемы» как исторически меняющейся системы связи «слов» и «вещей», устанавливающей «порядок, на основе которого мы мыслим» (см.: [11, с. 35]). В истории становления западной интеллектуальной культуры автор усматривает три последовательно сменяющих друг друга эпистемы. То же значение получает понятие «текста» во французском постструктурализме.

Понятия идеологии, различных элементов научного знания, концепты вроде типизации, эпистемы, дискурса, текста и пр. шире, чем «слово» естественного языка, нагруженного социально значимым значением. Такие понятия способны объяснить социальный контроль формирования новых идей. Открытым остается вопрос о механизме влияния этих концептов на сознание конкретного человека.

Еще в середине 1970-х годов Р. Докинз предложил понятие «мема» как носителя опыта культуры. Примерами мемов в представлении автора могут служить «мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок» [5]. Мем не эквивалентен слову, а является более сложной системой знаков, он может быть выражен в книге или в методологии конкретной деятельности, в радиопередаче, в рекламе или в газетах. Мемы, согласно автору, можно сравнить с паразитами, которые поражают генетические клетки.

Подобно генам, которые переходят от человека к человеку в процессе размножения, мемы распространяются от сознания к сознанию путем «имитации деятельности». Причем следу-

ет заметить, что коммуникация (в данном случае понятая самым широким образом) может быть горизонтальной, вертикальной или актуализироваться в актах рефлексии посредством автокоммуникации.

В случае горизонтальной коммуникации происходит передача сведений от *человека 1* к *человеку 2*. Причем *человек 1* может актуализировать мем любого сообщества, субкультуры или страты общества. Сам Р. Докинз приводит в пример научное сообщество. Когда некоторая научная идея оказывается эффективной в решении проблемы, путем распространения ее среди коллег и обучения студентов она становится мемом (см.: [5]).

В вертикальной коммуникации мы имеем дело с исторической передачей знания от учителя к ученикам. При этом важно понимать, что в роли учителя может выступать как отдельный человек в своей пространственно-временной определенности, так и быть учителем посредством своей работы, книги или научного открытия. Автокоммуникация реализуется в самовопрошании и рефлексивном отношении к тому или иному мему. В актах такой рефлексии могут появиться кажущиеся незначительными изменения мема.

Понятие мема оказывается удобным для понимания движения значения и эволюции содержания понятия. Подобно тому как генотип, определяя морфологию тела человека, незначительно меняется при появлении нового человека, мем как единица социального опыта делает единообразной культуру и одновременно меняет ее. В качестве примера такого мема Р. Докинз рассматривает становление идеи Бога в человеческом сообществе и его эффективность в отборе. Устойчивость идеи Бога свидетельствует о наличии мема, а различие в значениях этой идеи, ее деформация и поэтапное изменение говорят о становлении и изменении культурного кода.

Функциональное назначение мема — репликация, копирование культурного опыта. Мем способен определить конфигурацию общества и механизм ее передачи другим поколениям с учетом изменений, именно поэтому он похож, хотя и не идентичен, гену.

МОМЕНТ 3: ЯЗЫК И МОЗГ

Онтологический статус сознания является существенной философской проблемой современной философии. Существует позиция, которая утверждает, что философская проблема сознания является краеугольной для всей со-

временной философии и исследования мозга (см., например: [9]). Однако онтологический статус сознания и характер его связи с мозгом остаются неопределенными. Об этом говорит разнообразие концепций сознания в современной философии, представители которых так и не могут найти «универсального дискурса» (в смысле Ю. Хабермаса), чтобы говорить об этой проблеме. Не нивелируя значение этой проблемы для современного знания, о некоторых моментах работы мозга с языком можно говорить определенно. При этом можно отталкиваться от рабочего определения нейрофизиологов, в котором сознание — это сфера языкового осознания умственной или физической деятельности (см., например: [3, с. 175]).

Известно, что все разнообразие умственной деятельности осуществляется мозгом. К такой деятельности относятся обучение, письмо, чтение, анализ, решение, вычисление, синтез и пр. Кроме того, мозг может формировать «ложное знание» и заблуждение, организует систему игнорирования, воображения и сновидения. Большая часть этих операций осуществляется посредством языковой способности, которая является для человека врожденной. По словам Е. С. Кубряковой, «акты семиозиса и номинативные акты предполагают предсуществование им определенной когнитивной инфраструктуры мозга с языковой способностью как ее главной составляющей» [6, с. 306]. Языковая способность мозга, таким образом, является одновременно когнитивной способностью человека.

Все языковые операции осуществляются корой головного мозга, которая распределена по полушариям — левому и правому. Клинические исследования поведенческих и умственных способностей людей, которые в силу хирургического вмешательства или аварии потеряли одно из полушарий или полушария оказались разъединены, показывают основные закономерности распределения функций в полушариях:

— языковая способность локализуется в левом полушарии;

— зрительно-пространственное восприятие локализуется в правом полушарии.

Однако убеждение в том, что праворукие имеют языковую локализацию исключительно в левом полушарии, а левши — в правом, не совсем верно. Ф. Блум и его коллеги показывают, что у 95 % всех праворуких людей язык и производство речи локализовано в левом полушарии, а у остальных 5 % — в правом. Еще большая путаница возникает по отношению к леворуким людям. Около 70 % левшей имеют

речевые зоны в левом полушарии, у 15 % функции распределены в левом и правом полушариях, и только у 15 % языковая деятельность контролируется исключительно правым полушарием [3, с. 179]. Это показывает, что поведенческие привычки людей не всегда когерентны мозговой локализации.

В самом общем смысле различие левого и правого полушарий лежит в способах познания. Если левое полушарие склонно к аналитической операции расчленения, то правое полушарие — к «холистическому» восприятию объектов. Производство речи и формирование языковой функции передачи социально значимой информации эквивалентны операции анализа, которая подразумевает разложение. Именно поэтому она более локализована в левом полушарии. Восприятие объекта как целостности подразумевает не операцию синтеза, которая происходит после анализа, а непосредственное понимание образа. Вследствие этого правое полушарие «понимает» искусство, и прежде всего музыку.

Единство активности полушарий — в познании, в том числе языковой аналитической способности и зрительно-пространственного восприятия, — позволяет говорить не только о том, что человек созерцает и понимает реальность, которая его окружает, несколькими способами, не только о единстве чувственного и рационального в познании, но и расширяет представление о языке как таковом. В большинстве лингвистических исследований языком считается система знаков, которая «расчленяет» мир. Участие правого полушария и его необходимость в актуализации языковой способности позволяет говорить о языке в перспективе «целостного» восприятия реальности.

В пользу этой позиции говорит несколько фактов.

Во-первых, в европейской традиции написание языковых выражений связано с использованием буквенного алфавита. Но существуют языки, в которых запись слова актуализируется символом — иероглифом. Если буквенный алфавит воспринимается как речь и поэтому усваивается левым полушарием, то иероглиф (как «картинка») относится к зрительно-пространственному восприятию, за которое отвечает правое полушарие мозга. Именно поэтому люди, которые выражаются в письменной речи буквенным алфавитом, страдают дислексией¹ при утрате функции левого полушария. В случае,

например, японского языка, где широко используются иероглифы, при потере функции левого полушария люди намного реже страдают дислексией. Ф. Блум, А. Лайзерсон и Л. Хофстедтер ссылаются на статистику, которая показывает, что «среди населения стран Запада встречается от 1 до 3 % дислексиков, в Японии же их число в 10 раз меньше» [3, с. 182].

Во-вторых, участие правого полушария мозга в языковой деятельности сознания, а следовательно, и в мышлении как таковом, — довольно сложная и неоднозначная процедура. Нейронаука уверенно говорит о том, что даже если правое полушарие «немо» в программировании и производстве речи, то участвует в ее восприятии.

Не менее серьезный повод осмысления нейроэпистемологической проблематики дает такое свойство человеческого мозга, как нейропластичность. Это способность адаптироваться к новым внешним условиям жизни и мозговой деятельности, она определяет перераспределение речевой локализации в мозге. В отношении маленьких детей, мозг которых более пластичен, локализация речи может формироваться в правом полушарии в случае потери левого².

В-третьих, в пользу анализа языка в перспективе восприятия «целостной» реальности говорит еще один факт. Элементарная схема анализа языковых выражений предусматривает выделение не только знака и значения, но и вычленение смысла. Категория смысла определяет способ употребления значения и задает контекст. Кроме системы языковых выражений, которые имеют более или менее точную локализацию, человек понимает смысл, иными словами, контекст произнесения слова, происходящего события или «положения дел» (как говорят аналитики).

О способности понимать контекст сообщения писал еще А. С. Лурия. Он был уверен, что условием формирования значения является «влияние смыслов»: каждая фраза существует не изолированно, а вливается в последующую и текст в целом. Умение выделять «смысловые ядра» или основные идеи текста — необходи-

¹ Дислексией называют неврологическое нарушение способности к овладению навыками чтения или письма.

² Поскольку нейропластичность имеет тенденцию к затуханию, нейроисследования показывают, что локализация речи в правом полушарии возможна только у маленьких детей. В случае потери функций левого полушария во взрослом возрасте происходит перераспределение функций полушарий, однако не приводит к локализации речи в правом полушарии, в подавляющем большинстве случаев наблюдается потеря речевых функций.

мое условие понимания любого рассказа. Легкость выделения вероятностных связей, быстрое сопоставление понятных частей подчинено общему смыслу, который необходимо раскрыть в сообщении (см.: [7, с. 302—312]). Язык — это не просто последовательность знаков и правила выведения их друг из друга, знаки получают свое значение только в условиях речи.

Единство полушарий мозга и их обоюдное участие в восприятии и производстве речи показывают, что не только сам язык является системой, он представляет собой часть более сложной системы человекомерного отношения к реальности. Познание посредством языка следует понимать не только как соизмерение субъективного опыта и принятой intersубъективной маркировки словом, но и как приспособление мозга к определенному зрительно-пространственному восприятию с учетом аналитической привычки.

Перечисленные моменты позволяют говорить о том, что языковая система, включающая не только категоризацию мира, но и определяющая зрительно-пространственное восприятие, способна конструировать реальность. Несомненно, некоторая связь с реальностью реализуется, однако качество этой связи имеет не прямой характер.

В указанной перспективе (когда всякое знание является сложным, исторически сложившимся мемом, появившимся в результате конструирования реальности и выраженным в языке) следует рассматривать и творческий процесс. Сравнивая «нормальную» и «аномальную» деятельность мозга, следует учитывать, что конструирование и переконструирование реализуются постоянно.

У творческого акта есть внешние причины и (если так можно выразиться) нейропричины. К первым — внешним причинам относится всё разнообразие экстернатальных условий, которые обнаруживают неполноценность знания, его недостаточность или противоречивость. Творческий акт компенсирует неполноценность и инициирует переконструирование знания или иную интерпретацию мема. В этом отношении творчество становится необходимым этапом становления, «роста» самого знания.

История становления знания, в том числе научного, показывает, что его качественное определение как соответствующего реальности слишком стационарно. В действительности знание, по меткому выражению Дж. Агасси, находится «в движении». К. Поппер, анализируя научное знание, более всего отвечающее крите-

рию объективности, писал: «Старый научный идеал episteme — абсолютно достоверного, демонстративного знания — оказался идиолом. Требование научной объективности делает неизбежным тот факт, что каждое научное высказывание должно всегда оставаться временным» [8, с. 229]. Его принцип фаллибилизма показывает, что всякое знание содержит ошибки и потому исправление недостатков с необходимостью ведет к изменению. В иных категориях конструкция знания обязательно подлежит переконструированию в силу своей недостаточности. Косвенным образом об этом говорит желание многих эпистемологов современности иначе понимать истинность знания или даже поменять ее на качество достоверности, правильности или демонстративности.

Нейропричины определяют необходимость изменения знания с точки зрения мозговых механизмов. В этой перспективе конструирование и переконструирование знания, реализующиеся посредством нейропластичности мозга, подобно другим умственным операциям, могут пониматься в качестве необходимых процессов сознания. Н. М. Сланевская предлагает различать три подхода к нейропричинам творчества (см.: [9, с. 398]). Один из подходов рассматривает творчество (в любой сфере) необходимым средством поддержания работы мозга в нормальном режиме, что позволяет мозгу развиваться. Согласно этой точке зрения, правильное функционирование мозга предполагает решение задач путем изменения известных решений, что и является творческим актом.

Другой подход показывает эффективность творчества в решении клинических проблем лечения или реабилитации больных. Изменение ментального состояния больного, видимо, влечет не только переконструирование знания, но и за счет нейропластичности позволяет мозгу иначе функционировать, самолечиться.

Третий подход рассматривает творчество как источник положительного эмоционального заряда. В том или ином случае творчество становится частью продуктивной активности мозга по созданию новых решений.

Следует подчеркнуть, что творчество не представляет собой что-то неожиданное, полностью отличное от всего существующего прежде. Творчество является новаторским шагом внутри определенных, известных человеку правил, существующих (во всяком случае, для него) априорно. По словам Э. Бахраха, «наиболее успешные творческие идеи человечества представляют собой новое сочетание давно извест-

ных вещей» [1, с. 30]. В его представлениях такие творческие решения определяют развитие мозга и личности человека.

Творчество — это творческий способ пере-конструирования априорно известной человеку реальности. Оно осуществляется посредством языка и меняет мем. Великий немецкий философ прошлого века Л. Витгенштейн сравнил

применение языка с игрой в шахматы, где всегда есть правила и всегда возможны новаторские решения.

Творческий подход заложен в языке как универсальной когнитивной системе, он определяет человеческое отношение к реальности и постоянное изменение знания, подобно игре в шахматы.

Литература

1. Бахрах Э. Гибкий ум. Как видеть вещи иначе и думать нестандартно / Э. Бахрах ; пер. с исп. Е. Куприяновой. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 240 с.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Руткевич. — М. : Academia – Центр, Медиум, 1995. — 323 с.
3. Блум Ф. Мозг, разум и поведение / Ф. Блум, А. Лайзерсон, Л. Хофстедтер ; пер. с англ. Е. З. Годиной. — М. : Мир, 1988. — 248 с.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. — Изд. 5-е, испр. — М. : Лабиринт, 1999. — 352 с.
5. Докинз Р. Эгоистический ген / Р. Докинз. — URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/UKR/courses/asp/asp-lit/Dokinz-1986.pdf> (дата обращения: 19.09.2019).
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
7. Лурия А. С. Язык и сознание / А. С. Лурия ; под ред. Е. Д. Хомской. — Ростов н/Д. : Феникс, 1998. — 416 с.
8. Поппер К. Логика и рост научного знания / К. Поппер ; сост., ред. В. Н. Садовского ; пер. с англ. Л. В. Блишников, В. Н. Брюшикин, Э. Л. Наппельбаум, А. Л. Никифоров. — М., 1983. — 605 с.
9. Сланевская Н. М. Мозг, мышление и общество. Часть II (мозг, нейроморальность человека, социальные нейронауки, мышление и общественное устройство) / Н. М. Сланевская. — СПб. : ООО Центр Междисциплинарной Нейронауки, 2012. — 398 с.
10. Уорф Б. Наука и языкознание / Б. Уорф // Языки как образ мира / сост. К. Королева. — М. : ООО «Издательство АСТ» ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. — С. 202—219.
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. — СПб. : А-сэд: АОЗТ «Талисман», 1994. — 405 с.

NEUROEPISTEMOLOGICAL DEFINITION OF THE CREATIVE APPROACH TO REALITY

E. V. Kudryashova

The Ulyanovsk Civil Aviation Institute (Ulyanovsk, Russia)

helezzya@gmail.com

The paper examines the outlooks of the neuroepistemological research in cognition and creative activity study. Interdisciplinary approach to the creative work problem is implemented in neuroepistemology, which can connect the biological characteristic of the human activities with the social ones. The main act of cognition is the construction of reality and the proofs of it are the following points. Firstly, many linguistic researches, philosophy of language and cognitive sciences show that there is the connection between language and thinking, whereby the language doesn't reflect reality, but constructs it. Secondly, knowledge unit is the systemic constitution (for example, ideology, social typing, paradigms, research programs, episteme), which is represented in the discourse. Such systemic things are also called "the memes", which control forming the knowledge of an individual. The paper examines the specificity of the horizontal and the vertical communication and the meme's translation features. Human involving in social and cultural context is realized by the memes. The human brain features create the conditions not only for mastering the reality, but for the over-construction. The creative act initiates the over-construction of knowledge and another interpretation of reality. Therefore, creative work becomes the necessary stage of knowledge forming, development and increase.

Key words: neuroepistemology, cognitive science, meme, neuroplasticity, creative work.

References

1. Bakhrakh E. H. (2017) Gibkiy um. Kak videt veshchi inache i dumat nestandartno [Versatile mind. How to see the things differently and stimulate mind]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 240 p.
2. Berger P., Lukman T. (1995) Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality. Tractate on sociology of knowledge]. Moscow: Akademiya – Tsentri, Medium, 323 p.
3. Blum F., Leizerson A., Khofstedter L. (1988) Mozg, razum i povedenie [Brain, Mind, and Behavior]. Moscow: Mir, 248 p.
4. Vygotskiy L. S. (1999) Myshlenie i rech [Thinking and speech. 5th ed.]. Moscow: Labirint, 352 p.
5. Dokinz R. Ehgoisticheskiy gen [The Selfish Gene]. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/UKR/courses/asp/asp-lit/Dokinz-1986.pdf> (access date: 19.09.2019).
6. Kubryakova E. S. (2004) Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: on the way to get language knowledge: parts of speech from the perspective of cognition. The role of language in the world cognition]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 560 p.
7. Luriya A. S. (1998) Yazyk i soznanie [Language and consciousness]. Rostov-on-Don: Feniks, 416 p.
8. Popper K., Sadovskiy V. N. (1983) Logika i rost nauchnogo znaniya [Logic and the development of science language]. Moscow, 605 p.
9. Slanetskaya N. M. (2012) Mozg, myshlenie i obshchestvo. Chast II (mozg, neiromoralnost cheloveka, sotsialnye neironauki, myshlenie i obshchestvennoye ustroystvo) [Brain, mind and society. Part II (brain, neuromorality of a person, social neurosciences, thinking and social order)]. St.-Petersburg, OOO Tsentri Mezhdistsiplinarnoi Neironauki, 398 p.
10. Uorf B., Koroleva K. (2003) Nauka i yazykoznanie. Yazyki kak obraz mira [Science and Linguistics. Languages as the world image]. Moscow: OOO "Izdatelstvo AST", St. Petersburg: Terra Fantastica, p. 202–219.
11. Fuko M. (1994) Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things. Archeology of humanities]. St.-Petersburg: A-cad: AOZT "Talisman", 405 p.

Д. В. Мажанова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
dashatroyan99@gmail.com

И. В. Михайлова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
44kd11@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА ШКОЛЬНИКОВ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К ОГЭ И ЕГЭ

В статье рассматриваются различные теоретические подходы суицидального поведения преимущественно в подростковом возрасте, отмечаются особенности и факторы, влияющие на его возникновение, среди которых упоминается и подготовка к экзаменам. Также представлены результаты исследования суицидальных тенденций у учащихся 8—11 классов и сравнительный анализ полученных данных у учащихся, сдающих (9, 11 классы) и не сдающих (8, 10 классы) экзамены, с целью выявления возможных различий. Несмотря на то, что полученные результаты не подтвердили гипотезу о повышении суицидального риска, были обозначены некоторые аутодеструктивные тенденции, что указывает на необходимость проведения мероприятий по снижению и профилактике суицидального поведения.

Ключевые слова: суицид, суицидальный риск, девиантное поведение, единый государственный экзамен (ЕГЭ), основной государственный экзамен (ОГЭ), государственная итоговая аттестация (ГИА), профилактика суицидального поведения.

Несмотря на множество имеющихся теоретических подходов и исследований, специализирующихся на суицидальном поведении, проблема подросткового суицида является актуальной и в настоящее время. Было также выявлено множество факторов возникновения и развития суицидального риска, среди которых в последнее время все чаще выделяют и период сдачи экзаменов и подготовки к ним.

В России освоение образовательных программ основного общего образования завершается обязательной государственной итоговой аттестацией (ГИА), которая проходит в двух формах: основной государственный экзамен (ОГЭ) для учащихся 9 класса и единый государственный экзамен (ЕГЭ) для учащихся 11 класса. Обе формы практически каждый год подвергаются различным нововведениям: начиная от содержания контрольно-измерительных материалов и заканчивая контролем, который начинает

осуществляться над школьниками с момента их вхождения в пункт проведения экзамена. К сожалению, не все эти изменения проходят бесследно и воспринимаются сдающими положительно.

Успешная сдача экзаменов подразумевает 100 % усвоение учебного материала за весь период обучения и усиленную подготовку к ним, желательно с посещением дополнительных образовательных курсов и репетиторов. Кроме того, многие учителя и даже сами родители выпускников в попытке замотивировать начинают запугивать школьников, используя в своих монологах такие выражения, как «вы ничего не сдадите» или «вы никуда не поступите», что на практике дает обратный эффект, оказывая на подростков скорее негативное влияние. Отдельно стоит упомянуть и тех товарищей, которые уже прошли через эти испытания и теперь активно делятся своим опытом, в подробностях

рассказывая о том, с чем им пришлось столкнуться. В совокупности все это приводит к дополнительному источнику стресса, с которым вынужден бороться подросток на фоне переживаемых им возрастных изменений (физиологическое созревание, эмоциональная нестабильность и резкая переменчивость настроения, качественная трансформация психики и т. д.).

Итак, впервые термин «суицид» был использован в работе британского медика Томаса Брауна "Religio medici" («Религия врача») (1642) и был образован из двух латинских слов: "sui" (себя) и "caedere" (убивать), что при слиянии дословно обозначает «самоубийство» [4]. Позже эта тема продолжила свое существование прежде всего в работах многих психоаналитиков (З. Фрейд, А. Адлер, К. Хорни и др.), затем распространилась и на других исследователей (Э. Шнейдман, А. Буковчик, К. Меннингер и др.), в том числе отечественных (А. Г. Амбрумова, В. А. Тихоненко, А. Е. Личко, С. В. Бородин, Е. Г. Банщикова и др.). И, по мнению многих авторов, суицидальное поведение включает в себя не только завершённое самоубийство, но и суицидальные попытки и намерения [5, 9].

В качестве особенностей подросткового суицида А. Г. Амбрумова выделяла невозможность адекватной оценки подростком итогов и результатов своего поступка, незначительность причин совершения суицида, а также наличие взаимосвязи суицидального поведения с девиантным [7].

По мнению А. Е. Личко, суицидальное поведение в данном возрасте бывает демонстративным (с целью шантажа, например), аффективным и истинным [1].

Грачева А. В. и А. А. Бажинова считают, что подростковый суицид происходит вследствие недостатка жизненного опыта, из-за чего подросток не в состоянии определить цель своей жизни, без которой его существование кажется ему бессмысленным. Авторы также отмечают, что причиной суицида могут быть несколько мотивов, которые, накапливаясь, приводят подростка к такому непростоу решению [3].

Безусловно, причины возникновения и развития суицидального поведения индивидуальны. Среди наиболее частых указывают неблагоприятный климат в семье и недостаток родительского внимания, любовные конфликты, конфликты со сверстниками и одноклассниками, средства массовой информации и Интернет, озабоченность недостатками собственной внешности, одиночество [6, 7]. В последние годы в

перечень этих факторов все чаще включают и учебную деятельность, в особенности сдачу выпускных экзаменов, результаты которых играют важную роль при поступлении в последующее учебное заведение [6].

Таким образом, теоретический анализ по данному направлению показал, что суицидальное поведение в подростковом возрасте имеет множество особенностей и факторов возникновения, среди которых начинают чаще упоминать пред- и экзаменационный периоды.

Наше исследование направлено на изучение суицидального риска у школьников в пред-экзаменационный период и сравнение показателей у учащихся, которые сдают и которые не сдают экзамены, с целью выявления возможных различий.

Психодиагностика испытуемых проводилась в марте 2021 года на базе МБОУ Многопрофильный лицей г. Дмитровграда. В качестве тестируемых были выбраны учащиеся с 8 по 11 класс (14—18 лет, средний возраст — 16 лет) в количестве 120 человек (60 девочек, 60 мальчиков). Выборка также была разделена на две большие группы: сдающие (9, 11 классы) и не сдающие (8, 10 классы) экзамены.

В качестве психодиагностического метода была использована методика «Опросник суицидального риска (ОСР)» А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой (1933) [2]. Целью данного опросника является диагностика суицидального риска и выявление уровня сформированности суицидальных намерений. В качестве метода математической статистической обработки мы использовали методы описательной статистики и U-критерий Манна-Уитни.

Полученные результаты по методике графически представлены на рисунке 1.

Анализ данных показал следующее.

- По шкале «Демонстративность» большинство испытуемых с высоким уровнем учатся в 8 классе, что свидетельствует об их стремлении привлечь внимание окружающих к себе и своим несчастьям, добиться от них сочувствия и понимания.

- По шкале «Аффективность» наиболее высокие результаты встречаются чаще также у учащихся 8-го, а затем и 9-го классов. У учеников более старших классов, напротив, преобладают низкие показатели. Это говорит о том, что ученики 8—9 классов при оценке ситуации руководствуются эмоциями, в то время как у учащихся 10—11 классов доминирует интеллект.

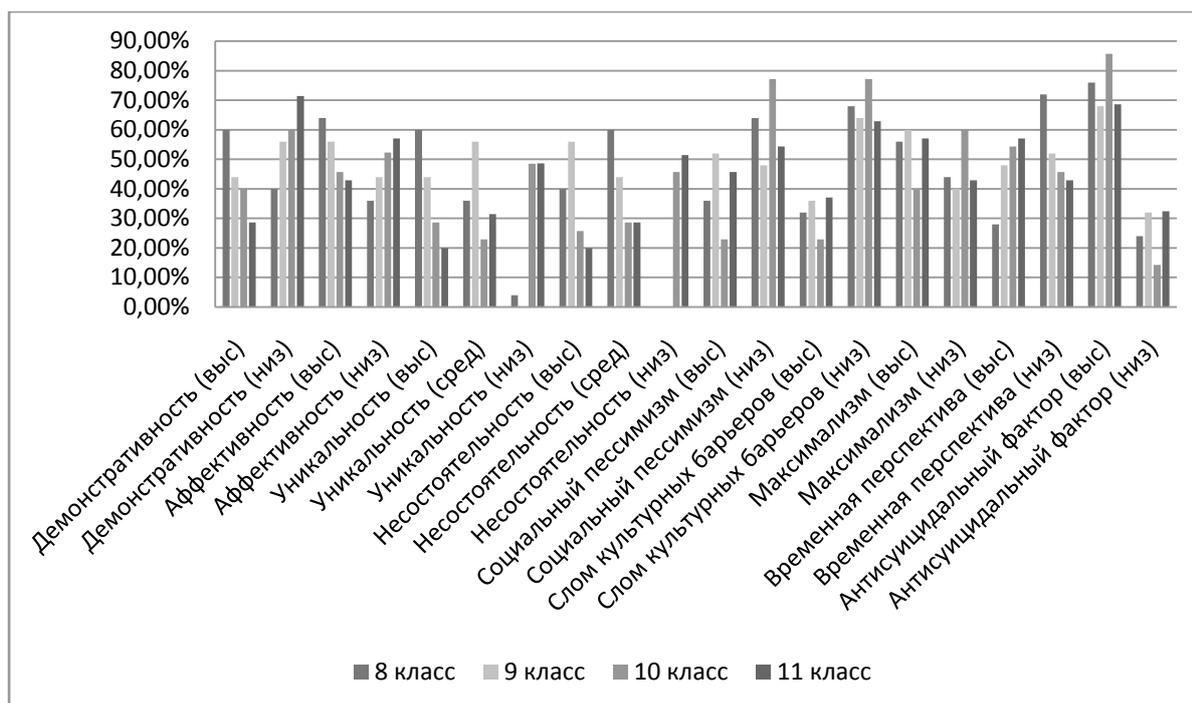

Рис. 1. Распределение данных по методике «Опросник суицидального риска (ОСР)» А. Н. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой

- Вера в уникальность своих переживаний по одноименной шкале ярко выражена у учащихся 8 класса, в отличие от учащихся 9 класса, которые адекватно расценивают себя с этой точки зрения. Низкий уровень уникальности в равной степени наблюдается у учащихся 10—11 классов, что может объясняться их отношениями с семьей или сверстниками.

- Высокий уровень несостоятельности преобладает у учащихся 9 класса, что указывает на их неспособность решать жизненные задачи. На этот показатель могут влиять, например, отношения с учителями и родителями. Так, учащиеся часто могут слышать от своих учителей о том, что они ничего не сдадут и в итоге никуда не поступят, а также не получать от родителей необходимой поддержки. Средний уровень по этой же шкале преобладает у респондентов 8 класса, а низкий — у учащихся 10—11 классов.

- По шкале «Социальный пессимизм» высокие результаты преобладают у учащихся, сдающих экзамены, что указывает на наличие у этой группы испытуемых отрицательной концепции мира. Другая группа — 8-й и 10-й классы — напротив, воспринимают мир в положительном свете.

- Результаты по шкале «Слом культурных барьеров» показали преобладание низкого

уровня во всех классах, что свидетельствует о том, что большинство испытуемых не стремятся оправдать суицид или сделать его более привлекательным.

- Инфантильный максимализм наиболее ярко выражен у учащихся, сдающих экзамены, и у учащихся 8 класса. Такие результаты указывают на то, что многие испытуемые имеют аффективную фиксацию на своих неудачах и также склонны распространять локальный конфликт какой-то одной сферы на другие.

- Результаты шкалы «Временная перспектива» показали, что по мере своего взросления подростки все чаще начинают задумываться и планировать свое будущее. В данном случае учащиеся 8 класса пока еще не имеют такой тенденции и способности, что можно объяснить их возрастными особенностями (например, жизнь по принципу «одного дня»). Неопределенность у испытуемых 9 класса может быть связана с тем, что в этом классе подросток еще не может точно решить, где он продолжит свое обучение: в школе или в другом учебном заведении.

- Наконец, показатели антисуицидального фактора указывают на то, что большинство испытуемых не склонны к суицидальному поведению. Однако среди тех, кто все же имеет такие тенденции, чаще всего встречаются учащиеся, сдающие экзамены.

Далее мы обработали эти результаты с помощью U-критерия Манна-Уитни, который является непараметрическим и предназначен для сравнения двух независимых выборок по уров-

ню какого-либо признака, измеренного количественно.

Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Выявление различий по методике «Опросник суицидального риска (ОСР)» А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой (U-критерий Манна-Уитни)

Группа	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Группа 1 n = (средние)	63,425	61,742	62,8	61,375	55,7	63,325	56,783	54,508	64,5
Группа 2 n = (средние)	57,575	59,258	63,2	59,625	65,3	57,675	64,217	66,491	56,5
U	1624,5	1725,5	1662	1747,5	1512	1630,5	1577	1440,5	1560
p-level	0,339	0,687	0,453	0,774	0,116	0,342	0,195	0,062	0,093

Анализ результатов статистического критерия показал, что достоверных различий между двумя группами учащихся по уровню суицидального риска нет. Это указывает на то, что и среди сдающих, и среди не сдающих экзамены встречаются те учащиеся, которые как склонны к суицидальному поведению, так и, напротив, таких тенденций не имеют.

В качестве небольшого вывода к проведенному исследованию стоит отметить, что, несмотря на отсутствие достоверных различий, анализ процентного соотношения наглядно показал, что большинство испытуемых, склонных к суицидальному поведению, находятся в выпускных классах. Кроме того, такие показатели, как демонстративность, аффективность, убежденность в свою уникальность и планирование своего будущего, изменяются по мере взросления школьника. Например, к демонстративному и аффективному поведению наиболее склонны восьмиклассники. К ним же относится вера в свою «особенность и неповторимость», а также неспособность планировать свое будущее. Обратная тенденция наблюдается у учащихся 11 класса, которые, напротив, уже в меньшей степени стремятся привлечь внимание окружающих, чаще действуют по воле разума, име-

ют более «приземленное» представление о себе самом, а также чаще задумываются о своем будущем. Отдельно стоит упомянуть и о том, что наиболее высокий уровень максимализма встречается у одиннадцатиклассников, что говорит о том, что эти учащиеся склонны распространять локальный конфликт конкретной сферы и на другие сферы жизни и аффективно фиксироваться на своих неудачах.

Таким образом, результаты нашего исследования по изучению суицидального риска показали, что большинство учащихся не склонны к суицидальному поведению в предэкзаменационный период. Однако чтобы не допустить рост подобных тенденций, необходимо проводить мероприятия по профилактике суицидального поведения.

В настоящий момент данное направление уже хорошо развито и может предложить множество различных способов и методов для решения этой проблемы: социально-психологические тренинги, арт-методы, индивидуальные беседы с психологом и проведение мини-лекций, а также просветительская работа с учителями и родителями учащихся с целью обучения тому, как можно помочь подростку преодолеть предстоящие испытания и оказать ему поддержку.

Литература

1. Банников Г. С. Методические рекомендации (памятка) психологам образовательных учреждений по выявлению и предупреждению суицидального поведения среди несовершеннолетних / Г. С. Банников, О. В. Вихристок, Л. В. Миллер, Т. Ю. Сеницына. — М. : ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. — URL: <http://psychlib.ru/resource.php/pdf/documents/BMr-2013.pdf> (дата обращения: 25.12.2020).

2. Грачева А. В. Особенности суицидального поведения в подростковом возрасте / А. В. Грачева, А. А. Бажинова // Территория науки. — 2016. — № 4. — С. 8—12.
3. Ефремов В. С. Основы суицидологии / В. С. Ефремов. — СПб. : Диалект, 2004. — 480 с.
4. Калмыков Ю. А. Подростковый суицид / Ю. А. Калмыков // Научный Татарстан. — 2018. — № 4. — С. 20—22.
5. Лукашук А. В. Характеристика детских и подростковых суицидов (обзор литературы) / А. В. Лукашук, М. Д. Филиппова, О. Ю. Сомкина // Российский медико-биологический вестник имени академика И. В. Павлова. — 2016. — № 2. — С. 137—143.
6. Лялина Н. В. Подростковый суицид: сущность и причины / Н. В. Лялина // Наука и образование: проблемы, идеи, инновации. — 2019. — № 1(13). — С. 35—38.
7. Монах Ю. В. К вопросу о профилактике суицидального поведения у старшеклассников в период подготовки к ЕГЭ / Ю. В. Монах // Повышение профессионального мастерства педагогических работников в России: вызовы времени, тенденции и перспективы развития. — Иркутск : Иркут, 2019. — С. 106—110.

RESEARCH OF SUICIDAL RISK OF SENIOR PUPILS IN THE FRAMEWORK OF THE UNIFIED STATE EXAM AND BASIC STATE EXAM

D. V. Mazhanova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
dashatroyan99@gmail.com

I. V. Mikhailova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
44kd11@gmail.com

This article is devoted to the study of the suicidal risk of high school students when revising for the OGE (the Basic State Exam) and EGE (the Unified State Exam). The authors consider various theoretical approaches to suicidal behavior, mainly in adolescence, note its features and factors influencing its occurrence, among which the preparation for the exams. The paper presents the results of the study of suicidal tendencies in students of 8—11 grades, as well as a comparative analysis of the data obtained in students who pass (grades 9, 11) and fail (grades 8, 10) the exams, in order to identify possible differences. Despite the fact that the results obtained did not confirm the hypothesis of an increase in suicidal risk, some self-destructive tendencies were identified, which indicates the need for measures to reduce and prevent suicidal behavior.

Key words: suicide, suicidal risk, deviant behavior, the Unified State Exam, the Basic State Exam, state final certification, USE, BSE, SFC, prevention of suicidal behavior.

References

1. Bannikov G. S., Vikhristyuk O. V., Miller L. V., Sinitsina T. Yu. (2013) Metodicheskie rekomendatsii (pamyatka) psikhologam obrazovatelnykh uchrezhdeniy po vyjavleniyui preduprezhdeniyu suitsidalnogo povedeniya sredi nesovershennoletnikh [Guidelines for psychologists of educational institutions for the disclosure and prevention of suicide behavior among minors]. Moscow: GBOU VPO MGPPU. URL: <http://psychlib.ru/resource.php/pdf/documents/BMr-2013.pdf> (access date: 25.12.2020).
2. Gracheva A. V., Bazhinova A. A. (2016) Osobennosti suitsidalnogo povedeniya v podrostkovom vozraste [Features of suicide behavior among minors]. Territoriya nauki, (4), p. 8—12.
3. Efremov V. S. (2004) Osnovy suitsidologii [Fundamentals of suicidology]. St.-Petersburg: Dialekt, 480 p.
4. Kalmykov Yu. A. (2018) Podrostkovyj suitsid [Adolescent suicide]. Nauchnyj Tatarstan, (4), p. 20—22.
5. Lukashuk A. V., Filippova M. D., Somkina O. Yu. (2016) Kharakteristika detskikh i podrostkovykh suitsidov (obzor literatury) [Characteristics of childhood and adolescent suicides (literature review)]. Rossiyskiy mediko-biologicheskij vestnik imeni akademika I. V. Pavlova, (2), p. 137—143.
6. Lyalina N. V. (2019) Podrostkovyj suitsid: sushchnost i prichiny [Adolescent suicide: nature and causes]. Nauka i obrazovanie: problemy, idei, innovatsii, 1(13), p. 35—38.
7. Monakh Yu. V. (2019) K voprosu o profilaktike suitsidalnogo povedeniya u starsheklassnikov v period podgotovki k EGE [Prevention of suicide behavior in senior pupils when revising for the Unified State Exam]. Povyshenie professionalnogo masterstva pedagogicheskikh rabotnikov v Rossii: vyzovy vremeni, tendentsii i perspektivy razvitiya. Irkutsk: Irkut, p. 106—110.

В. А. Тихова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
tikhovavictoria@gmail.com

С. Н. Митин

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.com

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Потребительская культура как совокупность сформированных знаний, ценностей, образцов и норм потребительского поведения играет важную роль в практической жизни и общей культуре личности. Особым сегментом, отражающим современные тенденции потребления, является молодёжь, которой присущи динамичность, стремление к новому. Молодёжная аудитория, с одной стороны, является главным потребителем новых продуктов, с другой стороны, задаёт тенденции к их распространению в обществе. От уровня и качества сформировавшейся у молодого поколения потребительской культуры зависит уровень социальной зрелости личности, обеспечивающий её автономность и самостоятельность в решении жизненных задач в различных сферах деятельности.

Особую значимость исследование потребительской культуры молодёжи имеет при её анализе как средства вхождения индивидуумов в систему социальных отношений. Эта проблема приобретает особую актуальность в условиях глобального, ключевыми ценностями которой выступают потребление и гедонизм. Вместе с тем тенденции распространения массовой культуры несут в себе позитивные изменения, создающие новые возможности и пути вхождения в общество, выбора молодыми людьми значимых социальных ролей и средств их реализации.

Ключевые слова: социализация, социализационные траектории, молодёжь, потребительское общество, потребительское поведение, потребительская культура.

Молодёжь — это та социальная группа, которая находится на границе вступления во взрослую жизнь; ее представители шаг за шагом становятся самостоятельными, а впоследствии и не зависящими материально от родителей. В это время проходят социализационные процессы: включение личности в сферу социальных отношений, формирование ценностей индивида. Как отметил А. В. Вяткин, «социализация — это процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в данном обществе» [3]. Из этого следует, что одной из главных целей социализации выступает формирование социально активной личности, которая будет совершать те или иные поступки в соответствии с установленными в обществе интересами и социальными нормами.

Социализация молодёжи — сложный процесс, имеющий большое значение для всего со-

циума в целом. От того, какие нормы и ценности усвоит человек, каким образом сформируется его личность, мировоззрение, зависит то, как он будет функционировать в обществе, какую роль играть в его дальнейшем развитии.

Одной из тенденций, сопровождающей социализацию современной молодёжи, является усвоение потребительских моделей поведения. В современном обществе вся система отношений организована на потреблении. Поэтому потребительские социально-культурные практики становятся одним из основных способов воспитания молодого человека.

Многие ученые рассматривают феномен социализации как активный процесс вовлечения человека в общество, период, когда реализуются потенциальные возможности личности. В это время человек включается в преобразовательную деятельность, целью которой является улучшение жизни в социуме. Каждый индивид формируется и изменяется в процессе измене-

ния мира вокруг себя, а также влияния социума. Существует термин «социализационная траектория», который означает направление жизненного пути индивида в социальном пространстве. Данная траектория позволяет наблюдать за динамикой социализационных процессов среди российской молодежи на современном этапе функционирования общества. Социализационные траектории молодежи являются своеобразным комплексом характеристик хода и направленности социализации, результативности данного процесса. Они определяют направление жизненного пути в социуме. Социализационные траектории могут рассматриваться в нескольких направлениях: влияние внешней среды, субъектность, диспозиции личности в процессе социализации. Способ ее построения базируется на динамике социализационного процесса. При этом должны учитываться этапы жизненного пути, преодоленные личностью. Социализационные траектории могут меняться в соответствии с особенностями социализации российской молодежи, изменениями объективных условий социальной среды, а также субъективных ситуаций, возникающих в результате социальных трансформаций [6].

Проблема социализации молодых людей всегда была одной из наиболее актуальных проблем и имела большое значение для всего социума в целом, так как молодежь — это наиболее незащищенная социальная группа, которая подвержена деструктивным изменениям в реалиях современного общества. Можно выявить определенную специфику молодежного социума в России. На его развитие оказывают сильное влияние глобальные проблемы, характерные для молодежи как для социально-демографической группы, а также региональные и национальные особенности, обусловленные социальными изменениями российского общества.

При оценке социально-психологического портрета современной молодежи стоит учитывать изменения и трансформации в обществе, которые влияют на его формирование. В условиях большого количества информации, плюрализма мнений, изменяющихся смысложизненных ориентиров, поведенческих стандартов и противоречивых духовно-нравственных ценностей современная молодежь не всегда верно может определить, что правильно, а что нет. Это относится и к выявлению личных жизненных приоритетов. В свою очередь, неправильные жизненные ценности влекут за собой ряд проблем, которые молодые люди в силу своего возраста переживают особенно остро.

Развлечения и досуговая деятельность становятся одним из важнейших направлений в социализационном процессе молодежи. В процессе досуговой деятельности молодой человек контактирует с окружающим миром, узнает о новых духовно-культурных ценностях и воспринимает их, стимулирует свои творческие способности. Все это активно влияет на процесс социализации и социализационные траектории молодежи.

Досуговая деятельность молодежи имеет определенные черты, такие как зрительная и интеллектуальная восприимчивость, повышенная эмоциональность, частая смена настроений, слабая организованность жизнедеятельности и некоторый уровень неуправляемости. Данные черты присущи именно молодежному досугу, в чем и состоит существенное отличие от других возрастных социальных групп. Все перечисленные черты в той или иной степени накладывают отпечаток на социализационные траектории молодых людей.

Выросла доля досуга и в моделях потребления в молодежной среде, ориентированных на потребительский стиль жизни, сиюминутные удовольствия и отказ от традиционных семейных ценностей, как результат бурного развития досуговой субкультуры. В сознание российской молодежи проникают психологические особенности западного человека, мотивациями для которого служат жизнь ради удовольствий, отказ от создания полноценной семьи, рождения и воспитания детей. Институты семьи и школы, являющиеся наиболее важными в процессе социализации, утрачивают доминирующие позиции в формировании и развитии подрастающих поколений [9].

Снижение уровня заинтересованности в получении знаний является одной из характерных особенностей социализационного процесса современной молодежи. Тяга к знаниям подменяется желанием просто иметь престижное образование. Индустрия досуга и развлечений манипулирует молодежью, навязывая им желание достичь престижной и богатой жизни.

Если раньше потребление можно было рассматривать с точки зрения физического выживания, то теперь, в обществе потребления, это скорее стало одним из инструментов конструирования социальной идентичности и обрело определенные черты:

а) набор культурных символов и ценностей, накладывающийся на «революцию растущих притязаний» в условиях социокультурного кризиса;

б) различия в формах проявления нового между крупными и небольшими городами, между основной массой населения и малочисленными социальными группами;

в) мощное воздействие западных стандартов потребления;

г) отсутствие усреднённого типа потребления [5].

Такие тенденции во многом накладывают отпечаток на социализационные траектории молодёжи, общей чертой которых можно назвать утрату бескорыстия, романтизма, приверженность потребительскому и прагматичному отношению к жизни, подмену духовных ценностей материальными.

Новый тип социализации, сформировавшийся в условиях общества потребления и массовой культуры, несёт в себе качественное отличие фаз социализационного процесса тогда (поколения X и ранее) и сейчас (поколения Y и Z). Индивид приспосабливается к социуму с помощью различных референтных групп, средств массовой информации, которые формируют «жизненное» пространство индивида. Это, в свою очередь, способствует прочному закреплению нового, иного типа социализации. Теперь социальное становление и идентификация личности проходят не столько через ценности и убеждения, сколько через потребительские практики. Однако стоит отметить, что они отличаются поверхностным отношением к действительности. По этой причине социализация молодёжи в современном обществе осуществляется достаточно сложно. На социализационные траектории все большее влияние оказывают потребительские практики, а потребительские притязания обретают свои собственные характерные черты в зависимости от особенностей стиля жизни [2].

Особую роль в формировании потребительского поведения молодёжи играет мода. Именно она же и является ядром молодёжной культуры в целом и культуры потребления в частности. Завуалированные или даже явные требования быть модным транслируются через средства массовой информации, визуализируются в рекламе, демонстрируются публичными лицами, имеющими авторитет в молодёжной среде. Именно молодые люди ввиду несформированности своей личности являются наиболее подверженными моде и в целом влиянию извне. Молодые люди по сравнению с другими возрастными группами, в силу своих возрастных особенностей, сильнее хотят быть вовлечены в процесс потребления модных и стильных вещей. Неспособность критически осмысливать свою деятельность, стереотипное мышление формируют в сознании молодых людей принятие навязываемых референтной группой целей и установок. Это, в свою очередь, определяет характер поведения при взаимодействии с предметным миром, социумом и самим собой [4].

Молодым людям свойственно демонстративное потребление, которое соответствует их общему стремлению к самоутверждению, поиску своего статуса в системе сложных социально-экономических отношений общества. И, потребляя всё многообразие видов и форм модных тенденций, как необходимых для своего существования, так и своего рода «излишеств», молодые люди таким образом конструируют свой внешний социальный образ, демонстрирующий определённый смысл для окружающих и самих себя. Молодёжь очень часто вовлекается в некую потребительскую гонку внутри своей среды, выраженную стремлением обладать самыми последними новинками, разнообразными статусными вещами как определёнными социально-культурными символами. Иными словами, посредством потребления молодые люди социализируются в обществе, интегрируются в социально-культурный мир.

Именно в молодом возрасте происходит освоение социальных ролей, норм, ценностей. Молодёжь находится в поиске своей идентичности путем следования потребительским тенденциям. Мотив идентификации себя с другим человеком, будь то кумир, герой или авторитетная личность, стремление быть похожим на него можно назвать одними из главных условий эффективного процесса социализации. Как пишет Ю. Платонов, этот мотив «является особенно актуальным для подростков, которые пытаются копировать поведение других людей. Стремление походить на кумира — существенный мотив поведения, под влиянием которого человек развивается и совершенствуется. Идентификация с другим человеком приводит к повышению энергетического потенциала индивида за счёт символического «заимствования» энергии у кумира (объекта идентификации): появляются силы, вдохновение, желание действовать так, как делал это герой (кумир и др.)» [1]. Т. Парсонс также указывал, что самоидентификация и социализация молодёжи происходит через подражание и потребление различных вещей, модных в молодёжной среде; реализация природной склонности юной личности к подражанию выступает катализатором этого процесса на основе реальных и воображаемых эталонных групп [10].

Молодёжь как социальная группа неоднородна по своему составу. Выступая потребителями товаров и услуг, представители молодого поколения демонстрируют разнообразные стили потребления. Современные исследователи при изучении потребительской культуры молодёжной среды дифференцируют потребительское поведение молодых людей на несколько типов. Например, В. И. Чупров выделяет следующие типы ориентаций потребительского поведения молодежи:

1) ориентации на выживание. Данный тип характерен для среднестатистического жителя России;

2) ориентации потребительской идеологии среднего класса. Для данного типа характерна склонность к потреблению предметов, которые служат символом стабильного и обеспеченного образа жизни;

3) ориентации, рассчитанные на перспективу [12].

Письменный А. на основе анализа молодёжной активности при запусках новых продуктов выделяет следующие модели потребительского поведения:

1) «Автопилот» — инерционная модель. В данной модели принятие решения о покупке совершается по привычке;

2) «Поиск разнообразия» — вариативная модель. Согласно данной модели покупатель ищет новые вкусы, форматы, варианты;

3) «Активный режим» — человек совершает покупку под воздействием привлекательной рекламы или иных средств информации, которые подняли «шум» вокруг продукта;

4) «Поиск лучшей цены» — в данном случае человек склонен к покупке товара со скидкой, по промоакциям [11].

Медведева О. С. выделяет основные виды (модели) потребительского поведения среди молодежи:

1) потребитель-исследователь: в процессе выбора продукта ищет что-то совершенно новое для себя. Для этой категории особо актуальными являются рыночные новинки;

2) потребитель-бунтовщик: данная категория потребителей приобретает товары или услуги с целью выражения своего несогласия. Сюда можно отнести представителей различных молодежных субкультур;

3) потребитель-экспериментатор: категория потребителей, которые постоянно ищут разнообразия во всем — развлечениях, впечатлениях, одежде и питании. Наиболее характерна данная модель для молодых и импульсивных людей;

4) потребитель-коммуникатор: это люди, которые путём покупки определённых товаров и услуг выражают свой социальный статус и эмоции [8].

Как отмечают Е. Ю. Красова, В. В. Стукалова, в потребительском поведении современной молодёжи доминирующей составляющей является желание. Удовлетворяются не только витальные потребности (в пище, одежде и т. п.), но и потребности в переживании эмоций — удовольствия, радости, связанные как с самим процессом потребления, так и с социальным конструированием реальности [7]. То есть желание обладать покупкой проявляется на двух уровнях — на материальном (обладание предметом) и социальном (приобщение к референтной группе).

Указанные авторы выделяют следующие тренды потребительского поведения современной молодёжи, в которых прослеживается, на наш взгляд, не стремление обладать неким продуктом, а скорее молодёжная культура и форматы её социализации, выраженные следующими направлениями:

1) развитие статусных навыков. Теперь статусный товар уже не является важным социальным маркером. Важнее не то, что человек имеет, а что он умеет. Место статусных товаров занимают статусные навыки: знание иностранных языков, танцевальные и певческие способности, кулинарные навыки, умение высококлассно фотографировать и другие;

2) рост культуры ухода за собой. В результате развития данного тренда можно заметить увеличение спроса среди молодежи на приобретение косметических и гигиенических продуктов, косметических услуг в целом, например, посещение спа-салонов и салонов красоты;

3) потребление полезных, натуральных продуктов питания: экологически чистых, натуральных, обогащенных витаминами, минеральными веществами, бифидокультурами и т. п. Теперь стало модным не просто завтракать, есть по утрам мюсли и пить смузи, заказывать в кафе и ресторанах «фреши», а на учебу и работу брать с собой фрукты, орехи и биоогурты в качестве легкого перекуса;

4) из предыдущего направления вытекает и следующее — увлечение гастрономией, блюдами высокой кухни. Развивается мода на гурманство, обусловленная возможностью ездить за границу, пробовать кухню других стран, увлекаться ею и учиться готовить изысканные и экзотические блюда;

5) противоположным вышеуказанному тренду является активное употребление покупных

готовых блюд — заказы в кафе, ресторанах, покупка еды в различных гастромаркетах. Это связано с тем, что в основном студенческая и работающая молодежь не имеет достаточного количества времени для приготовления пищи либо не желает тратить на это время, уподобляясь старшему поколению, и предпочитает тратить освободившееся время на досуг, развлечения, отдых. А умение готовить изысканные блюда демонстрируется перед друзьями, знакомыми, родными по особому поводу;

6) спрос на товары необходимой роскоши, знаковые вещи, которые являются для молодежи маркерами успешного, современного человека — это дорогая одежда, телефоны, часы и др. определенных брендов. Такие потребности молодые люди способны удовлетворять, потому что появилось больше возможностей: заработать самостоятельно, взять кредит, а также воспользоваться помощью успешных родителей;

7) активное потребительское поведение на авторынке. Многие юноши и девушки, закончив школу, активно получают права, стремятся взять машину у родителей, а позже обдумывают покупку своей собственной машины в кредит, так как собственный автомобиль, тем более престижной марки или модели, повышает социальный статус владельца в глазах обществу;

8) приверженность здоровому образу жизни. Быть в хорошей физической форме, иметь совершенное тело очень важно для молодежи. В результате, как и здоровое питание, спорт занял важную нишу в молодежной среде [7].

Исследования особенностей потребления различных поколений молодежи, которые проводятся социологами, маркетологами, финансовыми структурами и другими заинтересованными компаниями, позволяют статистически подтвердить те или иные основные тенденции в молодежной среде. Так, например, один из крупнейших банков России, основываясь на своих сведениях о владельцах карт, составил финансовый портрет современных молодых людей различных поколений.

Самой большой и разносторонней группой потребителей являются молодые люди в возрасте от 25 до 35 лет. Большинство имеет работу, некоторые уже создали собственную семью, что тоже вносит характерные особенности в их расходы. Конечно же, перечень трат взрослых молодых людей значительно шире, чем у студентов и старшеклассников. В него входят еда, одежда и обувь, косметика, аксессуары и различная техника, расходы на коммунальные сче-

та, ипотечные кредиты. У семейной молодежи деньги также уходят на ребенка, лекарства, нужные мелочи для дома. Отдельным пунктом следует выделить траты молодых людей на досуг. Почти у каждого есть свои особые пункты затрат — путешествия, фитнес-клубы, содержание питомца, образование (онлайн-курсы). Молодые люди тратят деньги на вещи, которые дают им комфорт, уют, удовлетворение.

Перечень указанных трендов не является исчерпывающим, поскольку новые модные веяния появляются довольно регулярно в молодежной среде, подхватываются сначала отдельной группой, а потом распространяются среди более широких молодежных масс. При этом отметим, что сущность этих трендов моделей социализации молодежи направлена вовне, т. е. на демонстрацию своего «Я» социуму. Это выступает самым простым способом интеграции молодежи в группу, в общество, сопряжено прежде всего с социальным общением и взаимодействием с другими людьми.

Исследуя различные траектории поведения молодежи в обществе потребления, О. В. Дядиченко вывел термин «потребительская социализация». В его понимании это «процесс приобретения молодежью знаний, умений и навыков, связанных с её деятельностью на потребительском рынке». Ученый отмечает, что набор потребительских знаний, умений и навыков молодых людей зависит от их субъективного состояния и правовой установки, а также от системы образования и средств массовой информации и др. [6].

Среди тенденций потребительской социализации молодежи О. В. Дядиченко перечисляет следующие:

- получение высшего образования как необходимого условия достижения жизненного успеха в современном потребительском обществе;
- социализация через сферу досуга, которой присуща трансляция новых культурных ценностей, традиций, воспринимаемых молодежью с легкостью.

Эти тенденции сопровождаются кризисом общества, которое не способно ответить базовым потребностям молодежи в процессе её социализации [6]. В результате современная молодежь вынуждена компенсировать дефицит культурных смыслов через цели потребительского поведения, которое зачастую выходит за рамки рациональности и необходимости.

Таким образом, социализацию молодежи можно рассматривать как процесс включения

личности в сферу социальных отношений в качестве субъекта этих отношений. Данный процесс имеет большое значение как для молодого поколения, так и для общества в целом. Одной из тенденций, сопровождающих социализацию современной молодёжи, является усвоение потребительских моделей поведения. Потребительские притязания имеют большое влияние на социализационные траектории молодёжи, становятся способом социального раскрытия личности. Референтные группы, средства массовой информации содействуют росту уровня требований в молодежной среде и помогают сформировать индивидуальное жизненное простран-

ство, траекторию вхождения в общество, что позволяет ему успешно адаптироваться к социуму. Модели так называемой «потребительской социализации» формируются и реализуются в различных направлениях (развитие статусных навыков, рост культуры ухода за собой, потребление более здоровых и натуральных продуктов питания, приверженность здоровому образу жизни, получение высшего образования и др.). Также выделяются определённые практики потребительского поведения молодежной аудитории (исследователи, бунтовщики, экспериментаторы, модели поиска лучшей цены, поиска разнообразия и др.).

Литература

1. Багоцци Р. П. Социальная психология потребителя : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р. П. Багоцци [и др.]. — М. : Академия, 2018. — 271 с.
2. Баталин А. И. Социализация подростков и молодёжи в условиях экспансии массовой потребительской культуры / А. И. Баталин, О. В. Мунина // Новая наука: проблемы и перспективы. — 2016. — № 121-3. — С. 73—75.
3. Вяткин А. П. Психология экономической социализации личности: субъектно-ролевой подход / А. П. Вяткин. — Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2010. — 383 с.
4. Доржиева И. Ц. Факторы потребительского поведения студенческой молодёжи: социологический анализ / И. Ц. Доржиева, В. В. Мисайлова // Теория и практика общественного развития. — 2017. — № 5. — С. 23—25.
5. Дробышева Т. В. Экономическая социализация формирующейся личности: теоретическая модель и экспериментальное исследование (на примере ценностных ориентаций личности) / Т. В. Дробышева // Психологический журнал. — 2011. — Т. 32, № 2. — С. 59—81.
6. Дядиченко О. В. Социализационные траектории молодёжи в российском обществе потребления : автореф. дис. ... канд. социол. наук / О. В. Дядиченко. — Ростов н/Д., 2008. — 29 с.
7. Красова Е. Ю. Молодёжь в ценностном потоке рекламной информации / Е. Ю. Красова, В. В. Стукалова // Вестник Воронежского университета. — 2018. — № 34. — С. 41—48.
8. Медведева О. С. Основные модели потребительского поведения в современных условиях / О. С. Медведева // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2019. — № 5-3. — С. 88—93.
9. Николаев М. С. Метаморфозы социализации в обществе потребления / М. С. Николаев. — URL: CyberLeninka.ru (дата обращения: 31.03.2021).
10. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. — М. : Аспект Пресс, 2015. — 270 с.
11. Письменный А. Модели покупательского поведения: исследование Nielsen / А. Письменный. — URL: https://adindex.ru/publication/archive_2005_2008/analytics/9287.phtml (дата обращения: 31.03.2021).
12. Чупров В. И. Социальное развитие молодёжи: теоретические и прикладные проблемы / В. И. Чупров. — М. : Социум, 2017. — 160 с.

CONCEPT OF SOCIALIZATION AND SOCIALIZATION TRAJECTORIES OF YOUTH IN A CONSUMER SOCIETY

V. A. Tikhova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
tikhovavictoria@gmail.com

S. N. Mitin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
snm7151@gmail.com

Consumer culture, as a set of formed knowledge, values, patterns and norms of consumer behavior, plays an important role in practical life and the general culture of an individual. A special segment, reflecting current trends in consumption, is young people, a distinctive feature of which is dynamism, striving for new things. The youth audience, on the one hand, is the main consumer of new products, on the other hand, it sets the trends for their distribution in society. The level of social maturity of the individual depends on the level and quality of the consumer culture formed among the younger generation, ensuring its autonomy and independence in solving life problems in various fields of activity.

The study of the consumer culture of youth is of particular importance in its analysis as a means of individuals entering the system of social relations. This problem acquires special relevance in a global environment, the key values of which are consumption and hedonism. At the same time, the trends in the spread of mass culture carry positive changes that create new opportunities and ways of entering society, the choice of significant social roles by young people and the means of their implementation.

Key words: socialization, socialization trajectories, youth, consumer society, consumer behavior, consumer culture.

References

1. Bagotski R. P. et al. (2018) *Sotsialnaya psikhologiya potrebitelya* [Social psychology of a consumer: study guide for students of higher educational institutions]. Moscow: Akademiya, 271 p.
2. Batalin A. I., Munina O. V. (2016) *Sotsializatsiya podrostkov i molodezhi v usloviyakh ekspansii massovoy potrebitelskoy kultury* [Adolescent and youth socialization in the context of expansion of mass consumer culture]. *Novaya nauka: problemy i perspektivy*, (121-3), p. 73—75.
3. Vyatkin A. P. (2010) *Psikhologiya ekonomicheskoy sotsializatsii lichnosti: subyektno-rolevoy podhod* [Psychology of economic socialization: subject approach]. Irkutsk: Izd. Irkut. gos. un-ta, 383 p.
4. Dorzhieva I. C., Misaylova V. V. (2017) *Faktory potrebitelskogo povedeniya studencheskoy molodezhi: sotsiologicheskii analiz* [Factors of consumer behavior of the student youth: sociology analysis]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (5), p. 23—25.
5. Drobysheva T. V. (2011) *Ekonomicheskaya sotsializatsiya formiruyushcheyasya lichnosti: teoreticheskaya model i eksperimentalnoe issledovanie (na primere tsennostnykh orientatsiy lichnosti)* [Economic socialization of a forming personality: theoretical model and empiric research (through the example of value orientations of a personality)]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 32, (2), p. 59—81.
6. Dyadichenko O. V. (2008) *Sotsializatsionnye traektorii molodezhi v rossiyskom obshchestve potrebleniya* [Socialization trajectories of the youth in the Russian consumer society]. Author's abstract ... Cand. of Sociology. Rostov-on-Don, 29 p.
7. Krasova E. Yu., Stukalova V. V. (2018) *Molodezh v tsennostnom potoke reklamnoy informatsii* [Youth in the value flow of advertising information]. *Vestnik Voronezhskogo universiteta*, (34), p. 41—48.
8. Medvedeva O. S. (2019) *Osnovnye modeli potrebitelskogo povedeniya v sovremennykh usloviyakh* [Basic models of consumer behavior in modern conditions]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, (5-3), p. 88—93.
9. Nikolaev M. S. *Metamorfozy sotsializatsii v obshchestve potrebleniya* [Metamorphoses of socialization in the consumer society]. URL: CyberLeninka.ru (access date: 31.03.2021).
10. Parsons T. (2015) *Sistema sovremennykh obshchestv* [System of modern societies: transl. from English by L. A. Sedova and A. D. Kovaleva]. Moscow: Aspekt Press, 270 p.
11. Pismennyj A. *Modeli pokupatelskogo povedeniya: issledovanie Nielsen* [Models of consumer behavior: research by Nielsen]. URL: https://adindex.ru/publication/archive_2005_2008/analytics/9287.shtml (access date: 31.03.2021).
12. Chuprov V. I. (2017) *Sotsialnoe razvitie molodezhi: teoreticheskie i prikladnye problemy* [Social development of the youth: theoretical and applied problems]. Moscow: Sotsium, 160 p.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Е. Г. Ходжаян

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
elxo@yandex.ru

**СОЗДАНИЕ СРЕДЫ
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ НОВОГО ТИПА**

В трактовке культуры существуют два основных подхода: содержательный (те ценности, которые содержат культурные блага, и их влияние на социально-экономические отношения) и функциональный (отраслевой). Однако культура — это не просто культурные потребности и средства их реализации, а культурная жизнь как отдельный органический пространственный комплекс. Осмысление роли культуры в условиях перехода к экономике инновационного типа ставит перед учреждениями культуры задачи модернизации работы в целях сохранения самобытности российской культуры, формирования среды, в которой был бы возможен одинаковый доступ к благам культуры; культурной и духовной самореализации и развития личности и предъявляет повышенные требования к моделям управления учреждениями культуры. Предложен системный подход в трактовке этого понятия, т. е. культура понимается как совокупность формальных и неформальных институтов, культурное пространство — как часть существующей социально-экономической системы. В настоящее время прослеживается тенденция отношения к региону как к отдельной социально-экономической системе, субъекту социально-экономических отношений. В такой трактовке можно рассматривать культуру региона как объект социально-экономических отношений.

Ключевые слова: культура, государственное регулирование, управление процессами развития культуры территорий.

ВВЕДЕНИЕ

В современном российском обществе значительную часть рыночного регулирования сферы культуры осуществляет государство, и именно государство имеет основополагающее значение в вопросе развития культуры [10]. Тем не менее стихийный характер течения многих процессов в данной сфере [6, с. 14, 55—57; 7; 9] рождает споры о необходимости управления формирующимися культурами и ее продукт институтами и роли государственного регулирования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Хронологические рамки исследования обусловлены спецификой избранной темы и охва-

тывают исторический период с начала XX века по настоящее время. В работе был использован широкий круг источников: законодательные акты и научные публикации, охватывающие различные аспекты управления сферой культуры.

Для решения поставленных задач нашли применение такие теоретические методы, как анализ и синтез, исторический подход.

**РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ**

Поиски эффективной управленческой модели в послереволюционном периоде истории России были ознаменованы преимущественно административными приоритетами. Предпола-

галось, что совершенствование системы управления позволит решить насущные проблемы культуры. Само же управление сводилось непосредственно к организационно-административному механизму.

В период до 1953 года координацией культуры занимался Главполитпросвет при Народном комиссариате по просвещению, и она фактически была присоединена к народному образованию. Этот факт соответствовал задачам просвещения этого времени, но не вопросам организации досуга и работы любительских коллективов, что в конечном итоге привело к оформлению культуры в самостоятельную отрасль.

Необходимая административная вертикаль — министерства культуры в республиках, управления культуры на территории краев и областей, отделы культуры в районах и городах и Министерство культуры в СССР были созданы в 1953 году. Характерная для культуры многоукладность определила квазихарактер отрасли. Это выражается в одновременном действии разнообразных форм собственности, и прежде всего общественной (профсоюзной).

1960—1970-е гг. были отмечены созданием в стране централизованных клубных и библиотечных систем в целях ликвидации ведомственной разобщенности сферы культуры. Это все можно считать выражением и олицетворением культуры определенного типа, технологии социальных взаимодействий и социально-культурного менеджмента.

События, определившие дальнейшую перспективу в развитии культуры, произошли в 1984 году и отсылают к проектированию Программы развития платных услуг населению, когда в ходе расчетов были получены неожиданные результаты, что на каждый рубль вложенных бюджетных средств в бюджет возвращается 78,6 копейки, и таким образом в значительной степени культура окупаема.

К концу века стало понятно, что культуропроизводящие отрасли активно развиваются во всем мире. Так, вклад творческих отраслей на конец 1990 года в национальный продукт Великобритании превысил 4 %, а это более доходов английской промышленности. Прибыль на рынке произведений искусства в этой стране превышает 100 миллиардов долларов.

Классическая экономическая теория принципиально не разделяет традиционные и культурные продукты. Аналогично прочим культурные блага имеют потребительскую ценность и выбираются исходя из имеющегося бюджета,

полезности и рыночной цены [10]. Одновременно культурная и экономическая ценность ряда продуктов отрасли может не совпадать.

Основная деятельность учреждений культуры финансируется за счет средств бюджета, т. е. государственных средств. Таким образом, понятие бюджетной сети трансформировалось от представления бюджетных учреждений к предоставляемому на определенной территории объему бюджетных услуг.

Несмотря на это, сфера культуры остается преимущественно некоммерческой, и основная часть денежных средств поступает не от коммерции, а на основе вовлечения разнообразных заинтересованных сторон: органов власти, спонсоров, благотворительных организаций и пр. Зачастую субъект платежеспособного спроса и непосредственный потребитель в данной сфере не совпадают.

Это справедливо и для таких коммерциализированных секторов культуры, как шоу-бизнес, где поступления от продажи билетов составляют в среднем 15 % бюджета гастролы, а остальное — спонсорские средства. Сами гастролы — это зачастую только часть рекламной кампании.

Благодаря законодательно зафиксированным льготам и гарантиям, привлекающим капитал, некоммерческий сектор остается интересным для бизнеса. Публичность сектора приумножает возможности продвижения благоприятной социальной репутации.

Некоммерческая деятельность также может содержать в себе коммерческую часть, и учреждение культуры вправе заниматься предпринимательской деятельностью (развивать производство сувениров, открывать типографию, ремонтные мастерские и т. п.) [4, с. 11].

В условиях реформирования бюджетной сферы Российской Федерации важное место отводится государственному казначейству, деятельность которого направлена на реализацию государственной бюджетной политики. Вступивший в силу с 1 января 2000 года Бюджетный кодекс Российской Федерации [1] обусловил необходимость перехода на казначейское исполнение бюджетов всех уровней.

Возрождение казначейской системы в государственном регулировании бюджетных организаций определено самими задачами бюджетных организаций, а именно:

— наивысший приоритет реализации социальных программ и обеспечение адресности социальных выплат, что позволит повысить уровень социальных стандартов жизни в области

здравоохранения, образования, пенсионного и медицинского обеспечения, и прочих социальных гарантий;

— оптимизация и жесткий контроль процедур доведения выделяемых средств до целевых групп населения.

Кардинально понятие бюджетных учреждений изменилось с правительственным одобрением Концепции реформирования бюджетного процесса весной 2004 года и переходом к результатно-ориентированному бюджетированию.

В рамках концепции «Управление результатами» бюджет формируется исходя из целей и планируемых результатов государственной политики. Бюджетные ассигнования имеют четкую привязку к функциям (услугам, видам деятельности), при их планировании основное внимание уделяется обоснованию конечных результатов в рамках бюджетных программ. Расширяется самостоятельность и ответственность администраторов бюджетных средств.

В этой связи была предусмотрена возможность преобразования государственных (муниципальных) учреждений, способных функционировать в рыночной среде, в структуры иной организационно-правовой формы.

В соответствии с положениями Федерального закона от 3 ноября 2006 года № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» [2] бюджетным учреждениям была предоставлена возможность перейти в автономные, получив вместе с тем и большую свободу в распоряжении имуществом.

Государственная культурная политика может быть охарактеризована совокупностью действий, производимых институтами культуры, которые поддерживают воспроизводство актуальных форм культурных активностей в пределах ведомственной компетенции, ограниченного бюджета, кадрового функционала и соответствующих времени методик.

Актуальными задачами государства в рамках культурной политики являются продвижение социально оправданных учреждений культуры, поддержка общественного партнерства, формирование ценностных основ духовной жизни, охранение культурного наследия, а также организация предпринимательской деятельности.

Основным документом, который регулирует процессы культурного развития в Российской Федерации, а также формирования и совершенствования государственных и муниципальных программ, являются Основы государственной культурной политики [3].

Принятие данного документа стало значительным финальным аккордом Года Культуры в России и было положительно воспринято многими деятелями культуры и политики. Основы носят универсальный характер и включают в себя элементы декларации, стратегии и программы.

Основами впервые в новейшей истории России ставится задача разработки и реализации государственной культурной политики, направленной на формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития.

Под культурой в Основых понимается совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.).

Новая система управления процессами культурного развития не отменяет, а встраивает в себя существующую систему управления сферой культуры.

В настоящее время сфера культуры в России включает органы государственного управления и власти, государственные и негосударственные организации, в т. ч. научные организации, занимающиеся исследованиями в сфере культуры и созданием культурных благ.

Принимая настоящие Основы, государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России.

С 1 января 2019 года в России началась реализация нацпроекта «Культура». Национальные проекты выступают новой организационно-экономической формой государственного регулирования, основанной на соединении отраслевого и проектного методов управления, что обеспечивает интегральный эффект и межведомственную координацию хозяйственной деятельности. Реализация проектов во многом возложена на субъекты.

Культура представляет собой такую сферу, где изолированно друг от друга командный или отраслевой подход и даже территориальный показывают свою необоснованность [8]. Культурная жизнь — это не просто совокупность культурных потребностей и средств их реализации,

а новый органический уровень, пространственный комплекс с определенными связями с данными пространственными социально-экономическими условиями.

Стратегическое и тактическое управление процессами культурного творчества может быть представлено многоуровнево как совокупность действий, предпринимаемых в целях деятельности существующих и вновь создаваемых институтов культуры, обеспечивающих разнонаправленное воспроизводство качественной интеллектуальной продукции и культурно-просветительских услуг в условиях ограниченного наличия финансовых и творческих ресурсов с использованием инновационного инструментария.

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ
Специфика государственной культурной политики отсылает к институциональным направлениям управленческого воздействия (цит. по: [10]). На сегодняшний день в России наблюдается переход от традиционного подхода к менеджменту культуры как исключительно деятельности по наиболее эффективному достижению цели к осознанному урегулированию в этой сфере процессов и влиянию на социальную, экономическую, политическую и духовную сферы общества.

Механизм активизации потенциала локального развития с сохранением точечной помощи центра поможет умножению региональных ресурсов, их взаимному дополнению.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=35652792009759208898532188&cacheid=BE43D853FF5E89DA12DC38E62CB6CA3&mode=splus&base=LAW&n=355977&rnd=0.592575454301213#2h5f4tlncao> (дата обращения: 31.03.2021).
2. Федеральный закон Российской Федерации от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63635 (дата обращения: 31.03.2021).
3. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=172706&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.592575454301213#09565757094813521> (дата обращения: 31.03.2021).
4. Система статистики культуры ЮНЕСКО 2009. — Монреаль : Институт статистики ЮНЕСКО, 2010. — 99 с.
5. Бетехтина Д. А. Сфера культуры как особая область экономической деятельности / Д. А. Бетехтина // Проблемы современной экономики. — 2010. — № 4(36). — URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3415> (дата обращения: 31.03.2021).
6. Волкова Г. Л. Статистический анализ и моделирование развития сферы услуг в области культуры / Г. Л. Волкова ; НИУ ВШЭ. — М., 2013. — 68 с. — URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/83425520> (дата обращения: 31.03.2021).
7. Гусейнова Г. М. Инновационное развитие сферы культуры как фактор роста экономики страны / Г. М. Гусейнова, А. М. Гусейнов // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. — 2016. — № 4. — С. 137—143.
8. Есаков В. А. Характер, цели, задачи и методы управления отраслью культуры в современных условиях / В. А. Есаков // Общественные науки и современность. — 2005. — № 3. — С. 52—60.
9. Матецкая М. В. Институциональные преобразования в социально-культурной сфере России в рыночных условиях : дис. ... канд. экон. наук / М. В. Матецкая ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. — СПб., 2007. — 196 с.
10. Ярошевская Т. Л. Культурная политика современной России / Т. Л. Ярошевская // Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления : сборник научных статей. — 2009. — Вып. 7. — С. 525—537.

CREATING THE ENVIRONMENT FOR FORMING A NEW TYPE OF CULTURE

E. G. Khodzhayan

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

elxo@yandex.ru

In the interpretation of culture, there are two main approaches: substantive (values that contain cultural benefits and their impact on socio-economic relations) and functional (industry-specific). However, culture assumes not just cultural needs and means of their realization, but cultural life as a separate organic spatial complex. Understanding the role of culture in the context of the transition to an economy of an innovative type sets the tasks for culture institutions to modernize their work in order to preserve the identity of Russian culture, create conditions for equal accessibility of cultural benefits, develop and realize the cultural and spiritual potential of the individual and impose

increased requirements on the management models of culture institutions. The author proposes the systematic approach to the interpretation of this concept, that is, culture is understood as a set of formal and informal institutions, cultural space as part of the existing socio-economic system. Currently, there is a tendency to consider the region as a separate socio-economic system, a subject of socio-economic relations. In this interpretation, the culture of the region can be viewed as an object of socio-economic relations.

Key words: culture, state regulation, management of the processes of cultural development of territories.

References

1. Byudzhetnyj kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 31.07.1998 N 145-FZ [The Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 N 145-FZ]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=35652792009759208898532188&cacheid=BEC43D853FF5E89DA12DC38E62CB6CA3&mode=splus&base=LAW&n=355977&rnd=0.592575454301213#2h5f4tlncao> (access of date: 31.03.2021).
2. Federalnyj zakon Rossiyskoy Federatsii ot 03.11.2006 N 174-FZ "Ob avtonomnykh uchrezhdeniyah" [Federal law of the Russian Federation About autonomous institutions of 03.11.2006 N 174-FZ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63635 (access of date: 31.03.2021).
3. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 24.12.2014 N 808 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy kulturnoy politiki" [Russian Federation Presidential Decree of 24.12.2014 N 808 "On the approval of the foundations of state cultural policy"]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=172706&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.592575454301213#09565757094813521> (access of date: 31.03.2021).
4. Sistema statistiki kultury YUNESKO 2009 [The 2009 UNESCO Framework for Cultural Statistics]. Montreal: Institut statistiki YUNESKO, 2010, 99 p.
5. Betekhtina D. A. (2010) Sfera kultury kak osobaya oblast ekonomicheskoy deyatel'nosti [Sphere of Culture as a special area of economic activity]. Problemy sovremennoy ekonomiki, 4(36). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3415> (access of date: 31.03.2021).
6. Volkova G. L. (2013) Statisticheskij analiz i modelirovanie razvitiya sfery uslug v oblasti kultury [Statistical analysis and modeling of the development of services in the field of culture]. NIU VSHE. Moscow, 68 p. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/83425520> (access of date: 31.03.2021).
7. Guseynova G. M., Guseynov A. M. (2016) Innovatsionnoe razvitie sfery kultury kak faktor rosta ekonomiki strany [Innovative development of the sphere of culture as a factor in the growth of the country's economy]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby MCHS Rossii, (4), p. 137–143.
8. Esakov V. A. (2005) Kharakter, tseli, zadachi i metody upravleniya otraslyu kultury v sovremennykh usloviyakh [The nature, goals, objectives and methods of managing the cultural sector in modern conditions]. Obshchestvennye nauki i sovremennost', (3), p. 52–60.
9. Matetskaya M. V. (2007) Institutsionalnye preobrazovaniya v sotsialno-kulturnoy sfere Rossii v rynochnykh usloviyakh [Institutional transformations in the socio-cultural sphere of Russia in market conditions: dis. ... Ph.D. in economic sciences]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyj universitet, 196 p.
10. Yaroshevskaya T. L. (2009) Kulturnaya politika sovremennoy Rossii [Cultural policy of modern Russia]. Globalnyj ekonomicheskij krizis: realii i puti preodoleniya, (7), p. 525–537.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Л. К. Ишкиняева

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
liya.ishkin'yayeva.73@mail.ru

Н. В. Миронова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
mirnatval@mail.ru

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА ТВОРЧЕСТВО С. Т. АКСАКОВА И В. Н. НАЗАРЬЕВА**

В статье раскрывается влияние отечественных журналов на формирование литературных взглядов и предпочтений С. Т. Аксакова и В. Н. Назарьева. Многочисленные авторские упоминания о книгах, журналах эпохи детства дают разнообразную картину литературных стилей и жанров. Наследие С. Т. Аксакова связано с XVIII веком. Знакомство с журналами того времени, чтение русской и переводной литературы, окружение замечательными людьми, любовь к театру — все это сформировало молодого Аксакова как писателя. Журнал «Детское чтение для сердца и разума» дал юному читателю особый внутренний заряд, определил во многом тематическое и жанровое своеобразие его творчества. Описательные жанры нашли отражение и в творчестве В. Н. Назарьева. В отличие от многих современников, писатель отразил в своих очерках не только общие процессы, происходившие в русской жизни, но и свою личную судьбу. В очерке «В сельском затишье» мы видим, как в семье формировались интерес к чтению у будущего писателя и основы либеральных взглядов. В. Н. Назарьев писал в основном о том, в чем сам принимал непосредственное участие, была ли это военная или гражданская служба, общественная деятельность или впечатления от встреч с людьми, известными всей России. Круг чтения будущих писателей определил их литературные вкусы и симпатии. Все это своеобразно преломилось в их творчестве.

Ключевые слова: С. Т. Аксаков, В. Н. Назарьев, русская журналистика, «Детское чтение для сердца и разума», «Современник», «Отечественные записки».

Как известно, изучение истории и круга чтения, его социологии и психологии может быть обеспечено при условии максимально полного сбора, анализа, сопоставления и обобщения фактов существования и функционирования чтения в различных исторических, социально-культурных, региональных и тому подобных условиях. Поэтому так важны любые свидетельства как наблюдателей чтения, так и его участников.

Среди писателей-симбирян в данном отношении нам бы хотелось выделить два имени — Сергея Тимофеевича Аксакова (1791—1859) и Валериана Никаноровича Назарьева (1829—1902),

поскольку они, следуя «правде жизни», оставили многочисленные свидетельства о быте, формировании взглядов, чтении симбирского (и не только) дворянского общества, своих современников.

В среде русских классиков С. Т. Аксаков занимает совершенно особое место как автор неподражаемых книг о природе, охоте, рыбной ловле, как создатель «Семейной хроники» и «Багрова-внука». При этом его творчество неотрывно от литературы и культуры XVIII столетия, оказавших на него во многом определяющее воздействие. В его произведениях про-

изошло слияние литературы и действительности, что оказалось «органичным выражением убеждений Аксакова» и открыло для искусства «новые формы единения с жизнью, а следовательно, и творческого постижения ее» [2, с. 17]. По словам Е. И. Анненковой, Аксаков выбрал в себя все благотворное (и достаточно разнородное), что могла представить ему русская история и культура конца XVIII и начала XIX века. «Наделенный страстным, увлекающимся характером, он в то же время оказался способным к синтезированию основополагающих начал жизни и культуры — может быть, потому, что в своем индивидуальном развитии прошел те этапы, которые являли собой некую норму. Его жизнь вместила две эпохи, имеющие общечеловеческий смысл, но окрашенный индивидуальными оттенками» [2, с. 20].

«Спрашивается: откуда возник этот талант? Чему обязан своим развитием? Как воспитался?», — задает вопрос в середине XIX столетия Н. П. Гиляров-Платонов [3, с. 42]. Критик указывает, что отрывок под названием «Буря» Аксакова был напечатан в 1834 году, из этого отрывка «виден талант, талант сильный; видно даже, что это талант — по преимуществу описательный». Не ведая того, Гиляров указывает на один из тех литературных источников, которыми питался талант С. Т. Аксакова. Это описательные жанры XVIII века, такие, как, например, опубликованная в любимом Аксаковым журнале «Детское чтение для сердца и разума» поэма Дж. Томсона «Времена года», где также приводились подробные описания годовых перемен в природе, зимней бури, весеннего цветения и пр. «...По отношению к XVIII столетию, к его художественному мышлению у нас особый долг — непонятости, неценности», — считает И. О. Шайтанов [9, с. 3].

Круг чтения будущего писателя определил его литературные вкусы и симпатии. Аксаков высоко ценил произведения прошлого. В числе авторов, которые им читались с «жадностью и увлечением», были А. П. Сумароков, М. В. Ломоносов, М. М. Херасков, В. В. Капнист, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, а также западноевропейские поэты, драматурги и романисты. В юношеские годы на Аксакова, по его собственному признанию, сильное впечатление производила сентиментальная проза. Все это своеобразно преломилось в его творчестве.

Сосед Аксаковых С. И. Аничков (бывший одно время депутатом дворянства) подарил мальчику книжки «Детского чтения для сердца и разума», первого в России журнала для детей

(1785—1789). Аксаков вспоминал: «Аничков, расспросив хорошенько, что я читал, как понимаю прочитанное и что помню, остался очень доволен; велел подать связку книг и подарил мне... о счастье!.. "Детское чтение для сердца и разума", изданное безденежно при "Московских ведомостях" Н. И. Новиковым» [1, с. 235].

Журнал «Детское чтение для сердца и разума» дал юному читателю особый внутренний заряд. Сам Аксаков в «Детских годах Багрова-внука» отмечал, что охоту к наблюдению за гнездами, собиранию трав, червячков, бабочек, букашек «и вообще к натуральной истории» укрепляли в нем книжки «Детского чтения»: «Мать рассказывала мне потом, что я был точно как помешанный: ничего не говорил, не понимал, что мне говорят, и не хотел идти обедать. Книжек всего было двенадцать, и те не по порядку, а разрозненные. Оказалось, что это не полное собрание "Детского чтения", состоявшего из двадцати частей» [1, с. 235].

Кроме «Детского чтения...», Аксаков упоминает еще журнал «Иппокрена, или Утехи любования», выходивший на самом рубеже XVIII—XIX веков (под редакцией П. А. Сохацкого) и знакомивший читателя с разнообразной картиной литературных стилей и жанров того времени.

Многие произведения, опубликованные в журнале «Иппокрена...», представляют собой лирическую прозу: небольшой объем, повышенная эмоциональность, обычно бессюжетная композиция, общая установка на выражение субъективного впечатления или переживания, особый прозаический ритм. Часто это зарисовки времен года: «Зимние явления», «Весна», «Мягкий» (Так!), «Прогулка» (1799, ч. 2), «Бабочка» (1799, ч. 3), «Зима» (1801, ч. 8), «Глас природы» (1801, ч. 9), «Сельское препровождение времени», сочинение Павла Львова (1801, ч. 9). П. Ю. Львов, яркий представитель сентиментального направления, известный своими сочинениями «Роза и Любим, сельская повесть» (СПб., 1790), «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки» (СПб., 1794) и др., был также автором произведений особенного жанра — элегия в прозе.

Немалое количество стихотворений в журнале было посвящено природе, среди них — «неподражаемый гимн "К четырем временам года"» Томсона. Однако лирическая проза более специфична для журнала, так, «Стихи в честь Томсона» (1800, ч. 7) переведены прозой, что было нередким явлением в то время.

Самые «частотные» жанры в журнале — идиллия и элегия (и в прозе, и в стихах). Четыре

идиллии «Меналк и Дамет» за прикровенной подписью переводчика, князя Шаликова (К. П. — Ш-въ) были помещены во 2 части за 1799 год; в 3 части с указанием «Из Леклерковых идиллий» и за той же подписью напечатаны идиллии «Филон» и «Мелида и Дафнис» без подписи. В 1800 году был опубликован перевод князя А. Голицына «Идиллия. Роща осенью», переводы Александра Зеленцова, а также идиллии «Дамон и Дафна», «Милон», «Дафнис», «Дамон и Филида» (1800, ч. 6), перевод идиллии Гете «Художник и крестьянка». В 9 части за 1801 год — «Лицид. Идиллия из Мильтона», сочинение Павла Львова, «Идиллия. Хвала Птолемею» и др.

Немало было представлено в «Иппокрене» переводных од, также в прозе.

Необходимо отметить, что с тематической точки зрения характерными для журнала были произведения, посвященные чувству дружбы и материнской любви: «Чувства матери» (1799, ч. 2), «Материнская любовь», сочинение Николая Ладыженского (1800, ч. 5) и др.

Таким образом, Аксаков вырос на почве литературы XVIII века. Знакомство с журналами минувшего времени, чтение русской и переводной литературы, знаменитые люди уходящей эпохи, окружавшие писателя на заре его литературной деятельности, любовь к театру — все это сформировало молодого Аксакова и, конечно же, отразилось в его творчестве.

Строй речи Аксакова, интонации, лексика восходят к стилю сентименталистских произведений, статей новиковского журнала «Детское чтение для сердца и разума», а также к сборнику исторических и этнографических материалов, издававшихся Н. И. Новиковым в 1773—1775 гг. под названием «Древняя Российская Вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства и другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других исторических и географических достопримечательностей, и многие сочинения древних российских стихотворцев, издаваемая помесечно Николаем Новиковым». Именно в «Вивлиофике...» была помещена «Книга, глаголемая урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути», любимая книга Аксакова, которую он с «умилением» и восхищением неоднократно упоминает в своих произведениях.

Журнал «Детское чтение для сердца и разума» во многом сформировал наклонности юного Аксакова, predetermined и род занятий будущего писателя, и его дальнейшую судьбу. В поэме Томсона «Времена года», помещенной в «Детском чтении» (перевод Н. М. Карамзина),

прозвучали судьбоносные для Аксакова строки: «Благословенное общество, мудрые и добродетельные мужи! посещайте всегда хижину мою в часы полунощного уединения и возбуждайте душу мою к важным размышлениям!.. Тишина, богиня уединения! Будь всегда привратником жилища моего и в священные часы не впускай ко мне никого, кроме некоторых избранных друзей, имеющих просвещенный разум, забавное остроумие и правдолюбивое сердце! С ними буду вникать в вечные законы природы, и по лестнице существ, от безымянного червя возноситься к Источнику жизни. Потом будем рассматривать нравственный мир, который хотя и кажется беспорядочным, однако же в самом деле мудрою рукою правится — рукою, обращающею все к общему благу» [4, с. 200].

Круг чтения как источник формирования личности, ее нравственных и эстетических воззрений — постоянный мотив написанных Аксаковым произведений о его семье, детстве и юности.

Описательности в своем творчестве придерживался и В. Н. Назарьев.

В отличие от многих современников, Назарьев отразил в своих очерках (а также рассказах, повестях, драмах) не только общие процессы, происходившие в русской жизни (и русской провинции в частности), но и свою личную судьбу. Его творческая установка — вести «постоянную летопись захолустной жизни» [5, л. 5 об.] — способствовала тому, что Назарьев писал в основном о том, в чем сам принимал непосредственное участие, была ли это военная или гражданская служба, общественная деятельность или впечатления от встреч с людьми, известными всей России.

Как и на С. Т. Аксакова, на В. Н. Назарьева большое влияние оказали отечественные журналы.

Вот, например, в очерке «В сельском затишье» цикла «Из симбирской старины» говорится о круге чтения отца писателя — Никанора Ивановича Назарьева. Овдовев в 1830 году, он вел жизнь свободного человека, бывая по зимам в Москве, Симбирске, а весну, лето и осень проводя в Аникеевке. В числе увлечений Никанора входили чтение, охота и театр.

В очерке «В сельском затишье», рассказывая об обычном времяпровождении отца в Аникеевке, Назарьев пишет: «После обеда отец доставал из библиотеки последнюю книгу «Отечественных записок» или «Библиотеки для чтения» и, забравшись в уголок турецкого дивана, читал до самых сумерек...» [7, 30 окт., с. 2—3].

Заведовал отцовской библиотекой конторщик Порфирий [фамилия нами пока нигде не найдена. — *Н. М.*], как отмечает Назарьев, «тщательно» заносивший «в большую тетрадь названия книг, то и дело разбираемых соседями, которых они никогда не возвращали, считая это излишним» [7, 2 нояб., с. 3].

Данный очерк интересен тем, что из него мы видим, как в семье формировались интерес к чтению у будущего писателя и основы либеральных взглядов. Очерк (как и многие другие произведения В. Н. Назарьева) в настоящем служит одним из источников по изучению реалий Симбирской губернии.

Как следует из биографии писателя, службу он начинал военным. Назарьев во многих своих произведениях описывает свои впечатления от службы и времени, свободном от учений.

После Крымской войны полк, в котором служил Валериан Никанорович, практически бездействовал. Будущий публицист много читал, занимался живописью. Впоследствии в автобиографии он вспоминал: «Мы прозябали в военном поселении, около Елисаветграда, и я, спасаясь от безделья, усиленно занимался чтением книг, а главным образом журналов, из числа которых более всего увлекался “Современником”» [5, л. 3]. Там же он начинает писать и свое первое произведение «Бакенбарды: очерки полковой жизни», которое отсылает в любимый «Современник».

В 1840—60-е гг. «Современник» был главной силой русской демократической журналистики. Н. А. Некрасов, редактор и соиздатель журнала с 1847 года, чуткий журналист и опытный редактор, одним из первых уловил наметившиеся перемены в общественных событиях. В условиях цензурных ограничений главная тема — крестьянский вопрос, помещичье землевладение, в «Современнике» решался оригинально: правдивое описание нравов и быта различных социальных слоев современного общества выявляло все противоречия двойственного (буржуазного по содержанию и крепостнического, феодального по форме) развития политико-экономического состояния России. Отсюда интерес редакции и привлечение авторов-бытописателей [8, с. 43—78]. Вполне в русле тематических исканий журнала оказались и «Бакенбарды» В. Н. Назарьева.

Журнал «Отечественные записки» (как упоминалось выше, выписывался отцом писателя), наряду с «Современником», был одним из наиболее последовательно демократических журналов России. В полувековой истории журнала,

одного из немногих русских журналов-долгожителей (1818—1884), запечатлены сложный путь становления и развития русской журнальной периодики, важнейшие этапы литературно-эстетической и общественно-политической мысли в России XIX века.

Отношения В. Н. Назарьева с русской журналистикой не ограничивались только чтением. Долгие годы Назарьев печатал свои произведения именно в периодических изданиях.

Как уже отмечалось, его литературный дебют, повесть «Бакенбарды», состоялся на страницах журнала «Современник» в 1858 году. В журнале «Отечественные записки» в 1862—1870 гг. были опубликованы назарьевские «Очерки с натуры» (1862—1864), «Наша сельская жизнь» (1865—1867), «У себя и на чужбине» (1865), комедия «Метель» (1867) и «Провинциальные типы нашего времени» (1870). В 1872 году началось сотрудничество В. Н. Назарьева с журналом «Вестник Европы». Здесь были опубликованы «Современная глушь» (1872, 1876, 1879, 1880), «История одной волости» (1884, 1886) и «Вешние всходы» (1898). В журнале «Исторический вестник» Назарьев опубликовал воспоминания «Жизнь и люди былого времени» (1890), очерк «На новую линию» (1900) и «В своем краю» (1902).

Кроме того, в «Иллюстрации» были напечатаны «Путевые заметки в Крыму» (1859), в «Библиотеке для чтения» — повесть «Инсепарабли» (1863) и в «Русской старине» — воспоминания о Венгерском походе 1849 года «За Австрию и против нее» (1894).

В региональных поволжских изданиях также публиковались очерки Назарьева: в «Волжском вестнике» были напечатаны воспоминания «На погибельном Кавказе» (1879), которые В. Н. Назарьев считал продолжением цикла «Современная глушь», «Последние могики» (1890) и «Из Симбирской старины» (1891). В «Симбирских губернских ведомостях» в 1894 году появились мемуары «Из весенних воспоминаний члена Симбирского училищного совета». Большая часть публикаций в «Симбирских губернских ведомостях», «Симбирской земской газете», «Казанском телеграфе», журнале «Городской и сельский учитель» и др. связана с земской и школьной деятельностью В. Н. Назарьева. Это отчеты о результатах инспектирования народных школ, о деятельности ссудо-сберегательных касс и приходских попечительств, заметки о театральной жизни Симбирска, некрологи и т. п. (хронологический список опубликованных произведений В. Н. Назарьева см.: [6]).

Таким образом, отечественные журналы оказали влияние и на литературные предпочтения В. Н. Назарьева и на всю жизнь оставались проводниками его жизненных наблюдений, установок, свидетельств внимательного и чуткого наблюдателя.

Конечно, в небольшой статье невозможно полностью раскрыть влияние отечественных журналов на мировоззрение и творчество писателей, но уже из указанных примеров видно, что влияние это было и сыграло свою роль и в выборе творческих установок, и в выборе жанров, и в тематическом выборе произведений.

Литература

1. Аксаков С. Т. Собр. соч. : в 3 т. / С. Т. Аксаков. — М. : Худож. лит., 1986. — Т. 1. — 574 с.
2. Анненкова Е. И. Творческий путь Сергея Тимофеевича Аксакова / Е. И. Анненкова // Аксаков С. Т. Собр. соч. : в 3 т. / С. Т. Аксаков. — М. : Худож. лит., 1986. — Т. 1. — 574 с.
3. Г-в (Гиляров-Платонов Н.). «Семейная хроника» и «Воспоминания», соч. С. Аксакова / Г-в (Гиляров-Платонов Н.) // Русская беседа. — 1856. — 1. Раздел «Критика». — С. 1—70.
4. Детское чтение для сердца и разума. — 1787. — Ч. XII. — 207 с.
5. Назарьев В. Н. Автобиография В. Н. Назарьева / В. Н. Назарьев // Рукописный отдел Института русской литературы. — Ф. 273 (Фонд П. В. Быкова). — Оп. 2. — Д. 20.
6. В. Н. Назарьев: библиография / сост. Н. В. Миронова // Библиография. — 2011. — № 3. — С. 155—159.
7. Назарьев В. Н. Из симбирской старины / В. Н. Назарьев // Волжский вестник. — Казань, 1891. — 26, 30 окт., 2, 3 нояб.
8. Ухалов Е. С. История русской журналистики XIX века / Е. С. Ухалов. Ч. II: Журналистика 50—60-х годов XIX века. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. — 125 с.
9. Шайтанов И. О. Мыслящая муза. Открытие природы в поэзии XVIII века / И. О. Шайтанов. — М. : Прометей, 1989. — 260 с.

DOMESTIC MAGAZINES AND THEIR INFLUENCE ON THE WORK OF S. T. AKSAKOV AND V. N. NAZARYEV

L. K. Ishkinjaeva

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
liya.ishkinyayeva.73@mail.ru

N. V. Mironova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
mirnatval@mail.ru

The article reveals the influence of domestic magazines on the formation of literary views and preferences of S. T. Aksakov and V. N. Nazaryev. Numerous author's references to books and magazines from the childhood era give a diverse picture of literary styles and genres. The legacy of S. T. Aksakov is associated with the 18th century. Acquaintance with magazines of that time, reading Russian and translated literature, being surrounded by wonderful people, love for the theater formed the young Aksakov as a writer. The magazine "Children's reading for the heart and mind" gave the young reader a special inner charge, determined in many ways the thematic and genre originality of his work. Descriptive genres are reflected in the works by V. N. Nazaryev. Unlike many of his contemporaries, the writer reflected in his essays not only the general processes taking place in Russian life, but also his personal destiny. In the essay "In the Rural Calm", we can see how the future writer showed an interest in reading and the foundations of liberal views. V. N. Nazaryev wrote mainly about what he himself was directly involved in, whether it was military or civil service, public activities or impressions of the meetings with people known throughout Russia.

The readership of future writers determined their literary tastes and sympathies. All this had a specific reflection in their works.

Key words: S. T. Aksakov, V. N. Nazaryev, Russian journalism, "Children's reading for the heart and mind", "Contemporary", "Notes of the Fatherland".

References

1. Aksakov S. T. (1986) *Sobr. soch.* [Collected works: in 3 volumes]. Moscow: Khudozh. lit., vol. 1, 574 p.
2. Annenkova E. I. (1986) *Tvorcheskiy put Sergeya Timofeevicha Aksakova* [Creative career of Sergey Timofeevich Aksakov]. Moscow: Khudozh. lit., vol. 1, 574 p.
3. G-v (Gilyarov-Platonov N.) (1856) "Semejnaja khronika" i "Vospominaniya", *soch. S. Aksakova* ["Family chronicle" and "Recollections", essays by S. Aksakov]. *Russkaja beseda*, (1), Chapter "Kritika" [Criticism], p. 1—70.
4. *Detskoe chtenie dlya serdtsa I razuma* [Childhood Reading for heart and mind]. Ch. XII, 1787, 207 p.
5. Nazaryev V. N. *Avtobiografiya V. N. Nazaryeva* [V. N. Nazaryev's autobiography]. *Rukopisnyj otdel Instituta Russkoy literatury*. F. 273 (Fond P. V. Bykova), op. 2, d. 20.
6. Mironova N. V. (2011) *V. N. Nazaryev: bibliografiya* [V. N. Nazaryev: bibliography]. *Bibliografiya*, (3), p. 155—159.
7. Nazaryev V. N. (1891) *Iz simbirskoy stariny* [Simbirsk olden time]. *Volzhskiy vestnik*, Kazan, 26, 30 October, 2, 3 November.
8. Ukhalov E. S. (1967) *Istoriya russkoy zhurnalistiki XIX veka* [History of Russian journalism of XIX century]. Ch. II: *Zhurnalistika 50—60-h godov XIX veka*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 125 p.
9. Shaytanov I. O. (1989) *Myslyashchaya muza. Otkrytie prirody v poezii XVIII veka* [Reflective muse. Finding nature in the poetry of XVIII century]. Moscow: Prometey, 260 p.

А. Г. Краева

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kraevalex@list.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Одной из центральных проблем современной нейронауки является проблема последовательности формирования когнитивных способностей человека в процессе генеза. Не менее важным является обозначение роли пластичности мозга как качества, обусловленного воздействием социокультурной действительности на мозг человека, уже несущего в себе генетически сформированные паттерны, формирование которых зафиксировано учеными уже в пренатальный период. Какова роль художественного познания в ряду когнитивных практик, если допустить, что интонационно-ритмические паттерны являются генетически первыми из всей совокупности иных, например, математических и лингвистических способностей, что подтверждается данными новейших исследований в области культурной нейронауки? Данная проблематика теснейшим образом связана с проблемой рациональности искусства. Отвлеченность традиционной гносеологии от антропологической, социокультурной размерности, абсолютизация субъект-объектного видения познания, предельная суженность абстрактно-гносеологической проблематики привели к осознанию необходимости ее реформирования, проявляющемуся не только в нетривиальных подходах к традиционным учениям и проблемам, но и в выработке новых методологических принципов, многие из которых, несомненно, плодотворны.

Ключевые слова: искусство, художественные когнитивные способности, культурная нейронаука, рациональность, интонационно-ритмические паттерны, пластичность мозга.

Обоснование ведущей роли художественного познания в формировании когнитивных навыков на самом деле имеет под собой многовековую традицию анализа искусства как дискурсивно-интуитивного феномена, ДНК которого дуалистично и представляет собой математически визуализированный образ. Это многократно зафиксировано еще античными мыслителями, красной нитью проходит сквозь всю эпистемологическую традицию — эпоху Средних веков, Возрождения, Нового времени вплоть до сегодняшнего момента, когда находит подтверждение как в сфере собственно философской — онтологии и гносеологии, так и в сфере трансдисциплинарной — культурной нейронауки.

Новое понимание соотношения научного и вненаучного предполагает осмысление феномена рациональности как такового, типов рациональности, а также соотношения рационального и иррационального. В связи с этим был выявлен так называемый социокультурный тип рациональности, характеризующийся обусловленностью научной деятельности социальными инсти-

тутами, определяющими ее формы и оценивающими их на основании конкретных социальных и культурно-исторических стандартов [5, с. 21—28], который позволил трактовать рациональность посредством антропологических характеристик субъекта и социальных условий его деятельности. Начиная с конца XX века рациональность становится понятием, отражающим границы конструктивной человеческой деятельности, лежащим в самом человеке и в создаваемом им мире [5, с. 76], что означает ограниченность каждого конкретного вида деятельности и невозможность автоматического наложения схем, норм и идеалов одного вида деятельности на другие сферы человеческой практики и позволяет утверждать многообразие типов рациональности и полифоническую структуру рационального освоения мира человеком.

В соответствии с тем, что мышление человека является разным не только в определенных исторические эпохи, но и в каждой конкретной области его приложения, А. А. Ивин выделяет два уровня рациональности — уни-

версальный и локальный [4, с. 158]. При этом универсальная рациональность предполагает соответствие требованиям логики и господствующего в каждую конкретную эпоху стиля мышления и действует только через локальную рациональность, определяющую требования к мышлению в конкретной частной области.

Глубинные изменения в сфере гносеологии в целом, а также пристальный интерес и всестороннее осмысление феномена рациональности привели к появлению целого ряда исследований о гносеологических закономерностях и об особенностях рациональности обыденного, мифологического и религиозного знания. Однако в отечественной философской традиции совсем небольшое количество работ посвящено выявлению познавательных функций и смыслов художественного творчества, логико-методологических оснований и рациональных особенностей искусства. Одной из причин данного обстоятельства является слишком узкая методологическая направленность большинства теоретических трудов по искусствознанию, которое в условиях отечественной традиции формировалось и эволюционировало в условиях практически полной изоляции от университетской науки, в отличие от западноевропейской традиции. Поэтому и философская проблематика искусства традиционно в России является предметом эстетики и рассматривается в соответствии с методологическими установками данной дисциплины в полном отрыве от меж- и трансдисциплинарных методологий.

Тем не менее дискурсивно-интуитивная специфика искусства больше не позволяет рассматривать его исключительно как мир чувственных ощущений и воображения. Данная позиция в рассмотрении искусства возможна для воспринимающего субъекта, для которого искусство может являться только источником эстетических переживаний, смыслов, направленных на удовлетворение его субъективных художественных потребностей. Благодаря постоянно осуществляющимся трансдисциплинарным исследованиям западноевропейских коллег внесены существенные коррективы в понимание такой фундаментальной формы познания, как ощущение. Выявлена его своего рода гетерогенность, когда чувственное познание является совокупностью не только образных, но и знаковых, а именно математических компонентов. Это в свою очередь повлекло за собой обоснование репрезентативного характера многих элементов и структур познавательной деятельности: «...чувственные модальности ощущений — звук,

вкус, цвет, ощущение тепла, холода и др., определяясь природой анализаторов, являются в то же время знаковыми обозначениями физической природы раздражителей, которая недоступна непосредственно чувственному познанию и раскрывается лишь опосредованно, логическими и теоретическими средствами» [8, с. 19].

Если рассматривать искусство объективно, с точки зрения науки, то в искусстве существенны не сами закодированные в произведениях эмоционально-субъективные смыслы, а всеобщее и объективное значение данного явления в целом и в основных характеризующих его свойствах, отличиях. Искусство как познавательная система представляет собой «структурно-семантическое запечатление в художественном мышлении и творчестве — *знания* (курсив мой. — А. К.) своего времени, пути познания и его предпосылок в мировосприятии, свойственных знаковым системам эпохи, в число которых входят «языки» искусства» [3, с. 17]. Таким образом, искусство как целостность имеет в себе две взаимообуславливающие составляющие — интуитивно-эмоциональное и интеллектуально-философское, логически осмысленное и организованное отображение реальности.

Теперь уже можно утверждать, что искусство в целом является образцом локальной рациональности в терминологии А. А. Ивина [4, с. 160], что обусловлено наличием в нем системы категорий и понятий, служащих координатами художественного мышления; специфическим, присущим искусству набором методов обоснования, применяемых в данной области и образующих определенную иерархию; наличием критериев создания и оценки, анализа художественных произведений; наличием определенной системы ценностей, а главное — присутствующим в каждом художественном произведении математическим ядром, системно организуящим любое художественное явление. Именно рациональная сторона искусства и обусловила появление, существование и эволюцию системы теоретического искусствознания.

В системе искусствознания методологически наиболее оснащенной на сегодняшний день областью является одна из его отраслей — музыкознание, располагающее наиболее значительным количеством развитых теорий и концепций. Одним из признаков рациональности музыкознания выступает его систематичность, выражающаяся в строгой иерархии уровней данной науки. Рациональная и эпистемическая ценность музыкального искусства определяется также его физико-математической природой.

Для характеристики рациональных особенностей музыкального искусства особой значимостью обладает понятие музыкально-теоретической системы, являющейся исторически сложившимся продуктом общественного сознания, который представляет собой целостную совокупность представлений о сложившихся в музыкальной практике закономерностях отбора и организации звукового материала, а также факторах, обусловивших эти закономерности [6, с. 11]. Это понятие не только суммирует данные специальных и прикладных музыкально-теоретических дисциплин, но также способно вывести их на высокий уровень абстракции, что позволит доказать на философском, гносеологическом уровне высокую степень рациональности музыкального искусства.

При анализе музыкально-теоретического знания необходимо принимать во внимание множественность форм связи теоретического знания с музыкально-художественной практикой. Единство теоретического и практического познания обусловлено сложностью отношений между практикой, теорией и объективной действительностью, которая является объектом познания для музыкально-художественной практической деятельности. Однако теоретическое музыкознание имеет своим объектом познания уже музыкально-художественные явления, то есть конечный продукт музыкально-практической деятельности как первого этапа познания действительности в специфической, художественной форме. Но это не означает, что музыкальная теория соотносится с объективной действительностью только опосредованно, через практику. Музыкальная теория является научно-познавательной деятельностью, а значит, в процессе этой деятельности осуществляется идеализация объекта исследования — в данном случае форм художественного отражения действительности. Данное свойство теоретического мышления обуславливает возможность возникновения в теоретических концепциях некоего идеала музыкальной практики.

В свою очередь, музыкальная практика дает образцы логически совершенных форм музыкального мышления, чем обуславливается рациональная сторона художественного творчества. В некоторых случаях композиторы сами описывают ход логических рассуждений и рациональную сторону создания произведения. Нередко это выливалось в написание специальных, теоретических трудов, обобщающих индивидуальный творческий опыт и представляющих собой индивидуальную концепцию творчества

(таковы, например, концепции О. Мессиаана, П. Хиндемита, К. Штокхаузена, Э. Денисова и др.). Эти концепции образуют исторически складывающиеся совокупности теоретического знания и, безусловно, должны рассматриваться как проявление не только субъективного, но и, главное, музыкально-теоретического мышления.

Очевидно, что в подавляющем большинстве случаев композиторы не оставляют дискурсивных обобщений своего практического опыта, однако произведения их творчества являют собой четкий образец логики художественного мышления. При этом музыковеду бывает достаточно просто описать данное явление в понятиях и категориях, принятых в определенную историческую эпоху музыковедческим эпистемическим сообществом, чтобы получить целостную, завершенную теоретическую концепцию. Доказательством подобных взаимосвязей между музыкальной теорией и практикой может служить сопоставление деятельности Ж.-Ф. Рамо и И. С. Баха. Проводя параллель между теорией Рамо и особенностями гармонического мышления в разных странах эпохи Барокко, Г. Пишнер пишет: «...проблема гармонии в это время была решена Рамо в первую очередь в сфере теории, в то время как Бах предпринял практическое решение в совершеннейшем, систематическом и наполненном глубоким идейным богатством "Хорошо темперированном клавире"» (цит. по: [6, с. 10]).

Таким образом, необходимо признать чрезвычайно важную, равнозначную интуитивной роль рациональных сторон художественного творчества. Более того, они являются проявлением и обусловлены господствующей в каждый исторический период парадигмой мышления. При этом следует отметить, что именно рациональный момент творчества — тот центростремительный вектор, который делает возможным не только осмысление в целостном общекультурном контексте произведения искусства, а также анализ завершеного произведения, но и, что доказано исследованиями в области нейронауки, организует художественное мышление субъекта в момент его написания (сочинения) художником, а значит, системно организует интуитивную, чувственную компоненту мышления, делая возможной его конкретную визуализацию, что позволяет наделять художественное мышление высочайшим когнитивным статусом.

Поиск и анализ конкретных нейробиологических детерминант когнитивной взаимообусловленности аналитических, вербальных и интуитивных навыков мышления на примере кор-

релятивных взаимосвязей математики и искусства в аспекте сопряженности концептуального осмысления современных (нейро)биологических открытий с идеями, предложенными в контексте энантизма и инкорпорированными из области нейрокогнитивных исследований в область искусствознания и математики (открытие феномена пластичности мозга), позволяет выявить нейрофизиологические детерминанты механизма художественно-когнитивного преломления ряда феноменов, имеющих математическую природу — фрактальное искусство, проективная геометрия Ж. Дезарга, живопись эпохи Возрождения, стереогноз в музыке, Евклидов ритм и ряд других [2].

Детальный и многоуровневый анализ феномена интонационно-слухового восприятия, начиная с самого раннего, пренатального периода онтогенеза, показал, что культура возбуждает определенные интонационно-ритмические слуховые паттерны, закрепленные в структурах мозга, которые играют важнейшую роль в формировании и функционировании когнитивных процессов, связанных отнюдь не только с художественным творчеством. Именно они оказываются ключевыми и, по сути, первичными предикторами целостной системы когнитивных способностей человека — аналитических, протоматематических, математических и лингвистических на самых начальных этапах онтогенеза (как в пренатальный, так и в постнатальный периоды).

В период раннего онтогенеза роль интонационно-знаковых моделей в процессе генезиса и развитии интеллектуальных когнитивных структур трудно переоценить, по крайней мере, в их языковой основе, поскольку это закреплено культурно во всех цивилизациях. Кроме того, это единственный (кроме тактильного) канал коммуникации матери и младенца, а шире — культуры и формирующихся нейрофизиологических структур и интеллектуальных функций младенца. А значит, механизм интонирования и синестезия при восприятии ритмической организации музыкальных интонаций — первоосновы музыки, являющиеся фундаментом, на который впоследствии опираются навыки вербального и абстрактного мышления. Именно музыка, а точнее, лежащая в ее основе интонационная природа уникальна и незаменима никакими иными когнитивными инструментами, а в период раннего онтогенеза является единственным доступным и эффективным способом реализации цели когнитивного, интеллектуального развития — способом накопления и формирования

врожденных генетических паттернов, которые впоследствии, в процессе взаимодействия с социокультурной средой, обуславливают качественные характеристики не только всей совокупности когнитивных способностей человека, но и его мировоззренческий тезаурус.

Кроме того, в исследовании удалось показать, что именно музыкальный интеллект во многом несет ответственность не только за неординарные способности человека к иным, различным видам искусства, качественные элементы которых как бы закодированы в музыкальных интонациях, в звучании музыки, что обусловлено пространственными эффектами музыки, ее колористическими свойствами, архитектурной и многообразием темброво-акустической и ритмической фактуры, которая является главным связующим звеном между смыслом, идеей и их восприятием ее другими людьми, но и за формирование эвристического потенциала относительно иных видов когнитивных видов активности: логико-математической, лингвистической и др.

Таким образом, генетические программы, образованные всей совокупностью паттернов слуховой стимуляции, воспринятых мозгом как в пренатальный, так и в постнатальный периоды онтогенеза, выполняют роль априорных, генетически предзаданных музыкально-слуховых когнитивных элементов. Это те врожденные нейронные механизмы, которые позволяют не только осознавать собственную принадлежность к определенной этнической группе, но и воспринимать музыку как механизм осмысленного и «направленного» когнитивного процесса, формирующего человека как представителя определенной культуры. Данные механизмы обеспечивают константность музыкально-слуховых предпочтений представителя того или иного этноса, а также характер (качество) музыкальных вкусов представителя определенной социальной группы [7].

Тем самым появляется возможность осмысления когнитивных процессов, связанных с музыкальным творчеством и его восприятием в терминах деятельностного трансцендентализма. Впервые в отечественной и зарубежной культурной нейронауке удалось скорректировать представления о соотношении априорного и апостериорного в познавательной деятельности, а также выявить конкретные грани и перспективы совместимости Кантианской программы исследований с формирующейся областью нейроэстетики. Культура воспроизводит себя посредством различных видов деятельности, включая музыкальную. С одной стороны, опре-

деленные нейроструктуры (модули) являются врожденными, а с другой — некоторые нейроструктуры формируются (в формате, например, «импринтинга») и/или видоизменяются в результате той или иной деятельностной активности. И те и другие между тем выступают предпосылками восприятия и препарирования реальности, отсылая исследователей их механизмов к прочтению идей об априоризме И. Канта в контексте современной нейронауки. Музыка оказывается важным компонентом целостной системы «мозг — социум — культура», роль которой особо значима на начальных этапах жизни человека. Именно данные паттерны выступают предпосылками восприятия и препарирования реальности, понимание природы и механизмов функционирования которых возможно в формате прочтения идей И. Канта об априоризме в контексте современной нейронауки, имея в виду трансцендентализм деятельностного типа.

Таким образом, путем выявления и анализа конкретной детерминанты формирования когнитивных способностей человека на самом раннем этапе онтогенеза — феномена музыкальности, понимаемой как совокупность интонационно-ритмических паттернов, выступающих в процессе нейрогенеза предикторами ряда важнейших когнитивных способностей, удалось показать, что именно данный феномен обладает статусом универсалии человеческого бытия, которая является первичным неотъемлемым нейрофизиологическим фактором формирования интеллекта, а именно аналитических, вербально-логических и лингвистических компонент мышления. Это в свою очередь позволило доказать особую значимость и высочайший статус искусства в процессе тех достижений современной нейронауки, которые обладают первостепенной важностью для развития эпистемологии, а именно в процессе переосмысления и трансформации принципа когнитивной универсальности субъекта познания, статуса «ситуационного» и «воплощенного» знания, ослабления позиции логоцентризма западной философской традиции и выработки оснований «гибкой» рациональности, обозначения границ деантропологизации знания и перспектив концепции экологии разума.

Анализ числовой природы ритмической компоненты врожденных онтогенетических структур дал возможность показать общие точки роста художественных, протоматематических и математических когнитивных способностей в процессе онтогенеза. Интонационно-слуховые паттерны имеют в своей структуре ритмический элемент, организующий интонационно-слуховую

информацию во времени. Есть достаточные основания полагать, что именно он является еще одним нейрофизиологическим механизмом, который отвечает за формирование так называемого интуитивного чувства числа у человека (Approximate Number Sense). Оно понимается как умение осознавать небольшое количество предметов, дискриминировать и сравнивать наборы объектов без использования символической числовой системы и точного подсчета, то есть не задействуя зрительные механизмы. Поэтому и закономерности типа Вебера — Фехнера, учитывая результаты исследований процессов шкалирования, вполне могут претендовать на статус универсальных, поскольку отражают реакцию едва ли не любых сложных когнитивных систем (включая, например, музыкальные) на внешние сигналы (стимулы, раздражители).

Предположение о существовании нейрофизиологических механизмов, которые при осуществлении целенаправленного восприятия всей совокупности звукового потока младенцем задействуют самые разные модусы мышления (интонационно-слуховые, пространственно-образные, а также формально-логические, вербальные компоненты) одновременно в рамках принципиально единого когнитивного пространства, дало нетривиальные результаты, достигнутые в понимании единства структуры когнитивного пространства. Они подтверждают, что для осуществления восприятия интонационно-слуховых импульсов и выработки соответствующих реакций («переживаний») мозг младенца обрабатывает образные, интонационные, ритмические и вербальные стимулы усилиями нескольких секторов и нейронных центров, независимо от фактора преобладания того или иного полушария головного мозга, в единой когнитивной зоне. Об этом свидетельствует, например, феномен синестезии.

Полученные результаты исследований дают основание предполагать вполне вероятную в дальнейшем существенную трансформацию ряда фундаментальных представлений эпистемологии, методологии и философии науки, а соответственно, интерпретацию процессов социокультурной, деятельностной и нейрофизиологической детерминации активности познающего субъекта, а также определяют перспективы совместности нейронауки с установками Кантианской программы исследований, что соответствует идее биокультурного со-конструктивизма (концепция В. А. Бажанова) [1].

На примере функционирования математических моделей как неотъемлемого структури-

рующего элемента когнитивного каркаса всей совокупности видов искусства, определяющего его дискурсивную специфику, проблема коэволюции науки и нерациональных сфер культуры, а также интегративной взаимосвязи когнитивных структур науки и искусства на уровне общекультурной эволюции познания находит решение в установлении факта взаимной нераздельной детерминации логико-аналитических компонент мышления и творческой интуиции. Таким образом, инкорпорирование идей нейронауки в область эпистемологии искусства трансформирует существующие представления о нейробиологической детерминации природы процесса познания как в области математики, так и в области искусства. Установление данной конгруэнтной взаимозависимости придает действительное значение априорным основаниям не только математического, но и художественного творчества с позиций феномена субитации («чувства числа», открытого S. Dehaene), нейробиологической детерминации фрактального искусства, закона «золотого сечения», проективной геометрии Ж. Дезарга в живописи эпохи Возрождения, феномена стереогноза в музыке, в основании которого лежат нейрофизиологические особенности мозга и нервной системы человека.

Подтвержденность в современной культурной нейронауке факта нейробиологической де-

терминации указанных особенностей познавательной деятельности в процессе математического творчества, в моменты инсайтов, осуществления открытий в области математики делает обоснованным поиск нового аспекта концепции психологизма, имея в виду психологическую (и онтогенетическую) нагруженность ее результата, а также дает основание показать осуществление подобной проекции основополагающих идей концепции трансцендентализма И. Канта на область формирующейся нейроэстетики, что соответствует идее биокультурного со-конструктивизма.

Данные результаты привнесли в настоящее исследование известную долю оригинальности, новизны и эвристичности, поскольку явились существенным продвижением в направлении одного из заявленных векторов проекта, связанных с исследованием механизмов функционирования креативного мышления и работы творческой интуиции, логики творчества и способов развития и тренировки креативного мышления. Это своевременный, закономерный и необходимый шаг на пути исследований в эпистемологии креативности (становление нейроэстетики), философии научного поиска и исследовании феномена гениальности, а также в разработках по созданию искусственного интеллекта.

Литература

1. Бажанов В. А. Социум и мозг: биокультурный со-конструктивизм / В. А. Бажанов // Вопросы философии. — 2018. — № 2. — С. 78—88.
2. Бажанов В. А. Музыка под углом зрения биокультурного со-конструктивизма / В. А. Бажанов, А. Г. Краева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2020. — № 56. — С. 85—98.
3. Бергер Л. Г. Эпистемология искусства / Л. Г. Бергер. — М. : Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. — 432 с.
4. Ивин А. А. Рациональность [Обсуждаем статью «Рациональность»] / В. П. Филатов, А. Л. Никифоров, А. А. Ивин, В. Н. Порус / А. А. Ивин // Эпистемология и философия науки. — 2005. — Т. II, № 2. — С. 153—167.
5. Касавин И. Т. Рациональность в познании и практике : критический очерк / И. Т. Касавин, З. А. Сокулер. — М. : Наука, 1989. — 192 с.
6. Котляревский И. Музыкально-теоретические системы европейского искусствознания. Методы изучения и классификации / И. Котляревский. — Киев : Музична Україна, 1983. — 158 с.
7. Краева А. Г. Роль интонационно-слуховых паттернов в развитии когнитивных способностей человека / А. Г. Краева // Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия. — 2020. — № 1(51). — С. 16—31.
8. Микешина Л. А. Новые образы познания и реальности / Л. А. Микешина, М. Ю. Опенков. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. — 240 с.
9. Мозгот В. Г. Музыкальный импринтинг как фактор проявления ранней художественной одаренности личности / В. Г. Мозгот // Мир психологии. — 2016. — № 5. — С. 176—185.
10. Минков Е. Г. Мотивация: структура и функционирование / Е. Г. Минков. — Дубна : Феникс, 2007. — 416 с.

ARTISTIC KNOWLEDGE AS A BASIS FOR FORMATION OF HUMAN COGNITIVE ABILITIES

A. G. Kraeva

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kraevalex@list.ru

One of the key problems of the modern neuroscience is the succession of forming the cognitive abilities of a person during genesis. Not least important is determining the role of brain plasticity as a grade stipulated by the influence of social and cultural reality on the person's brain, that already involves genetically formed patterns. The formation of such patterns has already been evaluated by the scientists during the pregnancy. What is the role of artistic cognition in series of cognitive techniques presuming that intonational-rhythmic patterns are genetically the first of the complex of others, for instance, numeracy and linguistic skills, that is suggested by numerous researches in the field of cultural neuroscience? Such problematics is closely connected with the issue of rationality of culture. The abstractedness of traditional gnoseology from anthropological, social and cultural dimension, absolutization of subject and object image of cognition, ultimate narrowness of abstract-gnoseological problematics led to the perception of necessity of its reformation, manifested itself as both substantive approaches to the traditional learning and problems and the creation of new methodological principles many of which are undoubtedly productive.

Key words: art, artistic cognitive abilities, cultural neuroscience, rationality, intonation-rhythmic patterns, brain plasticity.

References

1. Bazhanov V. A. (2018) Sotsium i mozg: biokulturnyj so-konstruktivizm [Society and brain: biocultural co-constructivism]. *Voprosy filosofii*, (2), p. 78–88.
2. Bazhanov V. A., Kraeva A. G. (2020) Muzyka pod uglom zreniya biokulturnogo so-konstruktivizma [Music in the view of biocultural co-constructivism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (56), p. 85–98.
3. Berger L. G. (1997) *Epistemologiya iskusstva [Epistemology of art]*. Moscow: Russkiy mir, 432 p.
4. Ivin A. A., Filatov V. P., Nikiforov A. L., Porus V. N. (2005) Obsuzhdaem statyu «Ratsionalnost» [We are discussing the article "Rationality"]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. II, (2), p. 153–167.
5. Kasavin I. T., Sokuler Z. A. (1989) *Ratsionalnost v poznanii i praktike: Kriticheskiy ocherk [Rationality in cognition and real practice: critical reflection]*. Moscow: Nauka, 192 p.
6. Kotlyarevskiy I. (1983) *Muzykalno-teoreticheskie sistemy evropeyskogo iskusstvovznaniya. Metody izucheniya i klasifikatsii [Musical-theoretical systems of European art studies. Methods of studying and classification]*. Kiev: Muzychna Ukraïna, 158 p.
7. Kraeva A. G. Rol intonatsionno-sluhovyykh patternov v razvitii kognitivnykh sposobnostey cheloveka [Role of intonational-hearing patterns in the development of cognitive abilities of a person]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, ser. Filosofiya*, 1(51), p. 16–31.
8. Mikeshina L. A., Openkov M. Yu. (1997) *Novye obrazy poznaniya i realnosti [New images of cognition and reality]*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 240 p.
9. Mozgot V. G. (2016) Muzykalnyj imprinting kak faktor proyavleniya ranney khudozhestvennoy odarennosti lichnosti [Music imprinting as a factor of manifesting the early art genius of a person]. *Mir psikhologii*, (5), p. 176–185.
10. Minkov E. G. (2007) *Motivatsiya: struktura i funktsionirovanie [Motivation: structure and functioning]*. Dubna: Feniks, 416 p.

А. В. Марков

Российский
государственный
гуманитарный
университет
(г. Москва, Россия)
markovius@gmail.com

**КРИТИКА ЖАНРОВОГО ИЗУЧЕНИЯ ЖИВОПИСИ
В ТРУДАХ А. В. МИХАЙЛОВА**

Михайлов А. В. был известен как ведущий советский филолог-германист, толковавший явления немецкой литературы XIX века в культурологической перспективе. Но он был и оригинальным теоретиком живописи, создавшим собственную теорию живописных жанров, основанную не на предмете репрезентации, стиле или обычае, а обособляющую разные жанры как разные попытки преодолеть кризис репрезентации и стиля. Работы А. В. Михайлова из-за множества культурных контекстов требуют специальной интерпретации: так, для понимания натюрморта привлечен анализ связи натюрморта, портрета и средневековой метафизики, предпринятый его коллегой и другом С. С. Аверинцевым. Также устанавливается его близость к М. А. Лифшицу по вопросу о недостаточности принципа удовольствия для создания репрезентации. Реконструируется общая схема теории жанров живописи А. В. Михайлова, который настаивал на корреляции классического принципа мимесиса и «хоры» как понимания пространства и на существовании альтернативных и взаимодополнительных логик интерпретации отдельных произведений искусства после распада классического мимесиса. Эти логики подчиняются метаязыку, который Михайлов понимает в противоположность структурализму не как статическую, а как динамическую конструкцию. Индивидуальные черты жанров оказываются результатом не мимесиса, но, напротив, уклонения от чрезмерно поспешного миметического решения в пользу социальной рефлексии, которая не принадлежит только художнику или произведению, но возникает как коммуникативная ситуация в ходе историзации самого живописного искусства.

Ключевые слова: живопись, жанры живописи, герменевтика, портрет, пейзаж, натюрморт, Ренессанс, романтизм, реализм, Аверинцев, Лифшиц, А. В. Михайлов.

Александр Викторович Михайлов (1938—1995) известен как один из ведущих специалистов по немецкой литературе и как теоретик культуры. Основной его заботой была не столько историчность культуры, сколько процедуры историзации [9, с. 30], как именно культура себя выстраивает в качестве исторического факта. Такое динамическое понимание культуры потребовало от ученого иначе понимать язык, чем это делается в традиционном структурализме, видя в метаязыках не создание более точной и устойчивой системы, но, напротив, некоторую более расплывчатую оптику — ведь гуманитарные науки не оперируют только терминами, а скорее символами и усложненными понятиями, так что метаязык выражает не столько нормирование терминов, сколько динамику символических смыслов различных языков гуманитарных наук [2, с. 222].

Таким образом, метод А. В. Михайлова подразумевает не столько реконструкцию понятий, позволяющих нам интерпретировать литературу, музыку или живопись предшествующих эпох в соответствии с культурными установками того времени, сколько исследование той динамики развития культурных форм, в которой появлялись эти понятия. В музыковедении Михайлова каждая музыкальная вещь объяснима как звено в цепочке достаточных для развития музыкальной культуры произведений в данную эпоху [8, с. 410], поскольку понятий данной эпохи достаточно для интерпретации музыкальной новации, но живописные жанры не вмещаются для Михайлова в границу одной эпохи. Поэтому при анализе живописи ему было важно не как вещь встроена в цепочку интерпретаций, а как она внутри процедур существования на холсте становится вещественной.

Для теории А. В. Михайлова, как и его коллег, прежде всего С. С. Аверинцева, несомненно влияние А. Ф. Лосева, создателя своеобразной платонической культурологии, объясняющей не только влияние идеи на вещь, но и такое же, оставляющее след и отпечаток, влияние одной философии на другую философию [10, с. 82]. Просто для Михайлова философская гипотеза Лосева о роли платонизма в культуре стала методом работы с материалом, противопоставляющим систематизации понятий и форм поведения более общие режимы созерцания саморазвертывающихся культурных принципов.

Этот метод вполне проявился в рассуждениях ученого о привычных жанрах живописи, как портрет, пейзаж и натюрморт, не как о выражении некоторых идей о природе, но как о продуктах секуляризации оптики, результатом которой становится совпадение эффекта наслаждения и эффекта реальности. Так, Михайлов, разбирая один из разговоров Эккермана с Гёте [4, с. 125], указывает на момент антиисторизма Эккермана, предшествующий утверждению канонического историзма XIX века: Эккерман указал своему учителю на пейзаж Рубенса как на живой, отличающийся предельным жизнеподобием и как будто выполненный самой природой. Здесь Эккерман не просто выносит за скобки все барочные конструкции, важные для Рубенса и имеющие автономный смысл; он принимает версию одушевленности природы, которая тем самым как будто уже располагает передаваемым нам композиционным мышлением. Гёте удачно ответил Винкельману, что на самом деле природа не умеет быть поэтичной, иначе говоря, у природы нет такого устройства памяти, которое есть у живописца, который, вспоминая те или иные элементы и образы природы, вдохновенно отдает мгновенный приказ, исполняемый сразу же кистью. Таким образом, поэтичность для Гёте — прежде всего особое устройство памяти, позволяющее легко переносить образы на холст, особое созерцание всего памятного, которое и при своем воплощении обгоняет технические ухищрения.

Хотя в цитируемой статье Михайлова примеры и образы слишком заслоняют теоретическую схему, так что ее не сразу можно разгадать, его позиция реконструируется, если мы будем учитывать общий его метод. Если эффект реальности в связке с эффектом удовольствия поддерживается только поэтической памятью отдельного живописца, то тогда то самое молчаливое равновесие оказывается неустойчивым — Михайлов заметил, сколь неустойчивой

была реалистическая живопись с ее конфликтом идеализации и репрезентации [4, с. 136].

Поэтому наш исследователь предложил такую схему для понимания живописных жанров: изначально система живописных жанров подерживалась классическим представлением о месте, «хоре» [4, с. 134], которое до конца не может быть отторгнуто от вещи, которое и составляет ее уместность. Но пространственное мышление зрителя уже современного, далекого от античного типа культуры, не подразумевает принятия таких пространств. Поэтому появляется другая механика порождения живописных жанров: связывание вещей и их расстановка с помощью некоторого «синтаксиса», той связи вещей, которая и может заменять эту поэтическую память.

Где живописец принимает этот новый образ пространства, там и возникает романтическая живопись, как у Каспара Давида Фридриха, обособляющая отдельные вещи природы и искусства внутри некоторого *воздуха*, где иллюзия естественности пространства и создает иллюзию простора вещей. Если во времена «хоры» в античной и вообще классической культуре, пишет Михайлов [4, с. 129], проблемой были сами вещи, то для романтической живописи вещи не являются проблемой, проблема — только синтаксис вещей внутри жанра, иначе говоря, та композиционная инерция, которую надо преодолеть. С точки зрения новой оптики старый натюрморт, будь то античный помпейский или фламандский, слишком заполнен вещами, слишком переполнен, и реформа романтизма состоит не в том, что он заменил некоторую принудительную композицию свободной, а в том, что любая композиция была понята как принудительная, и только определенная работа с пространством может разрядить эту обстановку.

При этом с утратой «хоры» перестает быть проблемой синтаксис вещей, осуществляемый независимо от жанров, как осуществлялось перспективистское мышление с эпохи Возрождения. В эпоху романтизма оно начинает пониматься как естественное, как часть выучки живописца, а не стоящая перед ним задача. Вещь тогда становится проблемой в том смысле, что окончательно теряет себя, как в реализме, где ее репрезентативность растворяется в ожиданиях увидеть некоторое органическое целое, пережить картину вообще, а не отдельные вещи на ней. Таким образом, для А. В. Михайлова история искусства XIX века — это история по сути опережающих ожиданий зрителя вместе с неко-

торой утратой той поэтичности, о которой мечтал Гёте.

Михайлов развивает мысль Аверинцева [1, с. 381], который тоже говорил о своеобразной секуляризации как причине появления жанров с их эффектами наслаждения. Согласно Аверинцеву, натюрморт был одним из полюсов самоопределения новоевропейской живописи, другим полюсом были портреты. Последние всегда возвышали героя, создавая антураж и декорируя само появление героя, даже если он появляется так, что сидит перед нами, и декор поэтому никак не обоснован логикой сцены. Полюса оказываются разнесены и географически, представляя собой форму и судьбу двух разных возрождений, итальянского и северного. Натюрморт, наоборот, не декоративен, а предметен, он сам создает сцену, будучи частью обстановки. Предмет в натюрморте не расходует свой ресурс на поддержание сложного декора композиционного целого, но, напротив, оказывается частью обстановки как будто жанровой сцены, обеспечивающей спокойствие более сложным воображаемым сценам.

Иначе говоря, в рассуждении Аверинцева портрет итальянского маньеризма поддерживает объективное воображаемое, роскошь, которая если не умещается на холсте, то лишь в силу композиционной уместности, тогда как голландский натюрморт — наоборот, субъективное воображаемое, которое требует переходить от эмоции спокойствия при виде низких вещей к полю, где субъект сам только и найдет себя уместным. Но Аверинцев ищет в живописи место, где воображаемого нет, и находит это у Ван Эйка, где обстановка дома не декоративная, но и не бытовая, и существует в том режиме, в котором существуют вообще удачные сочетания. «Таинство бытия молчаливо живет в них, так же, как в собачке, ничуть не меньше, чем в самих супругах Арнольфини; и через них знаменуется некий частный вид этого таинства, а именно таинство брака» [1]. Здесь Аверинцев и увидел метафору средневековой эстетики, для которой способность вещи к бытию и была способностью к доброкачественности. Именно эта картина вызвала колебания Лотмана, речь ли о саморазоблачении живописной иллюзии или о ее намеренном создании [7, с. 305, сноска 50], тогда как метод Аверинцева подразумевал, что любая живописная иллюзия разоблачена самими процедурами развертывания субъективного или объективного чувства при виде живописи.

Таким образом, вывод и Михайлова, и Аверинцева прост — живописные жанры возникают

не как способы простой классификации, не как соответствия «терминам» в науке, но как динамические образования, позволяющие внутри них возникнуть или угаснуть той или иной подлинности: подлинности переживания пространства, подлинности ощущения того, что вещь сбылась прямо здесь и сейчас, или подлинности убеждения, что твой декор (честь) вполне достойны тебя. Как только эти динамические образования перестают выводить само «таинство бытия», как только поэтическая память перестает распоряжаться всеми возможными видами репрезентации, опережая различные их жанровые отложения, так оказывается необходимым закрепление отдельных жанров как создающих эффект удовольствия, свидетельствующий о наличии в мире некоторых прямых эффектов реальности.

Такое понимание закрепления жанров, как блокировавшего скорое поэтическое воображение ради взаимодействия искусств в длении эффекта удовольствия и эффекта реальности, проявилось во многих статьях А. В. Михайлова. Так, анализируя перевод Фетом знаменитого стихотворения Шиллера «Боги Греции», Михайлов заметил, что Фет уже был достаточно равнодушен к тем устойчивым, называемым по именам фигурам, которые и делали античную мифологию способом проверить подлинность поэтического вдохновения, насколько действия современного поэта похожи, например, на действия Орфея. Иначе говоря, Фет, будучи почитателем Гёте, уже не придерживался программы Гёте, высказанной Эккерману. Комментируя строку

Загрустя, повымерли долины
(в оригинале: *Ausgestorben trauert das Gefilde*),

Михайлов заметил, что «едва ли ошибемся, если скажем, что в этой строке сказался самый интимный, самый задушевный опыт русского восприятия природы во второй половине XIX века, — для пушкинской поры это стих слишком теплый и почти недопустимо личный; это восприятие природы после Первой симфонии Чайковского, и такой стих прекрасно подошел бы к ней, коль уж скоро композитор подыскивал для ее частей поэтические эпиграфы» [6, с. 439]. Эмоциональный стиль Чайковского выражается в поэзии в том, что аффективно насыщенное употребление одного слова, его как бы многогранная метафоризация, приводит к переносному употреблению соседнего слова — мы уже не созерцаем мертвую долину буквально как засохшую и напоминающую о смерти, а,

напротив, смотрим, как долины могут не быть мертвыми и не быть грустными в нашем смысле, только играя на наших глубинных эмоциях и ассоциациях. Перед нами возникает именно автономия пейзажа, как могла бы в другой строке возникнуть автономия портрета или натюрморта.

Вскоре после статьи о натюрморте Михайлов опубликовал интересное послесловие (подписав его инициалами) к републикации рецензии М. А. Лифшица, ведущего советского эстетика-неомарксиста, на путевые дневники Мариэтты Шагинян [3]. Рецензию Лифшица Михайлов, публицистически преувеличивая, называет единственной «хорошо и прочно забытой» [5, с. 168] работой философа (хотя как раз наоборот, она, будучи опубликована в 1954 году в «Новом мире» Твардовского, наделала много шума), но видит в ней текст исключительно актуальный для перестройки, некоторую инструкцию для починки системы управления. Михайлов увидел в статье Лифшица то, что мы бы назвали позитивной самоцензурой: умение не говорить о многом, о чем говорить нельзя, но не с целью скрыть главную мысль, а с целью объявить ее так, что сам текст кричит именно об этом. Эта мысль и была выявлена Михайловым как публицистом, а не критиком: крайний упадок самой системы управления, то состояние принятия решений в 1954 году, которое вполне было достойно такого восторженно-нелепого активиста, как Шагинян.

Получается, что Лифшиц, не имея возможности критиковать былые методы управления хозяйством, останавливаясь на тексте Шагинян, выступает обличителем в самый момент отказа от социально-политической контекстуализации рассматриваемого текста: «На статье М. А. Лифшица лежит след эпохи и ее условностей: автор словно не замечает и не чувствует того, что кричащая безответственность досужей сочинительницы была вполне достойна ее окружения, — если только верно, что равное стремится к равному. Ложная восторженность порождалась ложью жизнеустройства и слепо и самодовольно ее воспроизводила. <...> М. А. Лифшиц как бы не замечал знаменательного схождения писателя-дилетанта с его обществом. Но вместе с тем общество — то, которое достойно этого писателя и которое произвело его на свет и бессознательно сформировало, воспитало, — ясно видно в облике такого писателя» [5]. Тем самым текст Лифшица показывает, как непозитивная попытка воспроизвести поэтический мимесис приводила не к выявлению, а к смешению жанров. Сам дневник — это смешанный жанр, но и ос-

новная идея книги Шагинян — возможность силой мысли переделывать природу вокруг и природе человека, перевоспитывать других и себя, напоминая биологию Т. Д. Лысенко, — оказывалась для него прежде всего примером беспомощности.

Пафос рецензии Лифшица был направлен против главной мысли Шагинян — способности техники усиливать чувство природы, когда, например, колхозник, увидев трактор на гусеничном ходу, становится внимательнее и к гусеницам, и к коням, начинает с большой эмпатией замечать в животном мире то, что увидел реализованным в технике [3, с. 161]. Способность техники быть почти живой, яростной, приобретать свой характер оказывается той миметической петлей, которая захватывает явления, до этого понимавшиеся плоско и морально. Лифшиц отвергает такие построения, просто указывая на ограниченность природных метафор, применяемых к технике: например, гусеничный ход подразумевает просто движение цепи, но не те упругие движения и замирания, которые проделывает гусеница и которыми любит сама Шагинян, а лошадиная сила связана с использованием лошадей на шахте, промышленным их угнетением, а вовсе не их красотой и разворачиванием природных возможностей.

Само название книги Шагинян, говорившее не о предметном опыте, а о жанровом каноне, определяло содержание: это обработанный дневник командировок писательницы-активистки, которая знакомилась с современными отраслями хозяйства и делала замечания, почему само развитие этих отраслей стало возможно. В этом «Дневнике писателя» ничего не говорилось о проблемах хозяйства: недостатки как управления и организации производства, так и исполнения распоряжений на местах оказывались не так значимы в сравнении с произошедшим впечатляющим становлением производства в разных сферах, включая сферы наибольшей близости человека с природой. Предметом книги было только экспертное знание: как агрономы, инженеры шахт, специалисты по питанию определяют развитие отрасли, позволяя отраслям работать не хуже, чем работает природа как таковая. Таким образом, позиция Шагинян как бы зеркально противоположна позиции Гёте — у нее поэтическим вдохновением обладает природа, способная сцепить природные и человеческие достижения в ту композицию, в которой всё обоснованно заработает.

Работа отрасли мыслилась двояко — как ее успех, повышение надоев или добычи и как об-

живание, способность людей породниться с этой отраслью и обеспечить мирный быт людей, служащих этой отрасли. Интересно, что при этом патетических лозунгов и штампов в этой книге немного, поскольку суждения экспертов определяют содержание жизни каждого очередного посещаемого города или колхоза, и считывание этих суждений заменяет знакомство с лозунгами. В дневниковом изложении эффект успеха возникал сам по себе: всегда можно было спросить эксперта в специально запланированном интервью или случайном разговоре, который объяснил бы, благодаря чему надои повысились. Тогда как обживание тайги или шахты было уже проблемой, и здесь писательница и видела возможности для своего вмешательства — давая советы, одобряя энтузиазм и энтузиастические произведения, другими словами, создавая ту сетку речевых иллюзий, уже не принадлежащих только ей самой, которая делает любое движение внутри быта закономерным обживанием быта, например, упорный труд без выходных, и позволяет просто жить, а не подчиняться регламентам будней и выходных. Таким образом, в книге Шагинян создавался режим, противоположный «хоре», — именно люди, обживающие землю, только и создавали эту «хору» для отдельных своих вещей и чувств, чтобы потом всякая попытка наслаждаться природой и поймала их в миметическую петлю трудового энтузиазма — Шагинян этот режим одобряла, тогда как для Лифшица этот энтузиазм всегда был направлен только на частности, на отдельные жанры. Например, когда Шагинян пишет, что здание МГУ на Воробьевых горах вдохновляет на полет, рецензент сразу обвиняет ее и в покушении на человеческие чувства, заявляя, что ему не очень хочется чувствовать себя в здании как в самолете и указывая на привилегии жителей пятиэтажек, которым тоже хочется летать и быть людьми будущего [3, с. 156]. Иначе говоря, он противопоставляет миметической петле анализизм, показывающий, как возникает в искусстве уместность (как себя чувствуешь в здании), но и как возникает жанровое мышление, в котором есть сцены, в духе жизни обитателей пятиэтажек, которые не могут быть сведены к расширенно понятой поэтической мечте, но требуют своего собственного разыгрывания.

Чтобы сделать режимы тотального вдохновения оправданными внутри повествовательного целого, совместимыми с неизбежной небрежностью и спешностью дневниковых путевых заметок, писательница-активистка постоянно указывала на то, что люди уже вовлечены в при-

родную жизнь, что люди, работая с техникой и изобретая ее, постоянно подражают природе, и значит, если понять законы работы техники совместно, в разговоре с этими людьми, тогда состоится настоящее понимание природы и причастность ей. Например, для подъема машины колеса обвязывают цепями, это позволяет ей двигаться вверх по скользкой поверхности с ловкостью животных [3, с. 147]. По сути, Шагинян пишет о миссии техники; и опять же вместо развернутых сравнений часто в наречиях или междометиях, всех этих «ловко» и «умело», и выражается эта мысль о стремлении техники подражать природе, благодаря чему энтузиастичные пользователи техники и могут участвовать в самой природной жизни, если они вовремя будут артикулировать связанные с этим переживания. Но где Шагинян видит природу, там ее рецензент видит пейзаж, попытку создания некоторого разделяемого удовольствия от природы, в котором общение людей и позволит ввести какие-то отдельные технические новации. Тогда как для Лифшица такие новации оказываются надуманными или принадлежащими уже имеющимся терминологическим порядкам, например, знанию сопротивления материалов, иначе говоря, перед ним заблуждение Эккермана о Рубенсе в худшем виде.

Михайлов говорит, что и книга Шагинян, и критика Лифшица стали возможны именно из-за того, что в 1954 году еще были разделяемые представления о том, как нормально руководить экономикой, которые Шагинян атакует своим эмоциональным напором, а Лифшиц ожидает от читателей его рецензии. В последующие годы, согласно Михайлову, система управления стала деградировать так, что оказалась вполне достойной такой литературы, — разрыв между нормой и эмоцией оказался преодолен общим волонтаризмом и самодурством управления, которому и отвечала очерковая литература обо всем и ни о чем. «Произошло следующее — такому писателю стало легче жить; с него сняли и страх, и последнюю дозу писательской, опять же профессиональной ответственности. Писателю, так настроенному и так направившему свое творчество, стало проще узнавать себя в своем (достойном его) обществе и наоборот. Давивший культуру ужас исчез в своей непосредственности, но культура продолжала падать, снижаться» [3]. Это ключевые слова рассуждения А. В. Михайлова — культура, которая была заморожена страхом, в какой-то момент оправляется от этого страха, но ценой полного собственного распада, и здесь любое искушение дей-

ствует уже не просто как соблазняющее, а как разрушающее.

Итак, для Михайлова текст Лифшица важен тем, что показывает, как бесстыльность и безответственное письмо стали идти бок о бок со столь же самонадеянным и самовлюбленным управлением, не способным к артикуляции действительных проблем, к их высвечиванию; иначе говоря, каким образом язык научился обходиться без того самого динамического метаязыка эстетики, который и позволяет узнать, при каких условиях обособились отдельные жанры, такие как пейзаж. Поэтому послесловие А. В. Михайлова заканчивается вполне перестроенной риторикой тревожного обличения с требованием принять неотложные меры: «М. А. Лифшиц показал симптом страшных недугов, овладевших обществом» [там же], таких как самонадеянность, иллюзия всезнайства, неумение согласовывать решения и организовывать экспертное взаимодействие, другими словами, неумение как бы населять мир природы, видеть, какому именно субъекту доступен такой-то пейзаж или такой-то портрет.

Таким образом, А. В. Михайлов, анализируя границы мимесиса, установил корреляцию меж-

ду миметическим принципом и «хорой», что и позволило ему отвергнуть ложные способы мимесиса, в частности, солидаризуясь с М. А. Лифшицем по вопросу о том, могут ли комбинированные жанры, такие как путевые заметки, различить домены природной и социальной жизни. Автономия видов живописи для него не результат специфики заказов, а результат кризиса той связки принципа реальности и принципа удовольствия, которая в классической программе поддерживалась системой риторических условностей. На место этой связки приходит корреляция жанрового самоопределения и этической позиции, возникающей в результате взаимодействия паттернов искусства и замыслов художника, и эта корреляция поддерживается энергией распада классических режимов репрезентации. Появляются новые режимы репрезентации, каждый из которых получает свой смысл в гуманитарных науках только тогда, когда мы понимаем поэтическое усилие, основанное на памяти и воображении, не как индивидуальное усилие, но как единственный эффект метаязыка, единственное его непосредственное практическое приложение к конкретному материалу.

Литература

1. Аверинцев С. С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики / С. С. Аверинцев // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. — М. : Наука, 1975. — С. 371—382.
2. Андреюшкина Т. Н. Восприятие и развитие идей А. В. Михайлова российскими учеными / Т. Н. Андреюшкина // Филологический класс. — 2019. — № 2(56). — С. 220—224.
3. Лифшиц М. А. Дневник Мариэтты Шагинян / М. А. Лифшиц // Контекст 1989. — М. : Наука, 1989. — С. 129—167.
4. Михайлов А. В. Судьба вещей и натюрморт / А. В. Михайлов // Вещь в искусстве. — М., 1986. — С. 125—139.
5. Михайлов А. В. [Послесловие к публикации] / А. В. Михайлов // Контекст 1989. — М. : Наука, 1989. — С. 168—169.
6. Михайлов А. В. А. А. Фет и Боги Греции / А. В. Михайлов // Михайлов А. В. Обратный перевод. — М., 2000. — С. 422—443.
7. Сечин А. Г. Иконическая риторика в картине Александра Иванова «Иосиф, толкующий сны заключенным с ним в темнице виночерпию и хлебодару» / А. Г. Сечин // Искусствознание. — 2015. — Т. 1, № 1-2. — С. 278—307.
8. Чигарева Е. И. Слово и музыка в трудах А. В. Михайлова / Е. И. Чигарева // Традиции и перспективы искусства как феномена культуры. — М., 2016. — С. 403—412.
9. Юрченко Т. Г. «Историческое движение подчиняет искусство своему языку...»: новый историзм А. В. Михайлова и проблемы науки о литературе / Т. Г. Юрченко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. — 2020. — № 1. — С. 28—35.
10. Юстина К. Роль А. Ф. Лосева в формировании взглядов С. С. Аверинцева на русско-византийские культурные связи / К. Юстина // Соловьевские исследования. — 2017. — № 3(55). — С. 78—87.

**CRITICISM OF THE GENRE STUDY OF PAINTING IN THE WORKS
OF A. V. MIKHAILOV****A. V. Markov**

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

markovius@gmail.com

Mikhailov A. V. was known as a leading Soviet philologist-Germanist, who interpreted the phenomena of German literature of the 19th century from a cultural perspective. But he was also an original theorist of painting, who created his own theory of painting genres, based not on the subject of representation, style or custom, but isolating different genres as different attempts to overcome the crisis of representation and style. Due to the multitude of cultural contexts, the works of A. V. Mikhailov require special interpretation: for example, to understand the still life, the analysis of the connection between still life, portrait and medieval metaphysics, is involved, undertaken by his colleague and friend S. S. Averintsev. The author shows his dearness to M. A. Lifshits on the issue of the insufficiency of the pleasure principle for the creation of representation. The paper reconstructs general scheme of the theory of genres of painting by A. V. Mikhailov, who insisted on the correlation of the classical principle of mimesis and chora as understanding the space, and on the existence of alternative and complementary logics of interpreting individual works of art after the collapse of classical mimesis. These logics obey the metalanguage, which Mikhailov understood, in contrast to structuralism, not as a static, but as a dynamic construction. The individual traits of genres are not the result of mimesis, but on the contrary, a deviation from an overly hasty mimetic decision in favor of social reflection, which does not belong only to the artist or the work, but arises as a communicative situation in the course of the historicization of pictorial art itself.

Key words: painting, painting genres, hermeneutics, portrait, landscape, still life, Renaissance, romanticism, realism, Averintsev, Lifshits, A. V. Mikhailov.

References

1. Averintsev S. S. (1975) *Predvaritelnye zametki k izucheniyu srednevekovoy estetiki* [Preliminary notes on the study of medieval aesthetics]. *Drevnerusskoe iskusstvo. Zarubezhnye svyazi* [Old Russian art. Foreign relations]. Moscow: Nauka, p. 371—382.
2. Andreyushkina T. N. (2019) *Vospriyatie i razvitie idey A. V. Mikhaylova rossiyskimi uchenyimi* [Perception and development of the ideas of A. V. Mikhailov by Russian scholars]. *Filologicheskiy klass*, 56(2), p. 220—224.
3. Lifshits M. A. (1989) *Dnevnik Marietty Shaginyan* [Diary of Marietta Shaginyan]. *Kontekst 1989*. Moscow: Nauka, p. 129—167.
4. Mikhailov A. V. (1986) *Sudba veshchey i natyurmort* [The fate of things and still life]. *Veshch v iskusstve*. Moscow, p. 125—139.
5. Mikhailov A. V. (1989) *Posleslovie k publikatsii* [Afterword to the publication]. *Kontekst 1989*. Moscow: Nauka, p. 168—169.
6. Mikhailov A. B. (2000) *Fet i Bogi Gretsii* [Fet and the Gods of Greece]. *Obratnyy perevod*. Moscow, p. 422—443.
7. Sechin A. G. (2015) *Ikonicheskaya ritorika v kartine Aleksandra Ivanova "Iosif, tolkuyushchiy sny zaklyuchennym s nim v temnitse vinocherpiyu i khlebodaru"* [Iconic rhetoric in the painting by Alexander Ivanov "Joseph, interpreting the dreams of the cupbearer and baker, imprisoned with him in the dungeon"]. *Iskusstvoznanie*, 1(1—2), p. 278—307.
8. Chigareva E. I. (2016) *Slovo i muzyka v trudakh A. V. Mikhailova* [Word and music in the works of A. V. Mikhailov]. *Traditsii i perspektivy iskusstva kak fenomena kultury*. Moscow, p. 403—412.
9. Yurchenko T. G. (2020) "Istoricheskoe dvizhenie podchinyaet iskusstvo svoemu yazyku...": novyy istorizm A. V. Mikhaylova i problemy nauki o literature ["Historical movement subordinates art to its language...": A. V. Mikhailov's new historicism and problems of the science of literature]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedenie. Referativnyy zhurnal*, (1), p. 28—35.
10. Yustina K. (2017) *Rol A. F. Loseva v formirovaniy vzglyadov S. S. Averintseva na russko-vizantiyskie kulturnye svyazi* [The role of A. F. Losev in the formation of S. S. Averintsev's views on Russian-Byzantine cultural ties]. *Solovyevskie issledovaniya*, 55(3), p. 78—87.

А. В. Мартыненко

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
avalmart@list.ru

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СУБКУЛЬТУРА «ЧИТАТЕЛЕЙ» В СОЦСЕТЯХ

В статье исследуется вопрос о месте и радикальных изменениях в функционировании книжной (читательской) культуры в современную цифровую эпоху, обосновывается тезис, что при всех угрозах со стороны трансформации когнитивных навыков у современного человека, препятствующих классическому пониманию процесса чтения, книга как культурная форма не исчезает, а скорее приспособляется к миру «цифры». И проблема стоит не столько в сохранении, сколько в правильном позиционировании адаптированной к цифровым реалиям читательской культуры.

Книга сегодня окончательно приобретает статус объекта потребления и приравнивается «оцифрованными» потребителями к другим источникам информации, которая в свою очередь давно расценивается как товар. В данном контексте в статье используется термин «позиционирование» к процессу популяризации читательской культуры и указывается главное «конкурентное преимущество» книги — репрезентация культуры как таковой (как универсального механизма трансляции социокультурного опыта человечества, как системы ценностей).

В качестве одного из вариантов позиционирования чтения и книги в цифровую эпоху на доступном цифровому поколению языке в статье были проанализированы соответствующие посты контента сообществ соцсети «ВКонтакте». Все посты, посвященные книге и чтению, были классифицированы в зависимости от характера самопрезентации читающего человека, уникальных функций, которые выполняют книга и чтение в самоощущении человека, и «нетрадиционных» способов использования книги.

На основе анализа были сделаны выводы о том, что в постах соцсетей читательская культура позиционируется как своеобразная субкультура, ориентированная на ограниченный круг адептов, у которых свой язык общения, специфичный образ жизни, приметы распознавания «своих», особые эмоции, доступные и понятные только «посвященным».

Ключевые слова: книга, книжная культура, читательская культура, цифровая эпоха, субкультура, соцсети, позиционирование.

Наступление цифровой эпохи сегодня уже повсеместно признается свершившимся фактом. Пандемия с ее удаленной работой, дистанционными формами обучения и многообразными услугами через сетевые приложения убедила в этом даже тех, кто упорно не хотел себе признаться в победоносном проникновении «цифры» в самые сокровенные уголки общественной жизни и культуры. Цифровую эпоху можно определить как «эпоху тотального господства цифровых технологий, основанных на особых методах кодировки и передачи информации с помощью дискретной кибернетической системы, позволяющей решать множество разноплановых задач за кратчайшие промежутки времени» [12].

Общим местом в многочисленных попытках осмыслить особенности и риски современной цифровой эпохи стали опасения по поводу угрозы исчезновения (или как минимум девальвации) книжной культуры. Тотальная до недавнего времени «галактика Гуттенберга» [9] свернулась до лишь одного из средств массовой коммуникации, причем отнюдь не первого в списке. Упадок библиотек в их традиционном виде, отсутствие интереса к чтению книг у молодых поколений, деформация у них когнитивных навыков восприятия линейного текста, размывание границ между ролями писателя, читателя, критика, издателя, «расходящиеся векторы цивилизованного рынка электронной книги и стихийно-

го использования книжного контента в свободном интернете» [5, с. 9], смещение интереса от переработки информации к коммуникации и, как следствие, формирование в книжной сфере новой коммуникационной среды с ее изменчивостью, интерактивностью и мультимедийностью [7] — это лишь немногие показатели радикальных изменений, неизбежно приносимых «цифрой» в книжную культуру.

Серьезной угрозой книге сегодня является также предпочтение экранной картинке, видеоряда вместо вербальной коммуникации. «Человек становится просто зрителем и теряет способность «видеть» умом. Аудио- и видеоинформация воспринимается гораздо проще, чем письменность» [1]. Такой подход неизбежно влечет за собой стремительное скольжение по поверхности смысла, нежелание и неумение «погружаться» в суть, оставление за скобками всего, что спрятано за фасадом визуального ряда, — т. е. всего того, что является прерогативой книжной культуры.

Тем не менее положение книжной культуры напоминает сходные ситуации живописи и театра в периоды возникновения фотографии и кинематографа соответственно: «слухи о смерти» первых оказались «сильно преувеличены». В культуре технотронной эры живопись и театр нашли свою уникальную нишу, которую не только не узурпируют, но и дополняют и по-новому раскрывают цифровые технологии. Так происходит и с книжной культурой: книга как культурная форма не исчезает, а скорее приспособляется к миру «цифры». «Вместо вытеснения книги электронными средствами коммуникации произошло взаимопроникновение этих двух информационных направлений в рамках глобального процесса информатизации. Удивительным является тот факт, что наиболее активно издаются книги в тех странах, где постоянно растет число электронных баз данных и банков данных и действуют современные коммуникационные сети» [3]. И проблема стоит не столько в сохранении (что в прежнем виде уже невозможно), сколько в правильном позиционировании адаптированной к цифровым реалиям книжной культуры, в особенности читательской.

В целях устранения терминологической путаницы необходимо уточнить, что мы понимаем под «книжной» и «читательской» культурами. Среди культурологических определений понятия «книжная культура» наиболее полной представляется дефиниция Г. М. Казаковой: «это целостная саморазвивающаяся система как

часть общей культуры, которая включает в себя: человека как объекта и субъекта культуры одновременно, его специфическую деятельность по производству, распространению и потреблению всего связанного с книгой/документом, а также многоосновное предметное бытие книги/документа — материальное, духовное и художественно-образное» [4].

Читательская культура выступает как одна из составляющих книжной культуры и представляет собой определенный уровень развития читательских умений, потребностей и кругозора. Этот уровень проявляется в следующих характеристиках:

- устойчивый интерес к чтению и книгам;
- читательская эрудиция;
- навыки выразительного и осознанного чтения текста;
- способность к восприятию произведений различных жанров;
- знание терминов и понятий литературоведения;
- библиографические умения (описание книг, пользование каталогами);
- умение оценить и интерпретировать прочитанное;
- умение выражать свои мысли и чувства в связи с прочитанным и понимать позицию автора [11].

Все перечисленные знания — умения — навыки, ранее формируемые традиционной читательской культурой, претерпели существенные изменения в цифровую эпоху. Л. Н. Мешкова, обобщая исследования в этой области, называет следующие характеристики «нелинейного» информационного пространства:

- мобильность, стремление к постоянному совершенствованию;
- технологическая конвергенция (когда одно устройство объединяет в себе возможности нескольких, например, смартфон);
- взаимопроникновение виртуального, социального и физического миров, что формирует новые ощущения времени и пространства, новые формы социальной регуляции и способы социального взаимодействия;
- открытость и интерактивность;
- приоритет поверхностности над сущностью;
- гипертекстуальность и бриколаж (заимствования, смешивания, создание ремиксов, реконструкция и повторное использование отдельных артефактов, действий, идей, знаков, символов и стилей для создания новых идей или значений) [10].

Такие качества нелинейного информационного пространства формируют и новый тип восприятия информации, получившего название «клиповое мышление» и подразумевающего фрагментарность, разнородность потока информации, быстрое переключение между фрагментами. «Клиповое мышление» в свою очередь определяет принципиально иные когнитивные навыки, в отличие от таковых в традиционном линейном восприятии текста:

- умение быстро переключаться между разрозненными смысловыми фрагментами;
- большая скорость обработки информации;
- предпочтение графического образа перед текстом;
- неспособность к восприятию длительной линейной последовательности;
- предпочтение игры «серьезной работе»;
- отсутствие навыка обработки и анализа информации;
- отсутствие потребности в установлении причинно-следственных связей между явлениями;
- многозадачность [10].

Тревожным последствием «клиповости» мышления становится поверхностность восприятия информации, проблемы с концентрацией внимания, информационная перегрузка и информационная усталость [10].

В свою очередь, подобное фрагментарное («мозаичное») освоение культуры, без учета смысловых связей, способно привести к размыванию ценностей, гибели смыслов и прерыванию связи с историей и традицией своей культуры, что чревато духовным кризисом.

За длительную историю существования «галактики Гуттенберга» мы привыкли к тому, что чтение книг является основным и само собой разумеющимся способом освоения культурно-исторического опыта человечества. Цифровая эпоха сегодня с треском ломает этот стереотип, внося свои радикальные коррективы в читательскую культуру.

Так, литературный критик Г. Л. Юзefович обращает внимание на следующие изменения:

1. Раньше каждое поколение читало свой канон (корпус литературных произведений), что создавало определенный культурный код, общий для большинства представителей данного поколения. Каноны существенно менялись с течением времени. И, как правило, именно критика решала, «что попадет в актуальный канон, что будет читаться — если не всеми, то многими, — а чему место на свалке истории». Сегодня

с утратой чтением монополии быть основным информационным каналом происходит распад единого канона, т. е. даже люди одного поколения сегодня читают совершенно разные книги.

2. Если раньше автор текста нес за нее некую смысловую ответственность, то теперь, по выражению Р. Барта, «автор умер»: в момент выхода книги из печати автор теряет над ней какую-либо власть. Современный читатель лучше автора «знает», что тот написал.

3. У современного читателя появился «голос»: любой имеет возможность высказывать свое мнение публично, не боясь при этом прослыть невежественным или примитивным. Иными словами, читатель «обладает приоритетом в эффекте присутствия в современной информационной среде: определяет форму и содержание, обладает правом публичной оценки автора, издателя и библиотекаря, высокоактивен в установлении своих неформальных правил информационного поведения» [8].

4. Современный «оцифрованный» человек читает книгу вне контекста, не понимая про эту книгу примерно ничего: «распался канон и распался контекст — люди теперь читают тексты как они есть, не видя и не зная, что стоит за литературным произведением».

5. Распад жанровой системы и вообще любой систематики: «каждый день нам становится доступно все больше и больше книг, а это значит, что любая систематика рушится».

6. Распад всей системы авторитетов: читатель перестает ориентироваться на престижные премии, мнения критиков в выборе того, что ему читать. Критерием выбора становятся частности типа брендов-производителей («раскрученных» издательств), независимых книжных магазинов, блогеров или даже селебрити [14].

Кроме того, сама книга как артефакт утратила качество исключительности и авторитетности (в содержательном отношении). Сегодня любой человек независимо от способности к писательскому ремеслу может претендовать на статус писателя благодаря информационным сетям и автоматизированным издательским платформам (типа сервисов Ridero, Amazon). Все это неизбежно влечет за собой обесценивание самого понятия «книга» и труда писателя и, как следствие, общее снижение книжной культуры [6].

Учитывая вышеперечисленные трансформации читательской (и в целом книжной) культуры в цифровую эпоху, можно сделать вывод, что книга сегодня окончательно приобретает статус объекта потребления и приравнивается

«оцифрованными» потребителями к другим источникам информации, которая в свою очередь давно расценивается как товар. В данном контексте представляется вполне целесообразным использовать термин «позиционирование» к процессу популяризации читательской культуры. Термин «позиционирование» в маркетинге представляет собой инструмент продвижения бренда по созданию в сознании покупателя очевидного конкурентного преимущества данного бренда. Иными словами, задача состоит в том, чтобы показать цифровым поколениям своеобразное «конкурентное преимущество» чтения книги перед другими способами получения и обработки информации, причем сделать это необходимо «на их языке».

Главным таким преимуществом является факт, что книга в классическом понимании не просто носитель информации (один из многих), она есть нечто большее. Книга репрезентирует культуру как таковую — как универсальный механизм трансляции социокультурного опыта человечества, как систему ценностей. Книга обладает самостоятельным мифологизированным бытием, выступая «живым» медиатором в бесконечном диалоге / культурном обмене личностей, личности и эпохи, личности и истории. Но такое масштабное и целостное восприятие книги, к сожалению, слишком большая абстракция для понимания ее «оцифрованными» людьми, уже успевшими привыкнуть к фрагментарности, относительности, плюрализму и боящимися «глубины».

В качестве одного из вариантов позиционирования чтения и книги в цифровую эпоху на доступном цифровому поколению языке нами были проанализированы соответствующие посты контента сообществ соцсети «ВКонтакте». Объектами анализа были взяты такие сообщества, как «Другая литература», «Читающие», «Книжный маньяк», «Вместо торта. Электронные книги», «ЛитЛайф», «Лабиринт». Подавляющая масса постов посвящена, конечно же, рекламе конкретных издательств и популяризации разнородной литературы. Очень распространены посты с многочисленными подборками типа «10 книг для отпуска», «100 книг, которые должен прочитать каждый» и т. п. Подборки выполняют четкую функцию ориентации в океане литературной продукции и пользуются популярностью у подписчиков. Само качество таких подборок напрямую зависит от уровня культуры модератора данного сообщества. За единицу анализа нами были взяты только те посты, в которых говорится о книге и чтении во-

обще как самостоятельной ценности. Подобных ожидаемо оказалось немного. Больше всего их обнаружилось в сообществе «Другая литература», меньше — в «Читающих», в остальных — единицы.

Все посты, посвященные книге и чтению, можно классифицировать в зависимости от характера самопрезентации, функциональных особенностей и «нетрадиционных» способов использования книги.

По характеру самопрезентации читающего человека выделяются следующие типы постов:

— ирония по отношению к поколению гаджетов (типа «*как же вы книги без смайликов читаете?*») или «*книга — уникальный, принципиально новый для молодежи носитель информации! Никаких USB и Wi-Fi, информация передается через глаза прямо в мозг*») [2];

— своеобразная самоирония, как, например, «*страшная сказка о вчерашних девочках: За одной девочкой гнались гуси-лебеди, она увидела неподалеку библиотеку и взмолилась: «Библиотека, библиотека, спрячь меня от гусей-лебедей». — «Спрячу я тебя, девочка, — отвечала библиотека, — но сперва почитай моих книжечек!» Девочка присела почитать книжечки, гуси-лебеди покружили и улетели, девочка подняла голову, а ей уже хорошо за сорок*» [12];

— чтение как оригинальный вариант самопрезентации («*парни, которые приглашают девушку к себе и не показывают свою библиотеку, о чем с вами вообще можно разговаривать?*») [2];

— меткие цитаты из высказываний великих людей, прославляющие книгу и чтение, как своеобразная «ссылка на авторитеты»;

— «челленджи», заставляющие лишний раз обратиться к книге или подумать о книгах, типа: «*открой любую попавшуюся книгу на такой-то странице, прочти такую-то строку — это девиз твоего дня*», или «*если бы вы могли провести недельный отпуск в любой книге с условием полной безопасности, в какой роман бы вы отправились?*», или «*бывало ли с вами такое, что прочитанная книга изменила ваши взгляды на жизнь?*» [2];

— посты о специфичных переживаниях читающего человека по поводу увлеченности книгой, энтузиазма нашедшего новую интересную книгу, нетерпеливого предвкушения начавшего читать, грусти и опустошенности по поводу завершения чтения увлекательной книги, глубоко личные переживания за героев, потеря счета времени между полками в книжном магазине

или «залипание» в книге до утра и т. д. И весь этот корпус эмоций преподносится как доступный только посвященным в таинство общения с книгой («как всем нам знакомо это чувство!...»);

— своеобразная маргинальная элитарность человека читающего. Например: «*каминг аут в читательском мире: ориентация? — книжная*» [2].

По уникальным функциям, которые выполняют книга и чтение в самоощущении человека, выделяются такие типы постов:

— чтение как уникальный способ расслабиться, понизить уровень стресса (уютные фотопосты с пледом, кружкой чая или кофе и книгой на природе или дома у окна, и рядом часто спящая кошка); например, пост: «*чтение на одну чашку латте — короткие рассказы известных писателей*» [2]. К слову, кошки и книги — отдельная устойчивая семантическая взаимосвязь, символизирующая отказ от мирской суеты и восстановление поврежденной в гонке за выживание в условиях стремительной жизни большого города своей самости и душевной целостности;

— возможность остаться на время в одиночестве, наедине с книгой, отключившись от какофонии тотального информационного шума, окружающего современного человека. Мотив одиночества в данном случае преподносится как наслаждение, как роскошь на время оказаться наедине с собой, выключив беспорядочное и непрерывное мерцание перенасыщенного информационного поля;

— чтение как несравнимое ни с чем удовольствием (например: «*секс — это, конечно, приятно, но вы пробовали провести с любимой книгой солнечное весеннее утро?*») [2];

— книга как романтизированный винтажный атрибут с привлекательным налетом старины, таинственности и искусности. Возникновение подобного имиджа книги связано с тем, что она воспринимается как архаичный артефакт многими молодыми людьми. К примеру, пост: «*сейчас бы открыть милый маленький книжный*

магазин, в котором всегда есть свежие цветы, стоять у огромной витрины, ожидая романтической встречи, а не все вот это...» [12];

— «*книги, дающие возможность жить не здесь*» (по выражению М. Жванецкого), т. е. способность и возможность путешествовать по иным мирам, сидя в кресле. Здесь обыгрывается психическая способность человека читающего к погружению в мир книги через воображение, абстрагирование от повседневности (между прочим, достойная альтернатива виртуальной реальности). Причем речь здесь идет именно о погружении в мыслеобразы в противовес стремительному гипертекстовому скольжению (бриколажу) в потоке цифровой информации.

И, наконец, по нетрадиционному способу использования книги выделяются такие типы постов:

— многообразные фотоколлажи с книгами, представляющие книгу как элемент декора (цветные узоры из книжных переплетов, орнаменты из книг и книжных страниц), или оригинальные фотосессии с книгами как демонстрация того, что книга — это «нескучно» даже в сугубо материальном (визуальном) плане;

— книга как способ найти друзей по интересам через обсуждение любимых книг и нахождение единомышленников.

Таким образом, в постах соцсетей читательская культура позиционируется как своеобразная субкультура, одна из многих. «Человек читающий» позиционируется как гуманистическая альтернатива тем, кто предпочитает «сёрфить», «флудить», «тролить», «пóститься», «чатиться», «гамать» и т. п. в Сети. Восприятие читательской культуры с приставкой «суб», по сути, означает, что она уже не тотальна и повсеместно не распространена, как ранее, а ориентирована на ограниченный круг адептов, у которых свой язык общения, специфичный образ жизни, приметы распознавания «своих», особые эмоции, доступные и понятные только «посвященным».

Литература

1. Борисенко О. Книга в информационном обществе / О. Борисенко. — URL: http://inprotvino.ru/novosti/kultura_i_sport/27-05-2015-12-38-42-kniga-v-informatsionnom-obshchestve.
2. Другая литература [сообщество в ВКонтакте]. — URL: <https://vk.com/book>.
3. Дягилева Т. Д. Книжная культура в информационную эру (НБ СПбГУП) / Т. Д. Дягилева, Н. А. Зинкевич // Библиотечные фонды: проблемы и решения : электронный журнал-препринт. — 2002. — № 3, июнь. — URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag03/diaglich.php?parka=12&id_sec=11.
4. Казакова Г. М. О содержании и качественных границах понятия книжной культуры / Г. М. Казакова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2012. — № 2. — С. 72.
5. Костюк К. Н. Книга в новой медийной среде / К. Н. Костюк. — М. : Директ-Медиа, 2015. — 432 с.

6. Кривич Н. А. Книжная культура: вызовы современности / Н. А. Кривич, А. Ю. Чукуров // Общество. Среда. Развитие. — 2016. — № 4. — С. 110—114.
7. Лизунова И. В. Медиакультура как диалог культур современного общества / И. В. Лизунова // Библиосфера. — 2017. — № 4. — С. 30—34.
8. Лопатина Н. В. Книжная культура информационного общества / Н. В. Лопатина // Культура: теория и практика : электронный научный журнал Московского государственного института культуры. — 2016. — Вып. 5—6 (14—15). — URL: <http://theoryofculture.ru/issues/69/898>.
9. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн. — К. : Ника-Центр, 2003. — 432 с.
10. Мешкова Л. Н. Цифровая культура и цифровое поколение: основные направления взаимодействия / Л. Н. Мешкова // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. — 2020. — Vol. 9, Is. 3A. — URL: <https://rffi.1sept.ru/file/2020/08/41e02630-4dd5-4ae0-a0d2-6c75ffb9188b.pdf>.
11. Осипова И. В. Развитие читательской культуры учащихся при изучении произведений И. С. Тургенева в 5—8 классах : дис. ... канд. пед. наук / И. В. Осипова. — М., 2005.
12. Хангельдиева И. Г. Цифровая эпоха: возможно ли опережающее образование? / И. Г. Хангельдиева // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. — 2018. — № 3. — С. 48.
13. Читающие [сообщество в ВКонтакте]. — URL: <https://vk.com/public.books>.
14. Юзефович Г. Чтение в мире цифры: как изменилась литература в эпоху диджитал / Г. Юзефович. — URL: <https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/9329>.

POSITIONING THE READER'S CULTURE IN THE DIGITAL AGE: THE SUBCULTURE OF "READERS" IN SOCIAL NETWORKS

A. V. Martynenko

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
avalmart@list.ru

The article examines the place and radical changes in the functioning of the book (reader) culture in the modern digital era. The author substantiates the thesis that with all the threats from the transformation of cognitive skills in modern people that hinder the classical understanding of the reading process, the book as a cultural form does not disappear, but rather adapts to the world of "numbers". The problem is not so much in the preservation, but in the correct positioning the reader's culture adapted to the digital realities.

Today, the book finally acquires the status of an object of consumption and is equated by "digitized" consumers with other sources of information, which in turn has long been regarded as a commodity. In this context, the article uses the term "positioning" to the process of popularizing the reader's culture and indicates the main "competitive advantage" of the book — the representation of culture as such (as a universal mechanism for transmitting the socio-cultural experience of humanity, as a system of values).

As one of the options for positioning reading and books in the digital age in a language accessible to the digital generation, the article analyzed certain posts of the social network "VKontakte". All posts related to the book and reading were classified according to the nature of the reader's self-presentation, the unique functions that the book and reading perform in the person's self-perception, and "non-traditional" ways of using the book.

Based on the analysis, it was concluded that in the posts of social networks, the reader's culture is positioned as a kind of subculture, focused on a limited circle of adherents, who have their own language of communication, a specific lifestyle, signs of recognition of "their own", special emotions that are accessible and understandable only to "initiates".

Key words: book, book culture, reader culture, digital age, subculture, social networks, positioning.

References

1. Borisenko O. Kniga v informatsionnom obshchestve [Book in the Information Society]. URL: http://inprotvino.ru/novosti/kultura_i_sport/27-05-2015-12-38-42-kniga-v-informatsionnom-obshchestve.
2. Other literature [Community in VKontakte]. URL: <https://vk.com/book>.
3. Dyaghileva T. D., Zinkevich N. A. (2002) Knizhnaya kultura v informatsionnuyu eru [Book culture in the information era]. Biblioteknyye fondy: problemy i resheniya, (3), June. URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag03/diaglich.php?papka=12&id_sec=11.
4. Kazakova G. M. (2012) O sodержanii i kachestvennykh granitsakh ponyatiya knizhnoy kultury [On the content and qualitative boundaries of the concept of book culture]. Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, (2), p. 72.

5. Kostyuk K. N. (2015) *Kniga v novoy mediynoy srede* [Book in the new media environment]. Moscow: Direct-Media, 432 p.
6. Krivich N. A., Chukurov A. Yu. (2016) *Knizhnaya kultura: vyzovy sovremennosti* [Book culture: Challenges of modernity]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, (4), p. 110—114.
7. Lizunova I. V. (2017) *Mediakultura kak dialog kultur sovremennogo obshchestva* [Media culture as a dialogue of cultures of modern society]. *Bibliosfera*, (4), p. 30—34.
8. Lopatina N. V. (2016) *Knizhnaya kultura informatsionnogo obshchestva* [Book culture of the information society]. *Kultura: teoriya i praktika: electronic scientific journal of the Moscow State Institute of Culture*, 5—6 (14—15). URL: <http://theoryofculture.ru/issues/69/898>.
9. McLuhan M. (2003) *Galaktika Gutenberga: sotvorenie cheloveka pechatnoy kultury* [Gutenberg's Galaxy: The Creation of a Printed Culture man]. K.: Nika-Center, 432 p.
10. Meshkova L. N. (2020) *Tsifrovaya kultura i tsifrovoe pokolenie: osnovnye napravleniya vzaimodeystviya* [Digital culture and digital generation: the main directions of interaction]. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, vol. 9, Is. 3A. URL: <https://rffi.1sept.ru/file/2020/08/41e02630-4dd5-4ae0-a0d2-6c75ffb9188b.pdf>.
11. Osipova I. V. (2005) *Razvitie chitatelskoy kultury uchashchikhsya pri izuchenii proizvedeniy I. S. Turgenyeva v 5—8 klassakh* [Development of the reader's culture of students in the study of the works of I. S. Turgenyev in grades 5—8]. Dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow.
12. Hangeldieva I. G. (2018) *Tsifrovaya epokha: vozmozno li operezhayushchee obrazovanie?* [Digital age: is advanced education possible?]. *Bulletin of the Moscow University, ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*, (3), p. 48.
13. Readers: community in VKontakte. URL: <https://vk.com/public.books>.
14. Yuzefovich G. *Chtenie v mire tsifry: kak izmenilas literatura v epokhu didzhital* [Reading in the world of numbers: how literature has changed in the Digital era]. URL: <https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/9329>.

И. Д. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
7151mid@gmail.com

Д. Н. Ефремова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
dasa-efremova@mail.ru

МУЗЕЙ КАК МЕСТО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДЕФИЦИТА СЕМЕЙНОГО ОБЩЕНИЯ

Автором рассматривается проблема современной семьи с точки зрения социокультурного знания. В условиях современного ускоренного ритма жизни семейные ценности претерпевают сложности и изменения, появляются новые проблемы, решение которых можно найти в сфере культуры. В работе приводятся данные опубликованных исследований, обращающих внимание на проблемы дефицита семейного общения в России, стабильно указывающие на серьезность влияния культуры и досуга на формирование личности, а следовательно, и на эволюцию общества. Современные театры, музеи, досуговые пространства предлагают множество вариантов совместного досуга, доступного разным категориям населения. Музей как учреждение культуры является неотъемлемой частью жизни общества, он не только хранит реликвии прошлого, но и активно создает настоящее, подготавливая разнообразные программы и обеспечивая досуг разных категорий посетителей. Современная проблема дефицита общения в семье — одна из сложных психологических трудностей, во многом обусловленных существующим ритмом жизни, недостаточной информированностью о проблеме или легкомысленным к ней отношением. Решение этой проблемы может лежать в совместном досуге, консолидации семьи на основе общих культурных интересов, удовлетворение которых можно получить в музее.

Ключевые слова: музей, социология, семья, дефицит семейного общения, культура.

Современный мир, наполненный гаджетами, VR-технологиями и интернет-общением, усложняет процесс социализации личности из-за сокращения опыта живого общения. С точки зрения социализации личности проблема дефицита семейного общения становится по-настоящему сложной. Родители все реже проводят время с детьми не только из-за отсутствия времени, но из-за разницы интересов, увлеченности поколений виртуальной жизнью. В процессе совместного взаимодействия дети приобретают социальный опыт, учатся моделям решения текущих задач, формируют свое представление об окружающем мире. Совместный досуг решает не только коммуникативные задачи, но и влияет на эмоционально-личностное развитие ребенка. Дети учатся ориентироваться в обществе, чувствуют себя важной частью семьи, следовательно, укрепляют свою самооценку. Внимание, память и мышление — познавательные процессы, которые запускаются в момент взаимодействия с родными. В случае активного совместного досу-

га параллельно идет укрепление физического здоровья как взрослых, так и детей.

В 2017 году в газете «Известия» были опубликованы результаты исследования ученых РЭУ им. Г. В. Плеханова на основе всероссийского опроса, посвященного проблеме дефицита общения в семьях россиян. По данным исследования, только четверть родителей (26 %) не чувствуют дефицита общения со своими детьми. Менее половины респондентов (41 %) заявили, что нуждаются в большем общении с ними, 14 % опрошенных хотели бы проводить со своими детьми поменьше времени, каждый пятый (19 %) затруднился с ответом. Это свидетельствует о том, что респонденты не придают значения важности общения с детьми в процессе воспитания [1].

По данным исследования, многие родители испытывают сложности с проведением досуга с детьми из-за сверхзанятости и дефицита времени. Меньшая часть же преуменьшает значение семейного общения.

В том же исследовании ученые обратились к младшему поколению. 15 % респондентов заявили о дефиците семейного общения, что значительно меньше в сравнении с взрослой аудиторией. Более половины отметили, что не испытывают нехватки общения (54 %), а 19 % подчеркнули, что разговоров даже слишком много. Исследование показало, что 41 % родителей уделяют так много времени работе, что на семейное общение уже не остается времени и сил [1].

Такое распределение значительно отличается от результатов взрослой аудитории. Это может быть связано с особенностями подросткового периода развития, когда новыми авторитетами в социализации становятся ровесники и школа, что не отменяет важности семейного общения.

Общими примерами проявления дефицита общения для детей могут быть неадекватное поведение, сложности в общении, агрессивное поведение в школе. Внимание и совместный досуг формируют у ребенка правильную модель поведения и чувство безопасности.

С момента появления человечества для выживания отдельные особи стремились к объединению — так появились племя, род, позднее семья. И именно семья исторически стала одним из первых социальных институтов. Семья — первый источник для получения знаний об обществе для ребенка. Через семью сменяются поколения людей, в ней осуществляется продолжение рода, происходит первичная социализация и воспитание детей вплоть до достижения ими гражданской зрелости. В семье формируются культурные и досуговые привычки: люди вместе проводят время, осваивают интересные навыки, посещают музеи, театры, парки.

Сегодня семья лишилась части выполняемых ею исторических функций. Ее структурная численность сокращается, меньшее значение имеют производственные и охранительные функции. На сегодняшний день для людей, решивших создать семью, важным остается обеспечение потребности мужчины и женщины в супружестве, отцовстве, материнстве, в воспитании детей. Для детей как членов семьи она остается средой, в которой происходит их первичная социальная ориентация [2].

Человек — социальное существо. Каждому человеку требуется общение. Потребность в общении является базовой психической потребностью ребенка и взрослого. Дефицит семейного общения связан и с областью психологии, и с педагогикой, и с социологией, и с культурологи-

ей. С точки зрения социологии культуры семейный досуг следует понимать как культурно-смысловое взаимодействие субъектов семейной общности, связанное с обменом информацией, интеракциями, эмоциональными состояниями, направленное на социокультурную идентификацию, креативное развитие и самореализацию субъектов, а также их культурно-смысловую консолидацию [3].

Семейное общение закладывает основы социокультурной ориентации всех будущих членов общества. Будущее поколение значительно формируется под влиянием межличностного общения в кругу семьи: дети воспринимают модели поведения, культурные ценности и интересы родителей и старшего поколения. Особенность семьи как социального и культурного явления состоит в том, что она фокусирует в себе практически все аспекты человеческой жизнедеятельности и выходит на все уровни социального взаимодействия: от индивидуального до общесоциального, от материального до духовного. Именно в повседневной жизни семьи закладываются основы духовных ценностей, которые имеют огромное значение не только для родителей и их детей, но и для общества в целом [4].

Во всяком сообществе досуг является частью образа жизни и дает огромные возможности для усвоения нравственных ориентиров как отдельного человека, так и разных социальных групп целого социума. Культурная сфера создает общественное сознание, формируя в нем ценности, поддерживаемые обществом; досуг создает предпосылки для развития отдельных личностей и общества в целом различными способами. В современном досуге присутствуют моменты творчества, когда человек из субъекта потребления превращается в субъект созидания [5].

29 ноября 2017 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал данные исследования, посвященного теме досуга россиян. Социологи выяснили, что во временной перспективе россияне все чаще выбирают в свободное время дом, дачу и детей: 40 % — в 2005 году, 47 % — в 2010 году, 60 % — в 2017 году. Это показывает, что с годами досуг россиян претерпел значительные изменения в пользу семьи [6].

Культурный досуг может принимать разные формы. В результате исследования Левада-центра выяснилось, что россияне выбирают в качестве досуга чаще всего просмотр фильмов и сериалов, встречи с друзьями, а также визиты к родственникам, при этом все реже посещают

театры и читают книги. Во время исследования были опрошены 1616 человек старше 18 лет. Посещение учреждений культуры — театров, музеев, концертов оказалось в числе самых непопулярных: лишь 1—2 % респондентов выбирают их раз в неделю, 3—8 % — раз в месяц. 55 % опрошенных заявили, что они никогда не ходят в театры и музеи, а 64 % — на концерты любимых певцов и групп. При этом посещение театров и музеев ежемесячно может позволить себе лишь каждый десятый [7].

Но здесь уже появляется проблема доступности. На примере музеев комплекса Ленинского мемориала можно утверждать доступность цен для жителей и гостей г. Ульяновска. Цена билета для взрослого составляет 100 рублей, для льготных категорий — в разы меньше, дети проходят в музей бесплатно. По графику проводятся бесплатные экскурсии. При такой ценовой политике музей становится доступным для семейного досуга.

Музей (лат. *museum* от гр. *museion* — храм муз) — культурная форма, исторически выработанная человечеством для сохранения, актуализации и трансляции последующим поколениям наиболее ценной части культурного и природного наследия. В процессе генезиса и исторической эволюции музей реализовался как открытое для публики некоммерческое учреждение, осуществляющее свои социальные функции на благо общества [8].

Благодаря музеям историческое достояние доступно для осмотра посетителями. Современные музеи давно перестали быть только местом хранения и демонстрации, они становятся новыми досуговыми центрами. В каждом музее имеются семейные программы: мастер-классы, музейные занятия, праздники, квесты и т. д. Существующие варианты позволяют активно вовлекать в творческий и познавательный процесс как детей, так и взрослых.

Регулярными становятся и акции «Ночь в музее», «Ночь искусств» и т. д., в рамках которых музеи готовят особенные программы для всех желающих. Поскольку акции всероссийские, они становятся все популярнее с каждым

годом, а значит, и большее количество людей захотят провести свой досуг в музеях. ВЦИОМ провел опрос в 2019 году, подтвердивший, что известность акции «Ночь музеев» за последние семь лет значительно увеличилась: если в 2012 году не знали об акции 56 % россиян, то на 2019 год эта доля составила 36 %. Кроме того, три четверти россиян (74 %) считали, что «Ночь музеев» повышает интерес населения к музеям. Вдобавок 40 % тех, кто не знал о проведении акции, хотели бы принять в ней участие (по 46 % среди 18—24-летних и 25—34-летних) [9].

Популярность акции свидетельствует о прогрессивном интересе населения к посещению музеев, что подтверждает опрос ВЦИОМ, проведенный в 2020 году. В исторической перспективе исследователи задавали вопрос «Когда в последний раз Вы были в музее?» начиная с 2008 года. 89 % респондентов посещали музеи за последние несколько лет, такая тенденция держится с 2014 года. 29 % (почти каждый третий) были в музее в течение последнего года.

2020 год круто изменил жизнь в стране во многих сферах. И музеи стали активно осваивать онлайн-форматы. 83 % россиян имеют доступ к Интернету, среди них каждый пятый посещал виртуальный музей (19 %). Из них 72 % посещали музеи онлайн в 2020 году, причем каждый второй (57 %) — во время карантина (в апреле-мае). О сохранении в последние карантинные месяцы прежней частоты посещения виртуальных музеев сообщили 42 %. Чаще стали посещать музеи 29 %, реже — 25 % [10].

Общим выводом по вышеуказанным результатам является тот факт, что музеи становятся все более популярной площадкой для проведения досуга. В условиях современного мира — ускоренного темпа жизни, вовлеченности в виртуальные миры и усиливающейся конкуренции важно формировать в семье благоприятный климат, обеспечивающий ее членов чувством безопасности, нужности и взаимного уважения. Музеи — это доступный, семейно ориентированный и познавательно-развлекательный вид досуга, способный стать выходом в решении проблемы дефицита семейного общения.

Литература

1. Беришвили Н. Россиянам не хватает общения со своими детьми / Н. Беришвили // Известия. — 2017. — 24 нояб. — URL: <https://iz.ru/673410/nataliia-berishvili/rossiianam-ne-khvataet-obshcheniia-so-svoimi-detmi> (дата обращения: 09.03.2021).
2. Роль семьи в воспитании дошкольника / Е. А. Найденова, И. А. Багирова, И. А. Зембеля, С. О. Васильева // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. — 2016. — № 49-2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-semi-v-vospitanii-doshkolnika> (дата обращения: 09.03.2021).

3. Степанова Т. П. Потенциал досугового общения в консолидации семьи / Т. П. Степанова // Вестник ЧГАКИ. — 2009. — № 2(18). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-dosugovogo-obscheniya-v-konsolidatsii-semi> (дата обращения: 09.03.2021).
4. Загороднова К. П. Духовные ценности повседневной культуры семьи / К. П. Загороднова, Л. В. Мордовина // Аналитика культурологии. — 2008. — № 12. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-tsennosti-rovsednevnoy-kultury-semi> (дата обращения: 09.03.2021).
5. Ионова О. В. Современные виды досуга студенческой молодежи / О. В. Ионова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2015. — № 3(35). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-vidy-dosuga-studencheskoj-molodezhi> (дата обращения: 09.03.2021).
6. А на досуге мы танцуем буги-вуги? // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/a-na-dosuge-my-tancuem-bugi-vugi> (дата обращения: 09.03.2021).
7. Названы самые популярные виды досуга россиян // РИАМО. — URL: <https://riamo.ru/article/366233/nazvany-samye-populyarnye-vidy-dosuga-rossiyan.xl> (дата обращения: 09.03.2021).
8. Словарь музейных терминов // Российская музейная энциклопедия. — URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?40> (дата обращения: 09.03.2021).
9. Навстречу «Ночи музеев — 2019» // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/navstrechu-nochi-muzeev-2019> (дата обращения: 10.03.2021).
10. День музеев онлайн // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-muzeev-onlajn> (дата обращения: 10.03.2021).

MUSEUM AS A PLACE TO SOLVE THE PROBLEM OF THE LACK OF FAMILY COMMUNICATION

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
7151mid@gmail.com

D. N. Efremova

Regional State Autonomous Cultural Institution "Leninsky Memorial" (Ulyanovsk, Russia)
dasa-efremova@mail.ru

The author examines the problem of the modern family from the point of view of sociocultural knowledge. In the conditions of the modern rapid rhythm of life, family values undergo difficulties and changes, new problems appear, solutions to which can be found in the sphere of culture. The paper cites the data from published studies that draw attention to the problems of lack of family communication in Russia, consistently indicating the seriousness of the influence of culture and leisure on the formation of a personality, and, consequently, on the evolution of society. Modern theaters, museums, leisure spaces offer many options for joint leisure, available to different categories of the population. The museum, as a cultural institution, is an integral part of the life of society, that not only preserves the relics of the past, but also actively creates the present, preparing various programs and providing leisure for various categories of visitors. The modern problem of the lack of communication in the family is one of the complex psychological difficulties, largely due to the existing rhythm of life, insufficient information about the problem or a frivolous attitude towards it. The solution to this problem may lie in joint leisure, family consolidation on the basis of common cultural interests, the satisfaction of which can be obtained in the museum.

Key words: museum, sociology, family, lack of family communication, culture.

References

1. Berishvili N. (2017) Rossiyanam ne khvataet obshcheniya so svoimi detmi [Russian lack communication with their children]. *Izvestiya*, 24 November. URL: <https://iz.ru/673410/nataliia-berishvili/rossiyanam-ne-khvataet-obshcheniia-so-svoimi-detmi> (access of date: 09.03.2021).
2. Naydenova E. A., Bagirova I. A., Zembelya I. A., Vasilyeva S. O. (2016) Rol semi v vospitanii doskolnika [Role of a family in preschool's education]. *Psikhologiya i pedagogika: metodikai problem prakticheskogo primeneniya* (49-2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-semi-v-vospitanii-doshkolnika> (access of date: 09.03.2021).
3. Stepanova T. P. (2009) Potentsial dosugovogo obshcheniya v konsolidatsii semyi [Potential of leisure communication in a family]. *Vestnik ChGAKI*, 2(18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-dosugovogo-obscheniya-v-konsolidatsii-semi> (access of date: 09.03.2021).

4. Zagorodnova K. P., Mordovina L. V. (2008) Dukhovnye tsennosti povsednevnoy kultury semyi [Moral values of family everyday culture]. *Analitika kulturologii*, (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-tsennosti-povsednevnoy-kultury-semi> (access of date: 09.03.2021).
5. Ionova O. V. (2015) Sovremennye vidy dosuga studencheskoy molodezhi [Modern types of college kids' leisure]. *Izvestiya VUZov. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, 3(35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-vidy-dosuga-studencheskoy-molodezhi> (access of date: 09.03.2021).
6. A na dosuge my tantsuem bugi-vugi? [Do we dance boogie-woogie at leisure?]. VCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/a-na-dosuge-my-tanczuem-bugi-vugi> (access of date: 09.03.2021).
7. Nazvany samye populyarnye vidy dosuga rossiyan [Most popular types of leisure of Russians are named]. RIAMO. URL: <https://riamo.ru/article/366233/nazvany-samye-populyarnye-vidy-dosuga-rossiyan.xl> (access of date: 09.03.2021).
8. Slovar muzeynykh terminov [Dictionary of museum terms]. Russian Museum Encyclopedia. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?40> (access of date: 09.03.2021).
9. Navstrechu "Nochi muzeev — 2019" [Toward "The night of museums 2019"]. VCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/navstrechu-nochi-muzeev-2019> (access of date: 10.03.2021).
10. Den muzeev onlayn [Day of the museum-online]. VCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-muzeev-onlajn> (access of date: 10.03.2021).

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Ю. В. Андреева

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
yulia.andre@gmail.com

«НЕ ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ С ИНТЕРЕСОМ В ГЛАЗАХ»: СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЫХ ГОРОЖАН СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖПОКОЛЕННОЙ ТРАНСМИССИИ ЦЕННОСТЕЙ

Статья посвящена обсуждению значения межпоколенной трансмиссии ценностей в контексте гражданских практик молодых горожан и молодежного социального включения. Анализируются механизмы и траектории межпоколенной передачи ценностей внутри петербургских семей городского среднего класса, чьи младшие представители репрезентируют себя как социальных и гражданских активистов. Эмпирическую базу статьи составили данные коллективного проекта «Продвижение молодежного участия и социального включения: возможности и вызовы в контексте межпоколенческих отношений», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году, в котором автор принимала участие в качестве социолога-исследователя. В теоретической части рассматривается академическая дискуссия вокруг понятия «межпоколенная трансмиссия ценностей», описываются возможности и ограничения его применения в актуальной перспективе, отмечается интерактивный характер трансмиссии, который определяет как поколенческие различия, так и сходства между поколениями внутри семей среднего класса крупного мегаполиса. В фокусе эмпирической части — установки и ценностные представления «старшего» поколения в контексте конструирования специфического поколенческого опыта, а также реализуемые модели родительства в контексте его передачи. В ходе сравнительного анализа интервью молодых активных горожан и их родителей показываются особенности внутрисемейного межпоколенного взаимодействия и механизмы межпоколенческих связей, способствующих трансмиссии ценностей и опыта, а также разрывы и «точки конфликта» в межпоколенческой преемственности, определяющие специфику гражданского участия и социального включения молодежи.

Ключевые слова: социальное участие молодежи, гражданский активизм, межпоколенная трансмиссия ценностей, поколенческая передача ценностей в семьях.

«Поколение... с кем я сталкивалась, очень интересные ребята, они знают, чего хотят... Это не золотая молодежь, естественно. Они что-то где-то не доели, что-то где-то не дотушили, но у них в глазах что-то есть, что-то интересное. Они чего-то хотят в жизни... добиваются... понимают, что ответственны за себя, за родителей... Родители дали старт, дали какую-то позицию... и им самим надо еще что-то

доложить» (жен., 48 лет, мама гражданского активиста).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА

Межпоколенческая передача опыта и ценностей — феномен, разворачивающийся между поколениями, через него реализуется преемственность, трансмиссия от предшествующих по-

колений потомкам как структурирующих, так и травматичных элементов (Тарабрина и др., 2013). В статье речь пойдет об особенностях вертикальной трансмиссии (Берри, 2007) ценностей и о межпоколенческой преемственности в фокусе перспектив социального участия, включения и гражданской активности молодого поколения³. Вертикальная трансмиссия предполагает, что межпоколенческое взаимодействие происходит без специализированной организации и какого-то особого обучения. Тезис о том, что ценности внутри семей передаются от родителей (прародителей) детям с помощью разнообразия формальных и неформальных способов, конечно, не претендует на научную новизну. Но в фокусе статьи — именно анализ контекстов и смыслов этих способов. Воспитательная траектория внутри семьи, способ ее реализации основывается на *ключевых установках (представлениях)* доминирующего в социальном смысле поколения (Mannheim, 1964). Эти установки касаются того, как воспитывать детей, чему их научить и что важно передать следующему поколению. Отчасти осознаваемые и неосознанные представления внутрисемейных социализаторов опираются на те способы воспитания, которые транслировались им самим их собственными родителями, бабушками и дедушками. Но разворачиваться (реализовываться) они могут в разных логиках: например, в имитационной («подражательной»), в идентификационной («усвоение родительских ценностей как своих собственных»), в компенсаторной («заместительной») или в логике отказа («избегания») от ценностей родителей и прародителей.

Социологи уже давно отмечают заметные ценностные трансформации на межпоколенном уровне: *передача ценностей* в семьях не всегда происходит традиционным способом — от родителей к детям, а зачастую *имеет обратную направленность*. Но речь не столько о префигуративных культурных практиках (Мид, 1988), когда родители учатся у детей, сколько о ценностном уровне в «обратной преемственности». То есть родители признают *большую компетентность* детей по ряду вопросов, и наряду с усвоением детьми базовых ценностей происходит и трансформация ценностной системы родителей (Дементьева, 2004). В основе этого лежат социальные, экономические и политические обстоятельства современного общества, которое

принято описывать как «нестабильное», «общество переходного типа», «постсоветское» и т. д. В таких обстоятельствах перед старшими поколениями остро стоит проблема «что транслировать?» — читай «как воспитывать своих детей?», поскольку устоявшейся модели ценностей, выстроенных в определенной иерархии, нет.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДОЛОГИЯ

Эмпирическую основу статьи составили результаты исследования социального включения и участия молодежи, выполненного в качественной парадигме. Эмпирической базой статьи стали данные коллективного проекта «Продвижение молодежного участия и социального включения: возможности и вызовы в контексте межпоколенческих отношений», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году, в котором автор принимала участие в качестве социолога-исследователя. Использовался метод лейтмотивных интервью, охвативших три поколения петербургских семей: было проведено 30 интервью с молодыми активистами, включенными в разные сферы общественной жизни (в их числе оказались молодые экологи, волонтеры, гражданские активисты, градозащитники и т. д. («детское поколение»)), а также 35 лейтмотивных интервью с их родителями («родительское поколение»), дедушками и бабушками («поколение прародителей»). В рамках статьи использовались материалы лишь «серединного» («родительского») и «младшего» («детского») поколений. Возраст информантов-родителей составил 40—59 лет, информантов-детей — 16—28 лет.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Родительские установки и представления о том, как надо воспитывать, что важно передать

Изначально логика анализа родительских установок выстраивалась в соответствии с гипотезой: ценности, передаваемые в разных семьях, могут различаться и определять (задавать) тот вид активности, который впоследствии воспроизводится у поколения детей. То есть фокус анализа был направлен на выявление того, какие именно ценности передаются от родителей к детям, выросшим столь «чувствительными» к социальным проблемам и необходимости своего гражданского включения для их решения. Но очевидных различий между семьями обнаружить не удалось, заметны лишь отдельные нюан-

³ Для анализа привлекались интервью с представителями двух поколений внутри одной семьи (родителями и детьми).

ансы, которые нельзя с полной уверенностью объяснить коррелированностью содержания внутрисемейных ценностных трансляций и того вида активности, который воспроизводит молодое поколение в семьях. Поэтому можно предположить, что для понимания предпосылок проявлений гражданской активности у поколения детей всё-таки большую роль играют другие показатели. К примеру, ценностное наполнение поколенческой трансмиссии может в значительной степени зависеть от класса (социальной позиции) и реализуемого культурного стиля жизни.

Некоторые исследователи (Lareau, 2003, 2011) отмечали в свое время, что в семьях, принадлежащих к разным социальным средам, принят неодинаковый формат детско-родительских взаимодействий. Так, у родителей среднего класса с детьми принято регулярно разговаривать, обмениваться новостями, встречаться вне зависимости от того, насколько эта встреча является насущной. Тогда как в семьях рабочего класса общение с детьми выстроено исключительно по целевому принципу и в патерналистском стиле: родители больше указывают детям на то, что им нужно делать, они не оставляют шансов обсудить альтернативные варианты, не используют дополнительных доводов и не приводят аргументов. Проще говоря, в рабочих семьях не принят формат детско-родительского общения «встреча ради приятной беседы», лишь только «разговор по делу».

В связи с тем, что отбор семей для участия в исследовании осуществлялся по критерию социального/гражданского включения представителей «младшего поколения», выборку исследования составили главным образом выходцы из городского среднего класса. К тому же незапланированно оказалось, что и многие родители молодых активистов также в прошлом имели свой собственный активистский опыт. То есть информанты поколения родителей — это люди одного класса, общей среды, вероятно, отсюда ценностные сходства в контекстах и применяемых стратегиях воспитания этих семей, задающих гражданский вектор тем жизненным стилям, которые практикуют сегодня их дети. Действительно, для родительского поколения тема воспитания детей в интервью нарративно раскрывается как вполне осмысленная, не раз проговариваемая и обдумываемая. Также интересно, что социальный статус информантов-родителей позволяет им не сомневаться в своем «праве голоса» (Омельченко, Андреева, 2017). Редко кто соглашается с несостоятельностью

собственных воспитательных усилий и утверждает, что «много информации в Интернете, они смотрят, сейчас учи не учи, дети все равно берут с улицы» (жен., 40 лет, поколение родителей).

Большинство осознают и проявляют активную жизненную позицию, и их роль в поколенческой трансмиссии отнюдь не пассивная. У них есть готовые ответы на вопрос, какие ценности им важно передать детям, при этом функцию поколенческого вклада они также готовы взять на себя. Родители видят свою роль в материальном обеспечении детей, но значительно больше — в культурном (символическом) вкладе в их воспитание. Лишь в отдельных историях кажется, что этот вклад носит вынужденный характер:

«...Мы смогли дать детям образование... Естественно, обеспечили детей жильем, это немаловажно. ...Мы учили только добру, всему хорошему, а когда пришлось вытолкнуть их в большую жизнь, там оказалось очень сложно, но, в общем-то, они справились с нашей помощью. Ну вот я говорю, нам пришлось уехать для того, чтобы помочь им (сыновьям), пришлось там продать жилье, чтобы купить здесь... Где-то не скитаться по чужим квартирам. Это мы смогли, но не все это же могут... это вообще проблема нашего государства, причем самая большая проблема» (жен., 59 лет, поколение родителей).

«Я считаю, что ребенку, по возможности, (надо) открыть свободу горизонта, т. е. привить всевозможные навыки, вот какие... что можешь дать. Я вот немного была обижена на своих родителей за то, в советское время было не так принято... меня не водили ни по каким кружкам... то есть я не ходила ни на языковые, ни на творческие, рисование. То есть дочь, по возможности, я учила, на что хватило времени и сил. Я считаю, что это интеллектуально развивает человека... человек может понять, что ему близко, что ему нравится» (жен., 54 года, поколение родителей).

За этой вынужденностью, отчасти связанной с ожиданием государственной поддержки, с одной стороны, собственная семейная история и опыт, подвигший на воплощение индивидуальной воспитательной стратегии в компенсаторной логике, а с другой стороны — ностальгия по советскому детству, когда часть родительской ответственности за ребенка можно было переложить на формальные и неформальные общественные институты, в том числе на соседей:

«Им (родителям) некогда было за нами смотреть. Нас, наверное, воспитывала улица

больше. Я знаю одно. Ну, представьте себе: женщина, трое детей. Она работает, у нее коровы, ну, как мама моя держала. Свиньи, хозяйство, у нее машинка «Волна», которая стирает вручную, где куча белья грязного. Воду нужно принести из колонки. Ведрами, тогда это было для детей? Нет, конечно. Там приходишь — мама, я есть хочу... — Вот там возьми в холодильнике молоко! Им даже варить есть некогда было» (жен., 59 лет, поколение родителей).

Почти во всех родительских нарративах воспроизводится либеральная модель семейного воспитания, т. е. между родителями и детьми предполагается выстраивание партнерских отношений. Почему же именно либеральная воспитательная схема оказалась наиболее транслируемой? На наш взгляд, это может быть также объяснено спецификой исследуемых семей (активные горожане среднего класса крупного мегаполиса) и теми реальными поведенческими практиками родительства, которые они воспроизводят в ответ доминирующим властным дискурсам о семье. Рассматривая четыре базовых мифа представлений о семье — «кризис», «золотой век семьи», «инструментализм» и «равные возможности», оказавших влияние на официальную семейную политику в России начиная с 2000 года, исследователи отмечают (Печерская, 2012), что все они отвечали двум противоположным запросам общества — либеральному и консервативному (в том числе и по отношению к содержанию семейных отношений). Но первые три мифа консолидировали неорационалистскую парадигму семьи с ярко выраженным пронаталистским уклоном (в определенной мере нормализовав ее), а мифологема «равных возможностей», несмотря на то, что в какой-то мере «разбавила» дискурс, все-таки не привела к кардинальным его изменениям, так как в риторике по-прежнему сохранялась гендерная асимметрия во внутрисемейной сфере. Но это не отменяет наличия социального запроса некоторых групп на либеральный образец семьи или какие-то отдельные его элементы, в том числе и на организацию внутрисемейных отношений по принципу «равный — равному». Поэтому предположим, что в какой-то части (ребенок — родитель) элементы либеральной модели семьи могут воспроизводиться, а в какой-то, например, в отношениях между партнерами — не факт. Этот вывод, конечно, не претендует на всеобщность, тем не менее он отвечает на вопрос о том, почему, с одной стороны, репрезентируя характер своих внутрисемейных отношений, информанты воспроизводят либе-

ральную риторику в отношениях с детьми, но одновременно показывают приоритет традиционных семейных ценностей.

Итак, родительские представления о собственных воспитательных стратегиях раскрываются в нескольких ключевых темах взаимоотношений с собственными детьми.

Первая — это важность налаженного детско-родительского диалога: с детьми надо говорить, говорить регулярно, проговаривать все, что может в будущем быть проблемой, нельзя запрещать, нужно разъяснять:

«Просто надо говорить, говорить, говорить, говорить, говорить. И тогда приходит какое-то общее понимание, чего она хочет... По крайней мере, сделать попытку, постоянную попытку сблизиться. Вот тогда получается, что мы можем договориться... Меня всегда интересовала внутренняя жизнь ребенка. Если мы вот читали с ней книгу, мы с ней обсуждали эту книгу. Если ей герой понравился...» (жен., 50 лет, поколение родителей).

Вторая тема нарративов — важность поддержки детей: их надо поддерживать всегда и во всем; родные, близкие, семья в целом должны стать основной опорой, защитой:

«Дочь я всегда поддерживаю. У меня такое убеждение, что детей надо всегда поддерживать... я могу как-то что-то спросить, посоветовать, или сказать, по каким-то опасениям, или дать какие-то советы, сказать, что вот так вот нельзя, это нельзя, иначе будет то-то, то-то, то-то, а так, вообще всегда поддерживаю, потому что это мой ребенок, а это его выбор» (жен., 54 года, поколение родителей).

«Я сына стараюсь, сколько могу поддерживаю, вот, а если, например, нет таких отношений с родителями, с братьями, сестрами там приятельских отношений, то одному тяжело в принципе» (жен., 42 года, поколение родителей).

Третья тема — сопоставимая с первой и второй — это тема доверия к своему ребенку: важно доверять, чтобы и он мог доверять тебе, не обещать того, чего не выполнишь, доверять, чтобы не ограничивать и помочь раскрыться:

«Очень боялась ее сломать... мы ей разрешили много что пробовать. И, наверно, вот себя преодолеть, чтобы не запрещать ребенку делать какие-то очень... По поводу: ребенок идет по высоченному буму, высоченному, метр. «Вы не боитесь?» Я говорю: «Боюсь». «Почему вы ей разрешаете?» Я говорю: «Ну так это я же боюсь, а ребенок хочет попробовать». Моя задача — ее подстраховать. Справиться с собст-

венными страхами. Я давала ей руку всегда и говорила: «Ты всегда можешь на меня положиться». И она шла. Поэтому она, наверно, не боится пробовать что-то новое. Мне кажется, вот это качество мы привили с мужем. И муж тоже в этом отношении двигался, чтобы доверять ребенку» (жен., 50 лет, поколение родителей).

Четвертая тема — важность формирования самоотношения ребенка, его самооценки и уровня притязаний: детей надо хвалить, не жалеть на детей слов, не подавлять, поменьше контролировать, а если и делать это, то лучше всего так, чтобы ребенок это явно не наблюдал:

«Никогда я так жестко не ограничивала. Даже когда она была 15–16 лет, я проверяла, я карманы проверяла. Но она об этом никогда не знала и, я надеюсь, никогда не узнает. Как бы контроль был такой, чтобы дети об этом не знали, не слышали. Потому что я считаю, если мы ограничиваем детей в чем-то, они, наоборот, будут этого хотеть. Пытались разговаривать. С сыном сейчас. Мальчишки бегают, кто его знает, будут курить или еще чего-то хотеться. Начинаешь какие-то беседы. Сейчас начинаю какие-то беседы проводить с ним» (жен., 40 лет, поколение родителей).

Пятая тема, характеризующая либеральную воспитательную модель в нарративах информантов-родителей, — важно, чтобы семья научила ребенка быть счастливым:

«Что должна дать семья? Во-первых, ощущение защищенности, а во-вторых, она должна дать полную социализацию человеку, т. е. он должен учиться жить без тебя. Ну и конечно, что касается моральных качеств, для меня очень важно — это честность, иметь свое мнение, не попадать под влияние толпы и постараться быть счастливым. То есть мне не важно, кем ты будешь работать, карьера там, мне самое главное, счастлив ты или нет, мне не важно, даже если ты дворник или в кочегарке, в подсобке — ты просто должен быть счастлив» (жен., 42 года, поколение родителей).

Конечно, проговариваемые установки и представления у родителей можно назвать отчасти идеализированными и рассматривать их как особый репрезентативный способ говорить о своих отношениях с собственными детьми. Глубинные ценностные смыслы (мировоззренческие детерминанты, в том числе трансляция ценностей, связанных с общественными идеалами) не прочтываются в таком «назывном порядке», поэтому дальше постараемся описать общие ценностные тенденции, которые, отталкиваясь от контекста родительских интервью,

являются значимыми для самих родителей. И они, соответственно, это то, что прямым или косвенным образом, не всегда проговаривая и акцентируя, родители транслируют своим детям.

Из контекстов интервью становится ясно, что доминирующими являются все же коллективистские, а не индивидуалистические тенденции, а также ценности консолидации. Они прочтываются в нарративах как бы между строк, не артикулируемыми «посылами»: «надо дружить со всеми, со всеми доброжелательно общаться, чтобы тебе могли помочь, оказать поддержку», «надо помогать всем, проявлять заботу, делиться тем немногим, что у тебя есть», «нельзя подвести людей, оказавших тебе доверие», «надо быть ответственным» и т. д. Части наших информантов из поколения родителей ближе скорее традиционалистские ценности (мамы и бабушки переживают за дочерей с «неустроенной личной жизнью», стараются аргументированно представить пользу «одного брака на всю жизнь», говорят о важности традиционного воспитания «в девочках женственности, а в мальчиках — мужественности» и т. д.), нежели альтернативные. Но встречаются и обратные случаи, причем во многом на ценностные ориентации родителей оказали влияние именно дети, их взгляды и выбор. Также особо подчеркивается, а в отдельных интервью даже внятно артикулируется ценность свободы:

«Я старался детям внушить вот эту любовь к свободе тоже... я их не сажал: «Девочки, запомните»... мне всегда казалось важным, чтобы у ребенка было свое мнение, чтобы он это мнение мог отстаивать при необходимости. Не знаю, как объяснить. Ребенок хочет полизать железную ручку, да? Есть два варианта, да? Дать по башке или есть вариант сесть и обсудить это дело, и объяснить, что это твое дело, пожалуйста. Вот ты свободный человек, реально, хочешь, иди и лижи. Ну, это я хочу объяснить, какие могут быть последствия, да? То есть мне всегда казалось, мне кажется, что я пытался детям дать вот эту, вырастить из них людей, которые имеют право на решение, которые свободны, которые имеют собственное мнение. И его добиваются» (муж., 50 лет, поколение родителей).

Но обратная сторона свободы, озвучиваемая во многих родительских нарративах, — это неременное принятие своей ответственности. На ней особенно акцентирует свое внимание родительское поколение, считая важным качеством, которое они хотели бы видеть в своих детях:

«Сейчас я смотрю вокруг, идет такое направление, что человек должен наслаждаться,

постоянно все удовольствия, это стремление, погоня за удовольствием... т. е. ответственность, я считаю, это очень важно» (жен., 55 лет, поколение родителей).

Актуализация темы свободы и ответственности в родительских нарративах связана, на наш взгляд, с проживанием современными родителями исторических событий конца 80-х — начала 90-х гг. XX века. Это период, на который пришлось их активная социализация, а распад СССР оказался значимым историческим событием, повлиявшим на становление их поколенческой идентичности, зарождаемой в пространстве дискурсов о свободе и новых рыночных отношениях. Но тогда их социальные потенциалы так и остались нереализованными, «ветер перемен» принес главным образом разочарования в новой постсоветской действительности, которая уже с начала 2000-х стала постепенно откатываться назад. Так «советский традиционализм» постепенно становился «новым российским консерватизмом». Потому отчасти в родительском поколении их сегодняшнее восприятие собственной гражданской и социальной активности (и в прошлом, и нынешней) проблематизируется. Они критически подходят к оценке своего собственного вклада в так и не состоявшееся «светлое будущее» и вне зависимости от видов и форм, которые принимает их активизм, склонны оценивать его как некую имитацию чего-то подлинно полезного в социальном смысле. Одновременно тема свободы осталась и продолжает транслироваться в родительских нарративах как своеобразный поколенческий атрибут.

Форматы межпоколенческой преемственности: траектории и механизмы усвоения опыта

Усвоение опыта и его последующее воспроизведение — тонкий и сложный процесс. Не останавливаясь подробно на его психологических аспектах, отметим, что в детско-родительском контексте он носит непрямой характер, в отличие от прямого, когда усвоение опыта организовано через специализированные институты (школы, вузы). То есть в русле детско-родительских отношений личность обучается на практике у окружающих, у взрослых родственников (через подражание, деятельность по образцу и т. д.). В нарративах информантов родителей это также нашло свое отражение:

«Специально я не рассказывал (о своей активистской деятельности в прошлом), но, с другой стороны, и не скрывал. Поэтому, наверно, когда ребенок в нашей среде, значит, растет,

ездит там с нами в какие-то загородные лагеря и т. д., значит, он это впитывает... Он с какого-то момента стал себя ощущать самостоятельным... Но я не помню какого-то такого, что называется, ключевого разговора. Его не было. Просто было все естественно» (муж., 55 лет, поколение родителей).

Основным механизмом межпоколенческой преемственности являются разделяемые практики, участие в общем, совместном деле. В нарративах поколения родителей достаточно часто встречаются упоминания о том, что они делают вместе со своими детьми. Также в родительских представлениях об идеальных воспитательных моделях (обязательный диалог, поддержка, доверие, формирование позитивного самоотношения у ребенка и установки на счастье), рассмотренных выше, несколько раз можно было встретить подчеркивание важности совместного времяпрепровождения: прогулок, походов в культурные места, поездок, просмотра передач и чтения книг для воспитания ребенка:

«Сама и разговаривала (с сыном), и были случаи, когда ходили и в лес, когда огороды — были тоже вместе, тоже у меня мальчикам надо туда-то поехать — мы вместе садились — ехали в компании, даже с ребятами ходили... и в футбол играли, это же все, все интересно» (жен., 46 лет, поколение родителей).

Но особо стоит отметить значение для межпоколенческой преемственности разделяемых практик, имеющих отношение к проявлениям гражданского активизма и у родителей, и у детей. Интересно, что политические взгляды и установки заметнее всего передаются в семьях с открытой коммуникативной культурой. Например, в семьях, где граждански активны и родители, и дети, регулярно принято разговаривать и обмениваться новостями, в детско-родительских отношениях нормой считается проявлять уважение к разным политическим взглядам, дети и родители даже ходят вместе на политические мероприятия:

«Два года назад, когда все в истерике билось по поводу того, что надо идти Украину всю вырезать, бандеровскую, значит, мы с (называет имя дочери. — Ю. А.) ходили на митинг антивоенный на Исаакиевскую» (муж., 50 лет, поколение родителей).

Но еще больше усвоению опыта способствует не просто разделяемая активистская практика, но и совместно организованное социально полезное дело:

«Все ходили вот это выборы... вот кто там участвовал на выборах, и наш сын тоже был на-

блюдателем. И мы как-то за ним очень следили, и всё было на подъёме, а потом это всё схлопнулось, да? И всё, и закрылось, а темперамент остался. Вот мы все, кто были наблюдатели, стали думать, куда бы себя деть, куда бы себя приложить, потому что политическая деятельность схлопнулась. И придумали, что давайте мы сделаем проект. Вот просто «Дети мигрантов», это вот он вырос из проекта «Наблюдатели Петербурга», а потом мы просто откололись... Следующий этап был: «Давайте может, попробуем, вот ещё есть такое: дети мигрантов по улицам ходят, давайте им поможем?», это в точности было продолжение политики» (жен., 48 лет, поколение родителей).

Общее дело, приносящее определенную социальную пользу, способствует тому, что даже травматичный родительский опыт имеет шанс усвоиться и переработаться детьми в не-проблемном ключе, что в свою очередь может стать ресурсом для детской активности:

«...История отчасти типичная для моего поколения... типичность в том, что в возрасте 17 лет... конец 70-х годов. Такой расцвет застоя в глухое время. Значит, характерной чертой которого был так называемый государственный антисемитизм, в частности, проявляющийся в ограничениях на получение высшего образования... мое национальное самосознание травматично. Оно основано на травме, полученной в возрасте 17 лет, когда я, значит, лбом уткнулся в государственный антисемитизм (информанта не приняли в институт по причине национальности. — Ю. А.). То есть это... некая проблема, что самосознание твердое, только оно, так сказать, негативное. Оно основано на негативном опыте. У моего сына такого... непосредственно негативного опыта нет. Значит, зато у него есть позитивный опыт. У него позитивный опыт в том, что он участвовал в каких-то еврейских мероприятиях, праздниках, мы организовывали большие фестивали klezmerской музыки... у него есть, значит, очень твердое национальное самосознание... и это важно, что его национальное самосознание позитивно, в отличие от национального самосознания моего поколения, также и предшествующего поколения, которое в значительной степени было негативно» (муж., 55 лет, поколение родителей).

**«Обратная трансмиссия»: темы
и пространства, в которых родители
конструируют себя как некомпетентных**

Выше уже было упомянуто, что трансмиссия в семьях может иметь и обратную направлен-

ность, т. е. дети, наряду с усваиваемыми родительскими ценностями, в свою очередь транслируют им те, которые актуальны для них самих. Результаты исследования показывают, что родители достаточно лояльно относятся к такому положению дел в случае, когда детско-родительские отношения выстраиваются по принципам открытой коммуникации. В родительских нарративах их дети выступают, например, проводниками либеральных ценностей:

«Вот, например, с младшей, вот у нас старшая дочка, она, предположим, она более патристично настроена, т. е. она такая более консервативная, жестких правил, патриот, вот такая. А младшая, она же вообще либерал, крайний, да. Я, например, я ей благодарен за что в том числе? За то, что она меня, например, научила гораздо большей терпимости. То есть там ещё лет десять назад я, наверное, был даже расист и гомофоб, в какой-то степени. Ну, не то, что там абсолютный, да? Ну, такой бытовой... Как основная масса населения нашей страны, скрытые. Вот её влияние: например, я стал по-другому на эти вещи смотреть благодаря ей. То есть вот она у нас крайний левый, вот старшая, там может, крайний правый. А вот я где-то уже ближе к центру. Вот я такой... То есть при том, что в разные периоды жизни, например, у меня были другие взгляды, там и у жены были другие взгляды. Сейчас вот как-то все потихонечку дрейфуем в одну сторону. Потому что общаемся, обмениваемся там, перевариваем, мы обсуждаем такие вещи. Выслушиваем друг друга, стараемся выслушивать, по крайней мере, в семье-то да» (муж., 50 лет, поколение родителей).

Интересно, что в интервью встречались лишь случаи, когда дети выступали проводниками именно либеральных идей для своих родителей, а, например, не консервативно-патриотических. Возможно, отчасти это связано именно с практикуемым их родителями либеральным стилем воспитания, даже несмотря на доминирование в семьях неотрадиционалистских взглядов на общественное устройство.

Также дети могут транслировать определенный жизненный стиль своим родителям, например, идею веганства:

«Наверное, она (дочь) меня подталкивала, чем я ее. У меня такое впечатление, что меня вот эти вещи заинтересовали (потому что. — Ю. А.), она этим занималась. С другой стороны, мне кажется, ей кажется хорошо и правильно, что у нее папа занимается такими вещами. Это действует как взаимная поддержка. Не то, что кто-то на кого-то посмотрел. А дело в том, что

произвели поддержку, что для дочери важно, что я ее поддерживаю, что я согласен с тем, что она не какой-то ерундой занимается, а делает что-то полезное. И для меня важно, что дочери кажется это хорошо и правильно. Ну, как-то так» (муж., 45 лет, поколение родителей).

Обратная трансмиссия имеет место быть и когда речь заходит не только о ценностях и стиле жизни, но и о практиках:

«Интервьюер: Электронной почтой пользуетесь как бы по старинке, что называется, с сайта..?»

Респондент: ...С сайта. С сайта. Нет, у меня, понятно, смартфон, в котором есть там это самое, ну (приложение). Но так по-серьезному я просто с сайта в Интернете. Вот я сейчас подписан на Телеграм, ну, потому что это, значит, моего сына, значит, такое активное средство взаимодействия с сыном. И заодно там с женой тоже. Ну, это, значит, вот Телеграм. Такая популярная штука. Мне сын сказал — вот Телеграм — это вещь. Ну, я понимаю, что, если я буду в Телеграме, он мне ответит.

Интервьюер: В плане гаджетов и Интернета к сыну обращаетесь за помощью по этому вопросу?

Респондент: Да, да, да. Постоянно. Естественно... Во-первых, я не настолько продвинутый. Потом, опять-таки это же время. Потому что если я сяду и буду долго разбираться, я, в конце концов, разберусь. Но мне проще обратиться к сыну, который мне тут же решит любую проблему» (муж., 55 лет, поколение родителей).

В том числе и о практиках социального активизма, о чем говорит, например, отец активистки и писатель:

«Интервьюер: А как вы начали писать? Заниматься творчеством?»

Респондент: А это дочкам спасибо, только им. Вот С. у нас младшая, а есть у нас старшая сестра К., вот и был момент, я работал на заводе вот директором, а К. у меня помощником работала. И тогда Интернет же еще для меня был, она меня научила пользоваться Интернетом. И я начал там читать всякие рассказы, был такой ресурс (называет. — Ю. А.), сейчас полное дерьмо, я вам не рекомендую, а когда-то он был очень интересным, во времена албанского языка» (муж., 50 лет, поколение родителей).

При этом интересно, что многие информанты родительского поколения не интерпретируют свою гражданскую активность, общественные социальные практики как активность в принципе и в нарративах конструируют себя как социально неактивных. Так, например, мама блоге-

ра-активистки, которая и сама ведет группу, и достаточно активна в социальной сети, уверена, что поколение современной молодежи «уже в 11 лет знают... что я в 25 не знала» (жен., 50 лет, поколение родителей). Возможно, это связано с различиями в восприятии родителями собственных активностей и особенностями оценки их социальной пользы.

Разрывы в межпоколенческой преемственности в контексте обратной ценностной трансмиссии от детей — к родителям

Что касается разрывов в преемственности опыта, неповторяемости его воспроизведения в поколении детей, то пока сложно с определенностью утверждать их природу. Во-первых, их достаточно сложно зафиксировать в контексте интервью. Чаще всего это непроговариваемые темы и замалчиваемые случаи, потому что, как правило, во время интервью респонденты склонны к бесконфликтному самоконструированию. Во-вторых, пока можно лишь конструированно оформить несколько очевидных эпизодов детско-родительских разрывов, которые были связаны прежде всего с практикуемыми стилями жизни. Потому что лишь по отдельным упоминаниям из интервью, например, с членами одной семьи, сопоставив нарративы, полученные у представителей и родительского, и детского поколения (связанные с описанием состава семьи, устройством их быта и повседневными практиками каждого ее члена), спроецировав их рассказы один на другой и на тот тип активности, который реализует информант из когорты молодых активистов, можно предположить, с чем именно может быть связан этот разрыв в преемственности опыта.

Первый эпизод разрыва межпоколенческой преемственности (от матери — к дочери) касается того, что старшая дочь категорично отказывается воспроизводить жизненные ценности, транслируемые остальными членами ее семьи (включая мать, 17-летнюю сестру и отчима). Девушка даже выкупила комнату в их общей квартире и ведет отдельное домохозяйство с тем, чтобы минимизировать «неприемлемую ценностную трансляцию». Но при этом в интервью ни девушка, ни ее мама не говорят об устройстве своей жизни в проблемном ключе. Мама воспроизводит это чаще в русле именно политических ссор, а не стиливых (ценностных) различий:

«Респондент: Я мало обсуждаю (с дочерью. — Ю. А.), потому что вижу бессмысленность этих обсуждений, мы начинаем ссорить-

ся, ругаться, каждый говорит то, что он думает, в итоге ни к чему хорошему это не приводит... О политике вообще не люблю говорить, не люблю слушать, когда говорят, потому что на самом деле это всё — сотрясение просто воздуха, мы вряд ли что-то можем изменить в этой системе. Кто-то просто в розовых очках не задумывается ни о чём, и когда вдруг ему что-то начинают говорить, он делает большие глаза и обижается.

Интервьюер: Но если в семье происходит это обсуждение, то кто участвует в дискуссиях?

Респондент: Моя старшая дочь... старшая дочка что-то такое высказывает, К. иногда, мой мужчина, с которым я живу. Я не очень участвую в таких беседах» (жен., 44 года, поколение родителей).

В этой семье у дочери в какой-то мере получается транслировать свои принципы и стиль жизни маме (это может быть и обоюдный процесс): кроме договорных отношений совместного проживания, к примеру, в интервью мама упоминает, что свой телевизор она уже выкинула и, несмотря на то, что идейной вегетарианкой, как ее старшая дочь, не является, она вполне может есть и вегетарианскую пищу. На вопрос о том, что же семья должна дать ребенку, по ее мнению, женщина отвечает, имея в виду обеих своих дочерей:

«Научить ребёнка самостоятельности, отсутствия страха высказать своё мнение. Просто направлять его, не мешать человеку развиваться, поддерживать, когда нужно... нельзя ограничивать свободу ребёнка. То есть он — свободная личность, он думает, он чувствует, он что-то знает лучше тебя. Тревожность особенная тоже вредит ребёнку, если в семье присутствует такая тревожность. Каждые 5 минут нужно отзваниваться или ещё что-то. У нас такого нет. Я свободно отпускаю. Я понимаю, что если он мне не отзвонился, я всё равно ничего сделать не смогу. Если что-то уже произошло, значит произошло» (жен., 44 года, поколение родителей).

Потому в данном эпизоде межпоколенческой преемственности трансмиссия имеет скорее обратный характер.

Второй эпизод также может служить примером, с одной стороны, демонстрирующим межпоколенческий разрыв в усвоении опыта, передаваемого от отца к дочери, но с другой — показывающим, как происходит обратная ценностная трансмиссия: от дочери — к матери. Так, девушка-волонтер одного из детских благотворительных фондов достаточно подробно

рассказывает о своих общих с мамой активистских и не только интересах и разделяемых практиках:

«Респондент: Ну, так она (мама) занимается, она тоже вместе со мной в фонде, занимается йогой, ходит, всякие лекции слушает вместе со мной. В общем, с мамой весело.

Интервьюер: А кто раньше начал?

Респондент: Я не знаю, мне кажется, это на самом деле такой довольно одновременный процесс прошёл, и это довольно забавно, потому что мама, в прямом смысле, лучшая подруга. То есть мы читаем одинаковые книги, мы скидываем друг другу посты ВКонтакте про лекции, на которые мы хотим попасть, стоим вместе на акциях, в общем, слишком хорошо, чтобы быть правдой (смеётся). Я очень довольна, просто благословляю эти отношения каждый день.

Интервьюер: Ну, это здорово. Просто не все хотят, например, проникновения такого сильного родителей в свою жизнь.

Респондент: Да, ну, я не знаю, как-то так с мамой случайно вышло. У нас куча общих знакомых, т. е. плюс за счёт того, что мы вместе ходим на ту же йогу, да, у нас есть общие знакомые, с фонда общие знакомые и, в общем, отовсюду» (жен., 20 лет, детское поколение, волонтер).

Мама девушки говорит, что это именно дочь подтолкнула ее заняться тем же, чем и она сама, проявив инициативу:

«А в N [название организации] как бы я давно о ней знала, потому что они часто проводят в театрах, у них на площадках. Вот у них стоит растяжка, т. е. достаточно известный фонд. Ну, кстати, старшая дочка просто пошла первой» (жен., 43 года, поколение родителей).

Если с матерью они являются единомышленниками и подругами, то с отцом у девушки отношения не складываются. Предметом конфликта служит разница во взглядах на практикуемый стиль жизни, который порой переводится в плоскость политических противоречий:

«Папа работает, у него свой небольшой бизнес. С папой сложнее, тут как-то гораздо меньше общих тем, вообще их почти нет, и общих взглядов, и это вызывает некоторые конфликты. Ну, и политические взгляды очень разные, и йога ему не нравится, и очень не нравится, что мы с мамой этим занимаемся... Плюс мы с мамой вегетарианки, и это тоже было просто огромное поле для постоянных ссор. Что там? Ну, как бы, в общем, всё, всё, всё на самом деле довольно острое... Я хочу уехать, поступать в магистратуру за границу, во Францию,

надеюсь, и в перспективе остаться жить там. А папа говорит, что стабильность — это хорошо и вот как бы... плюс вот мы родились в этой стране, и мы должны быть ей за это благодарны, я не очень понимаю почему, кому собственно должна быть благодарна? Как должна выражаться моя благодарность стране? В дачах, которые мы строим чиновникам (смеётся)? Ну, и это, следовательно, такая острая тема» (жен., 20 лет, детское поколение, волонтер).

Таким образом, разрывы в межпоколенческой преемственности в какой-то мере могут компенсироваться обратной ценностной трансмиссией стилей и взглядов от детей — к родителям.

ВЫВОДЫ

Сегодня вектор внутрисемейной трансмиссии ценностей гражданского участия и социального включения может быть направлен не только от родителей к детям, но и, наоборот, от детей — к родителям, а складывающиеся внутрисемейные взаимодействия и особенности межпоколенческих связей являются одним из ключевых ресурсов социального, гражданского участия как для молодежи, так и для поколения родителей. Ключевые родительские установки, распространенные внутри «серединного поколения» городского среднего класса и касающиеся выстраивания детско-родительских отношений, отвечают *либеральной модели родительства* (с ребенком надо разговаривать, доверять ему, поддерживать, а не давить, важно формировать позитивное самоотношение у ребенка, научить его быть счастливым). Интересно, что трансляция либеральной модели родительства происходит даже при сохранении в семьях неотрадиционалистских взглядов на общественное устройство и наблюдаемую гендерную асимметрию внутри семей.

Родительский нарратив о воспитании, транслируемых ценностях и в целом о том, каким должен быть их символический поколенче-

ский вклад, вполне осмысленен. Вместе с тем, с одной стороны, родительские установки идеализированы: с ребенком нужен диалог, нельзя ограничивать его свободу, ему нужно доверять формировать адекватное самоощущение и т. д., но, с другой стороны, глубинные ценностные смыслы указывают на приоритеты коллективистских, консолидирующих и солидарных ценностных тенденций. Ключевой ценностной темой в родительских нарративах является тема приоритета свободы и готовности к ответственности за нее.

Основным механизмом межпоколенческой преемственности в детско-родительской коммуникации выступают разделяемые практики родителей молодых гражданских активистов и их самих. Это способствует непроблемному усвоению опыта даже в случае его травматичного наполнения. Разделяемые активистские практики и поддержание общих гражданских инициатив трансформирует вертикальный детско-родительский вектор трансмиссии в горизонталь социальных связей и отношений. В обратной трансмиссии в нарративах проблематизирован ряд тем и пространств, где родители конструируют себя как некомпетентных. Отчасти такая проблематизация связана с обращением родительского и прародительского поколений к своему «советскому прошлому» и восприятием собственной гражданской и социальной инициативы как имитации «по-настоящему полезного» в социальном смысле.

Внутрисемейная преемственность и важность для родителей опыта молодого поколения может быть объяснена совместной мотивацией к поддержанию открытой коммуникации, а также тем, что сегодня сфера социальной, гражданской активности включает в себя значительное число онлайн-пространств и требует освоения новых технологий, оперирование которыми вызывает у поколения родителей определенные трудности.

Литература

1. Кросс-культурная психология / Д. В. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл, П. Р. Дасен. — Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2007. — 560 с.
2. Дементьева И. Ф. Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье / И. Ф. Дементьева // Вестник РУДН. Серия Социология. — 2004. — № 6—7. — С. 150—160.
3. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид ; пер. с англ. и комментарии Ю. А. Асеева ; сост. и послесл. И. С. Кона. — М. : Наука, 1988. — 429 с.
4. Омельченко Е. Л. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений / Е. Л. Омельченко, Ю. В. Андреева // Социологические исследования. — 2017. — № 11. — С. 147—156. — DOI: 10.7868/S0132162517110162.

5. Печерская Н. В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи / Н. В. Печерская // Журнал исследований социальной политики. — 2012. — Т. 10, № 3. — С. 323—342.
6. Тарабрина Н. В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы (по материалам зарубежной литературы) / Н. В. Тарабрина, Н. В. Майн // Консультативная психология и психотерапия. — 2013. — № 3. — С. 96—119.
7. Lareau A. *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*. Berkeley: University of California Press, 2003.
8. Lareau A. *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life, 2nd Edition with an Update a Decade Later*. Berkeley: University of California Press, 2011.
9. Mannheim K. *Das Problem der Generationen / Wissenssoziologie*. Auswahl aus dem Werk, hg. v. Kurt H. Wolff, Berlin und Neuwied, 1964.

"NOT GILDED YOUTH WITH INTEREST IN THE EYES": SOCIAL PARTICIPATION OF YOUNG CITIZENS THROUGH THE PRISM OF INTERGENERATIONAL TRANSFER OF VALUES

Yu. V. Andreeva

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

yulia.andre@gmail.com

The article is devoted to the discussion of the importance of intergenerational transfer of values in the context of civic practices of young citizens and youth social inclusion. The author analyses the mechanisms and trajectories of intergenerational transfer of values in St. Petersburg families of the urban middle class, whose younger representatives represent themselves as social and civic activists. The theoretical part examines the academic discussion around the concept of "intergenerational transmission of values", describes the possibilities and limitations of its application in the current perspective, notes the interactive nature of transfer, which determines both generational differences and similarities between generations in the families of a middle class of a large metropolis. The focus of the empirical part is the attitudes and value concepts of the "older" generation in the context of constructing specific generational experience, as well as the realized models of parenting in the context of its transfer. In the course of a comparative analysis of interviews with young active citizens and their parents, the features of intra-family intergenerational interaction and mechanisms of intergenerational ties that contribute to the transfer of values and experience, as well as gaps and "points of conflict" in intergenerational continuity are shown, which determine the specifics of civic participation and social inclusion of youth.

Key words: social participation of youth, civic activism, intergenerational transfer of values, generational transfer of values in families.

References

1. Berri D. V., Purtinga A. H., Sigall M. H., Dasen P. R. (2007) *Kross-kulturnaya psikhologiya* [Cross-culture psychology]. Harkov: Gumanitarnyj tsentr, 560 p.
2. Demytyeva I. F. (2004) *Transformatsiya tsennostnykh orientatsiy v sovremennoy rossiyskoy semye* [Transformation of value orientations in the modern Russian family]. *Vestnik RUDN, ser. Sotsiologiya*, (6—7), p. 150—160.
3. Mid M. (1988) *Kultura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya* [Culture and world of childhood. Collected works: trans. by Yu. A. Aseeva]. M.: Nauka, 429 p.
4. Omelchenko E. L., Andreeva Yu. V. (2017) *Chto ostaetsya v semeynoy istorii: pamyat o sovetskom skvoz razgovor trekh pokoleniy* [What remains in family history: memory of the soviet through the conversation of three generations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (11), p. 147—156. DOI: 10.7868/S0132162517110162.
5. Pecherskaya N. V. (2012) *Mifologiya roditelstva: analiz diskursivnogo proizvodstva idealnoy semyi* [Mythology of parenthood: analysis of discourse production of an ideal family]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, (3), vol. 10, p. 323—342.
6. Tarabrina N. V., Mayn N. V. (2013) *Fenomen mezhpokolencheskoy peredachi psikhicheskoy travmy (po materialam zarubezhnoy literatury)* [Phenomenon of intergenerational transmission of psychiatric trauma (on the materials of foreign literature)]. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, (3), p. 96—119.
7. Lareau A. (2003) *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*. Berkeley: University of California Press.
8. Lareau A. (2011) *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life, 2nd Edition with an Update a Decade Later*. Berkeley: University of California Press.
9. Mannheim K. (1964) *Das Problem der Generationen / Wissenssoziologie*. Auswahl aus dem Werk, hg. v. Kurt H. Wolff, Berlin und Neuwied.

А. Ю. Домбровская

Московский
педагогический
государственный
университет
(г. Москва, Россия)

au.dombrovskaya@mpgu.su

Е. Р. Никулин

Московский
педагогический
государственный
университет
(г. Москва, Россия)

egor.nikuln.98@bk.ru

**НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ДИСКУРС
В СОЦИАЛЬНО-МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ, СТРУКТУРНЫЙ
И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Статья посвящена комплексному анализу процесса формирования национально-государственной идентичности в социально-медийном сегменте информационной сферы Республики Беларусь. В работе методами дискурс-анализа и киберметрического анализа при опоре на сетевой и конструктивистский подходы проанализированы характеристики национально ориентированного информационного потока в белорусском медийном поле: изучены его содержательные (семантические) особенности, рассмотрены структурные элементы коммуникации внутри аудитории (субъекты, продуцирующие контент, и его потребители), нацеленной на радикальное преобразование процесса белорусизации, а также исследованы половые, возрастные и региональные особенности представителей национально ориентированного дискурса. На основе полученных данных и их интерпретации нами выявлены основные характеристики элементов формирования и продвижения белорусского «национального мифа» в сетевом пространстве, способствующего ускоренному завершению конструирования национально-государственной идентичности белорусов.

Ключевые слова: дискурс, информационный поток, национально-государственная идентичность, медийный агент, национальный миф.

АКТУАЛЬНОСТЬ

На протяжении нескольких последних десятилетий на территории всего постсоветского пространства отмечается ярко выраженная тенденция на обособление от культурно-исторической общности с Российской Федерацией (далее — РФ) и установление курса бывшими республиками СССР на формирование собственной национально-государственной идентичности. В контексте современной геополитической ситуации в Восточной Европе, входящей в зону особых интересов российской внешнеполитической доктрины, объяснимо стремление РФ к экономической, политической и военной стабилизации западных границ. Исходя из этого, формирование и поддержание «пояса» союзников в восточноевропейском регионе представляется первостепенной геостратегической задачей для РФ. Особое место в описываемом внеш-

неполитическом направлении играет Республика Беларусь (далее — РБ), которая имеет союзнические отношения с нашей страной в рамках многих военных, экономических и геостратегических проектов. В связи с этим, с нашей точки зрения, необходимо проанализировать, каким образом происходит конструирование и продвижение национально-государственной идентичности в социально-медийном пространстве РБ и насколько данные процессы подвержены общим трендам, присущим бывшим союзным республикам, а также исследовать процесс дистанцирования (зачастую конфронтации) от РФ.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

На данный момент, несмотря на заверения руководства РБ о незыблемости двусторонних союзнических обязательств не только в военно-политической сфере, но и в рамках культурно-

исторических взаимоотношений, между соседними государствами в офлайн-пространстве и в сегменте традиционных СМИ РБ имеют место быть несколько факторов, актуализирующих данное исследование. Например, одной из ключевых проблем российско-белорусских отношений является языковой вопрос. Формирование «национального мифа», необходимого для конструирования собственной национально-государственной идентичности, невозможно без преваляирования «родного» за счет популярного, но в рамках политики белорусизации «чужого» языка⁴. Несмотря на рост популярности русского языка, который вызван, на наш взгляд, невысокими, но стабильными темпами урбанизации населения РБ, поскольку русский язык — «городской» язык, 64 % опрошенных считают необходимым расширить поддержку белорусского языка, что говорит о росте национально ориентированных настроений в РБ, выстроенных на антироссийской основе⁵. Кроме того, описанный выше тезис подтверждает и медийная волна, связанная с получением Украиной собственной автокефальной церкви и актуализацией формирования независимой от Московского Патриархата собственной религиозной структуры⁶.

Теоретическим объектом исследования в данной работе служит национально-государственная идентичность того или иного общества.

Предметом исследования являются содержательные, структурные и социально-демографические характеристики национально ориентированного дискурса РБ.

Эмпирический объект исследования представляет собой контент пула сообществ, релевантных теме данной работы⁷, а также дис-

курсивное поле отобранных медийных агентов в виде матрицы равной 600 единиц анализа⁸.

Целью работы является определение структурных, содержательных и социально-демографических характеристик национально ориентированного дискурса в белорусском сегменте социально-медийного пространства.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для начала отметим, что на сегодняшний день имеется дефицит работ, анализирующих процесс формирования национального дискурса (его основных характеристик) в контексте создания национально-государственной идентичности в «новых» медиа как в РБ, так и в странах ближнего зарубежья при помощи дискурсивного и социально-медийного анализа, что также обуславливает выбранную нами стратегию исследования.

В рамках данной статьи мы будем исходить из конструктивистской модели формирования этнической самоидентификации, спровоцированной психологическими причинами социума, на основе которой создается национально-государственная идентичность. Отметим, что национально-государственная идентичность формируется и поддерживается путем создания «национального мифа», который может находить свое выражение в трансляции ценности сакрального места (места «сборки нации»), национального героя либо исторической преемственности от ныне несуществующего государства, приобретшего в сознании общества образ «империи», «легенды», «цивилизации» [9, с. 23—24] (в объектно-предметной области настоящей статьи: Полоцкое княжество, ВКЛ, Речь Посполитая), а зачастую в дистанцировании от образа иного, неприемлемого исторического конкурента, «соседа» [2, с. 163]. Исходя из этого, учитывая тесные исторические и культурные взаимосвязи между РФ и РБ, логично отметить, что превалярующим в процессе формирования национально ориентированной среды в «новых» медиа является дискурс, связанный с РФ. Поэтому, с нашей точки зрения, необходимо проанализировать политический ландшафт РБ для выявления основных интересантов и их медийных агентов, участвующих в формировании национально ориентированного дискурса.

⁴ «Белорусизация»: противопоставление русского языка «родному». — URL: <https://regnum.ru/news/2697106.html> (дата обращения: 10.12.2020).

⁵ В Белоруссии обнаружили «обвальное падение» про-российских настроений. — URL: <https://lenta.ru/news/2020/02/05/opros> (дата обращения: 10.12.2020).

⁶ Ожидает ли «украинизация» Белорусскую православную церковь? — URL: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/01112019-ozhidaet-li-ukrainizatsiya-belorusskuyu-pravoslavnuyu-tserkov> (дата обращения: 10.12.2020).

⁷ Ссылка: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1cwZQicHDEXZuM1fA2Xir4_X7GeJF_O9DNaGAEH7do1A/edit?usp=sharing (Лист 1).

⁸ Ссылка: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1cwZQicHDEXZuM1fA2Xir4_X7GeJF_O9DNaGAEH7do1A/edit?usp=sharing (Лист 2).

Итак, команда исследователя А. А. Слинко считает, что основной угрозой пророссийскому вектору является не только неформальная оппозиция режиму А. Г. Лукашенко, но и само руководство страны, поскольку белорусский авторитаризм воспринимается как одна из составных частей пророссийской ориентации граждан РБ, и, дискредитируя себя, элита «сужает» социальную базу пророссийски настроенных граждан, которая «перетекает» в более привлекательную, с их точки зрения, прозападную или национально ориентированную [5, с. 107—114].

Иную позицию на внутривнутриполитическую повестку в рамках геополитического и идеологического выбора РБ имеет Ю. В. Шевцов, считающий, что на антироссийской риторике стремятся достичь своих интересов, помимо ведущих политических акторов, в том числе и ученые-«западники», так как именно они в условиях смены геополитического курса на прозападный или национально ориентированный станут интеллектуальной базой для его идеологического обоснования [8, с. 114—136].

На основе изучения статьи Е. Л. Бульenkовой можно сделать вывод о том, что и региональные игроки (внутриполитические) также спекулируют на теме собственной идентичности, поскольку региональная специфика в РБ имеет место быть и для ряда областей РБ характерно наличие собственного «национального мифа» [1, с. 184—186].

Если говорить о внешнеполитической ориентации самих белорусов в контексте их идеологического выбора, отражающего характеристики национально-государственной идентичности, то здесь стоит обратить внимание на работу Д. И. Наумова и С. А. Ломова, которые коррелируют внешнеполитическую ориентацию граждан РБ с культурно-языковыми, политическими и национальными особенностями территорий исследуемого нами государства [3, с. 261—264]. Однако, по их мнению, данная корреляция носит несколько хаотичный характер и не дошла до стадии своего логического завершения, что усиливает степень актуализации нашего исследования. Вторит Д. И. Наумову и С. А. Ломову и А. С. Федорова, которая также обуславливает дихотомичность внешнеполитических предпочтений историческими и культурными причинами: одна часть граждан современной РБ стала католической (униатской), а вместе с тем частью западного сообщества, а другая осталась православной, сохранив общую идентичность в рамках «русского мира» [6].

Резюмируя, отметим, что подавляющая часть упомянутых выше ученых подчеркивают схожесть РБ и Украины в контексте формирования собственной национально-государственной идентичности, обусловленной внешнеполитической дихотомичностью.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Платформой настоящего исследования является социально-медийный сегмент медийной сферы РБ, что обуславливается несколькими причинами. Во-первых, данный сегмент претерпевает наименьшее давление со стороны надзорных государственных органов, что, на наш взгляд, позволяет рассматривать его в качестве условно объективной площадки для проведения исследования. Во-вторых, именно социально-медийный сектор позволяет наиболее полно выявить разносторонние характеристики того или иного дискурса, отображающего протекающие в государстве процессы. Более того, один из авторов сетевого подхода, М. Кастельс, подчеркивает: «Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [10, р. 494], что, исходя из контекста нашей работы, целесообразно понимать в качестве становления «установок», сформированных в социально-медийной среде, как первоисточников, задающих тренды в образах и смыслах реальной политической жизни.

В рамках статьи мы опирались не только на сетевой подход, обоснование применения которого описано выше, но и на конструктивистский подход к пониманию этноса и нации. С нашей точки зрения, национально-государственная идентичность навязывается обществом индивиду в процессе его социализации ввиду удовлетворения им ряда потребностей (например, в безопасности) путем внедрения его в сформированное информационное окружение [4, с. 216]. Отметим, что государство следует рассматривать как ведущий, но не единственный медийный агент, конструирующий данное информационное пространство общества.

ФОРМИРОВАНИЕ ВЫБОРОЧНОЙ СОВОКУПНОСТИ

При формировании выборочной совокупности мы разделили медийных агентов на 4 квоты по 25 сообществ: провластные, формально

оппозиционные, «несистемные» и нейтральные сообщества.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методика данного исследования состоит из нескольких этапов.

Первый из них заключается в формировании и заполнении матрицы⁹ методом дискурсивного анализа, которая затем рассматривалась программой статистического анализа SPSS STATISTICS с помощью осевого и кросстабуляционного метода анализа эмпирических данных.

Особый интерес для нас представляют следующие параметры.

Характеристика внешнеполитического контента является ключевой задачей исследования, поскольку формирование идентичности в медийном поле происходит путем либо обособления от какого-либо внешнеполитического актора, либо включения себя в его историческую, культурную, экономическую и политическую орбиту. Однако ввиду того, что дискурс, в том числе и внешнеполитический, согласно Е. А. Чурашовой, делится на дискурс-защиты и дискурс-нападения, параметр будет принимать следующие значения: про- и антироссийское, про- и антиевропейское, про- и антиамериканское, про- и антиазиатское (а кроме того, про- и антилатиноамериканское и про- и антиафриканское из-за предположительно малой доли релевантного контента, связанного с внешнеполитическими акторами этих регионов), а также важнейшее значение в рамках настоящего исследования — «самобытное», указывающее на стремление сформировать собственную идентичность в сети без опоры на взаимосвязи с соседними государствами [7, с. 21].

Ключевым параметром, определяющим основные черты релевантного теме исследования контента, служит язык единицы анализа. Ввиду билингвальности РБ значения данного параметра включают в себя русский и белорусский языки. Однако стоит учитывать использование английского языка некоторыми политическими акторами РБ, ориентирующимися исключительно на проевропейскую и проамериканскую аудитории, что актуализирует использование английского языка в качестве третьего значения параметра.

Политическая позиция единицы анализа — третий параметр матрицы, отражающий ее принадлежность к тому или иному политическому актору РБ, занимающему определенную позицию в политическом ландшафте РБ. Единица анализа в рамках данного параметра может принимать следующие значения: провластная, формально оппозиционная, неформально оппозиционная («несистемная» оппозиция) и нейтральная.

Также, опираясь на подход к дифференциации дискурсивного поля М. Фелвола по тематическим особенностям, нами было выделено несколько значений следующего параметра, включающих в себя выявление ключевой тематики единицы анализа: дискурс политического субъекта (актора), артефакта (события) и концепта (темы) [11, с. 163—173].

Основная цель второго этапа заключается в изучении контекстно-дискурсивного поля для выработки словаря поисковых запросов¹⁰, реализации метода киберметрического анализа в IQ BUZZ (выгрузка равна 5000 сообщений) и ранжирования регионов РБ по уровню интереса пользователя к национально ориентированной тематике. Отметим, что словарь поисковых запросов как для использования в рамках сервиса IQ BUZZ, так и для анализа поисковых запросов с помощью Google Trends, состоит из наиболее часто употребляемых слов, словосочетаний, хештегов и жаргонизмов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наиболее интересным для нас является соотношение дискурсов в релевантном информационном потоке. Согласно рисунку 1, наиболее объемными являются дискурсы, связанные с негативизацией образа ближайших соседей РБ: РФ и Европы, что свидетельствует о валидности выбранной нами стратегии исследования с акцентом на внешнеполитический компонент в объектно-предметной области работы. Наиболее интересным для нас показателем (второй по объему в релевантном информационном потоке после антироссийского) является стремление к обособлению от взаимосвязей с внешнеполитическими акторами и формированию собственной идентичности без опоры на исторические, политические и экономические взаимоотношения с соседними геополитическими субъектами.

На наш взгляд, интересно сопрычь предыдущий параметр с тематическими особенностями

⁹ См. по ссылке: https://docs.google.com/document/d/1e3XSPTtEijnR054K3e_Hnc-Liw4hipznV4gCmESE9Zw/edit?usp=sharing.

¹⁰ См. по ссылке: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1cwZQicHDEXuM1fA2Xir4_X7GeJF_O9DNaGAEH7do1A/edit?usp=sharing (Лист 3).

ми информационного потока: как видно из данных, представленных на рисунке 2, большую часть национально ориентированный дискурс занимает в сегменте «политический актор», что указывает на активное формирование собственного белорусского «национального мифа» через конструирование идеологического «пантеона».

Кроме того, содержательные особенности релевантного теме статьи информационного потока наиболее ярко, на наш взгляд, отображает контекстуально-дискурсивное поле: большую его часть занимает событийный элемент, заключающийся в интерпретации тех или иных

событий, в основном советской истории. Например, существенную часть интересного для нас информационного потока занимает тематика трагедии в Куропатах, «Ночи расстрелянных поэтов», а также «красного террора». Данные событийно-тематические элементы, являясь наиболее популярными в национально ориентированной аудитории, формируют часть «национального мифа» на основе конфронтации с «окупантом». Исторические личности, выступавшие оппонентами «агрессора», становятся частью национального «пантеона», героями (например, ярчайшая фигура в релевантном дискурсе — Кастусь Калиновский).

Рис. 1. Внешнеполитическая ориентация единицы анализа

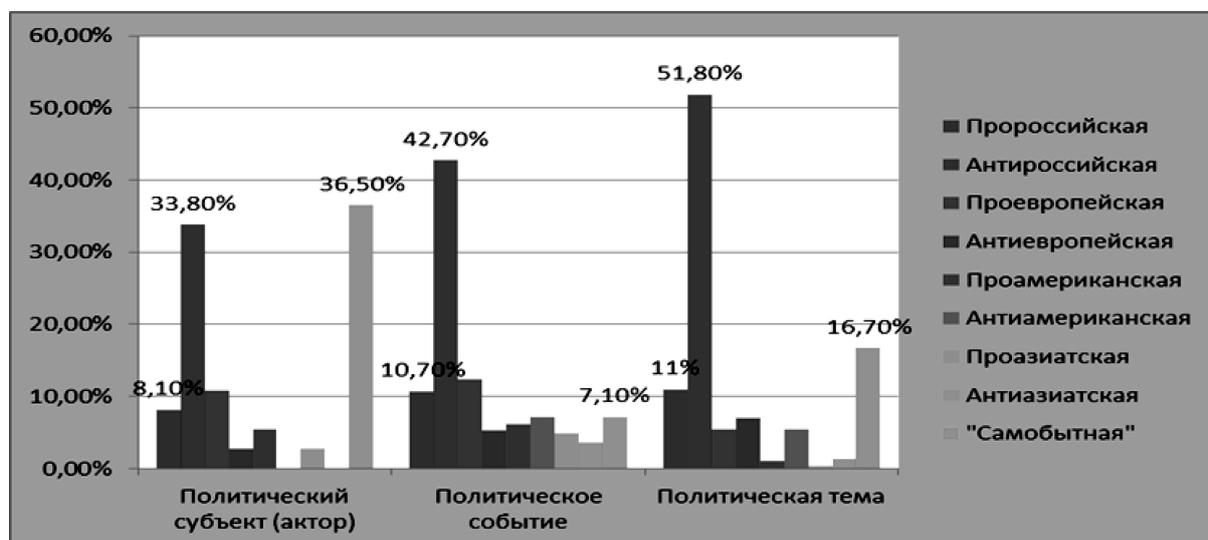

Рис. 2. Сопряжение тематических особенностей и внешнеполитической позиции

Сопряжение языкового и внешнеполитического параметров даёт вполне предсказуемые результаты: как видно на рисунке 3, основным языком коммуникации в рамках национально ориентированного дискурса является белорусский язык, что логично, исходя из цели некоторых политических сил по созданию обособленной культуры и политической идентичности от российской.

Необходимо, с нашей точки зрения, проанализировать медийный менеджмент различных политических акторов, чтобы выяснить, кто является основным продуцентом национально

ориентированного контента. Как следует из рисунка 4, в провластных сообществах национально ориентированный дискурс занимает по объёму второе место, незначительно уступая пророссийскому, а также вторые позиции у оппозиционеров (как у формальных, так и у «несистемных»).

Объясняется это тем, что политические силы стремятся «заработать» политические очки на формировании национальной идентичности, запрос на что, как мы выяснили при описании проблемного поля, имеется у большей части населения страны.

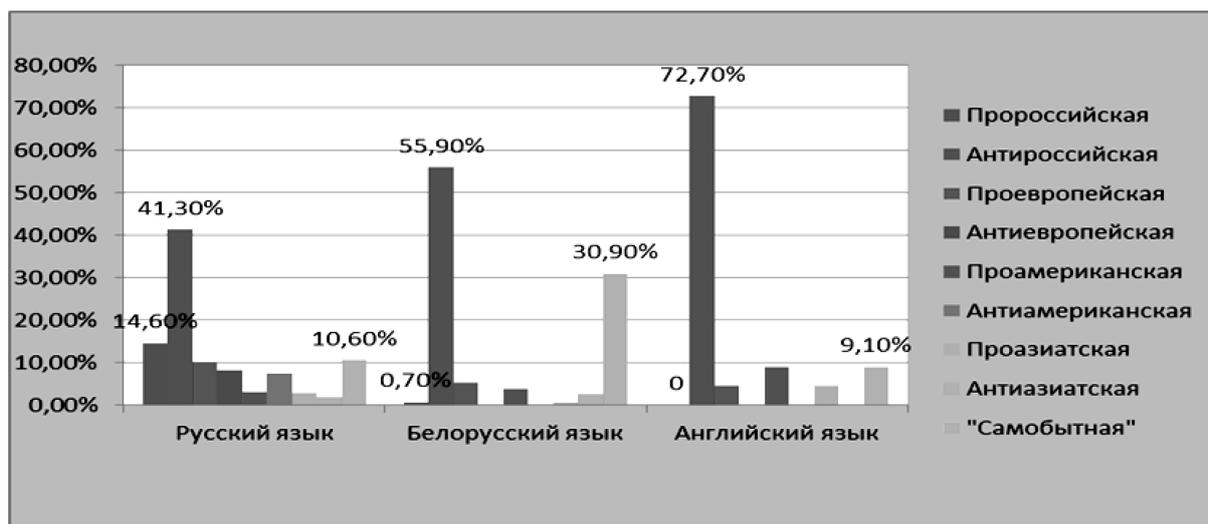

Рис. 3. Сопряжение языка и внешнеполитической позиции единицы анализа

Рис. 4. Сопряжение политической и внешнеполитической позиций единицы анализа

Особый интерес для нас представляет контент нейтральных сообществ, поскольку он условно лишён политической ангажированности и, следовательно, отражает реальное соотношение внешнеполитических дискурсов во всем медийном пространстве РБ. Здесь, как и в оппозиционных сообществах, преобладает антироссийская позиция, но лидерство ее не так явно выражено, а пророссийский и «самобытный» дискурсы занимают второе и третье места соответственно, что также косвенно подтверждает тезис о запросе со стороны населения на конструирование и трансляцию белорусского «мифа».

Социально-демографический портрет продуцента и потребителя национально ориентированного контента в социально-медийном пространстве представляет для нас особый интерес. Его характеристики получены нами в процессе проведения киберметрического анализа¹¹.

Примерно 4/5 продуцируемого контента, согласно данным рисунка 5, связано с мужской частью населения. Объясняется это тем, что для белорусской политической традиции, которая очень схожа с российской в силу общности происхождения и условий развития, характерно некоторое обособление женщин от политической сферы общества.

Как видно из графика рисунка 6, имеет место незначительный уклон в сторону более молодого населения, свидетельствующий о расширении релевантного информационного потока в перспективе не только в социально-медийном пространстве, но и в офлайн-среде.

Поскольку сервис IQ BUZZ не дает детальную репрезентацию релевантного теме работы информационного потока в аспекте их региональных особенностей, нами было принято решение прибегнуть к такому инструменту, как Google Trends, способному описать региональную специфику внешнеполитических предпочтений граждан РБ в сетевом пространстве. Однако сначала, с нашей точки зрения, логично описать саму методику Google Trends: поисковым запросам или темам присваиваются баллы по шкале от 0 до 100. Опираясь на их количественные показатели, где высший балл — 100, указывают местоположение с наибольшей долей популярности запроса, а 0 баллов — местоположение, по которому данные отсутствуют

или их недостаточно для ранжирования. Следовательно, значения, укладываемые в рамки от 0 до 100 баллов, занимают промежуточные позиции исходя из следующего принципа: чем больше баллов, тем выше доля соответствующих запросов. Итак, поскольку, как было отмечено, данный инструмент измеряет интерес аудитории к чему-либо, так как опирается на количество запросов в поисковой системе Google, то нам для выявления внешнеполитической специфики региона было необходимо проработать словарь поисковых запросов (словарь, используемый для сервиса IQ BUZZ, оказался непригоден для Google Trends), позволяющий отнести полученные данные к национально ориентированному дискурсу «самобытные» запросы: «Жыве, Беларусь!», «Кастусь Калиновский», «Тадеуш Костюшко», «ВКЛ», «Речь Посполитая», «Литвины», «Мова», «БНР», «Наша Нива», «Герб «Погоня»», «МКБ», «Радзивиллы», «ВБР», «Полочане» «ноч расстраляных паэтаў».

Далее по каждому региону РБ составлялась разбалловка по описанным выше запросам, которые в последующем складывались и делились на общее число запросов. Таким образом, получается среднее значение популярности запросов данного дискурса в той или иной области РБ.

Данные, представленные на рисунке 7, указывают на то, что национально ориентированный дискурс делит РБ на равные части (западные регионы в большей степени национально ориентированные, восточные — в меньшей). Наиболее ярко национально ориентированный дискурс проявляется в Минской области, продуцирующей «самобытный» контент по причине того, что является своеобразным интеллектуальным ядром релевантного информационного потока, то есть «центром» белорусской национальной идеи, а также в Гродненской и Брестской областях, ощущающих свою историческую, культурную и политическую общность с теми историческими государственными образованиями, особый вклад в развитие которых, по мнению пользователей, внесли предки жителей данных регионов (ВКЛ, Речь Посполитая).

Таким образом, нами выявлены основные структурные, содержательные и социально-демографические особенности национально ориентированного дискурса в социально-медийном пространстве РБ.

¹¹ Словарь поисковых запросов см. по ссылке: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1cwZQicHDEXZuM1fA2Xir4_X7GeJF_O9DNaGAEH7do1A/edit?usp=sharing (Лист 3).

Рис. 5. Половое соотношение релевантного информационного потока

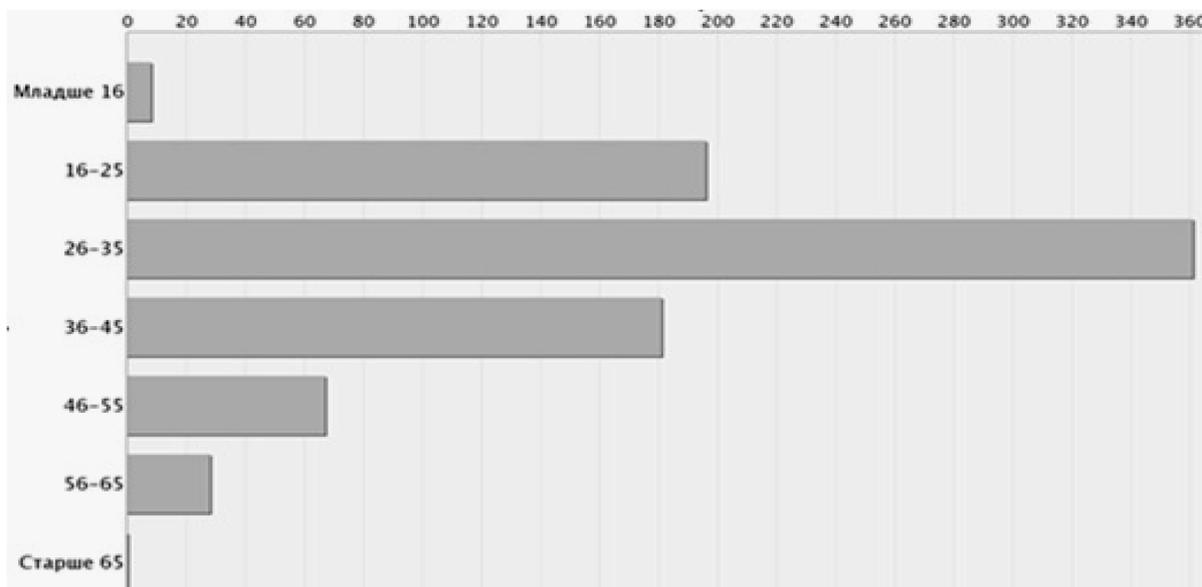

Рис. 6. Возрастное соотношение релевантного информационного потока

Рис. 7. Региональные особенности релевантного информационного потока

«Самобытный» дискурс является одним из основных тематических блоков в информацион-

ном потоке сетевых медиа, связанных с политической тематикой в РБ. Он продуцируется политическими акторами с разной идеологической ориентацией и занимаемыми позициями (провластные и оппозиционные).

С тематической точки зрения подавляющую часть национально ориентированного дискурса занимает контент, связанный с историческими личностями (занимающими антироссийскую позицию), способными войти в белорусский «пантеон» для большей легитимизации «национального мифа».

Наиболее активными в рамках исследуемой тематики являются молодые люди (судя по последним кейсам протестной активности на постсоветском пространстве, наиболее активно прибегающие к неконвенциональным методам участия в политической жизни общества), проживающие в столичном и западных регионах страны.

Исходя из приведенных данных, логично

заметить, что процесс формирования национально-государственной идентичности в сетевом пространстве, несмотря на союзнические взаимоотношения РБ и РФ, носит ярко выраженный антироссийский характер, следуя общей тенденции постсоветского пространства.

С нашей точки зрения, данное исследование имеет широкие перспективы. В первую очередь необходимо для выделения более точных характеристик релевантного информационного потока увеличить весовую категорию выгрузки (нами была использована демоверсия сервиса, что ограничило нас 5000 сообщений). Также целесообразно для детализации портрета национально ориентированной аудитории провести качественное (например, фокус-групповое) исследование. Более того, интерпретация полученных данных с помощью экспертного опроса даст нам наиболее полное представление о национально ориентированном информационном потоке и об отношении к нему в белорусском обществе.

Литература

1. Бульenkova Е. Л. Культурная идентичность как основа политического диалога России и Беларуси / Е. Л. Бульenkova // Среднерусский вестник общественных наук. — 2009. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identichnost-kak-osnova-politicheskogo-dialoga-rossii-i-belarusi> (дата обращения: 10.12.2020).
2. Волкоконова О. Мифологические основы национальной идентичности / О. Волкоконова // Высшее образование в России. — 2006. — № 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskie-osnovy-natsionalnoy-identichnosti> (дата обращения: 10.12.2020).
3. Наумов Д. И. Геополитическая идентичность Беларуси как социокультурный феномен / Д. И. Наумов, С. А. Ломов // Известия АлтГУ. — 2012. — № 4-2(76). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-identichnost-belarusi-kak-sotsiokulturnyy-fenomen> (дата обращения: 10.12.2020).
4. Никулин Е. Р. Этнос как конструкция / Е. Р. Никулин // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. — 2018. — № 13. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36993995_13449380.pdf (дата обращения: 10.12.2020).
5. Слинько А. А. Беларусь между Россией и Западом: к вопросу о перспективах развития двусторонних связей в контексте украинского кризиса / А. А. Слинько, Г. Я. Узилевский, Ю. И. Лаптева // Среднерусский вестник общественных наук. — 2015. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belarus-mezhdu-rossiey-i-zapadom-k-voprosu-o-perspektivah-razvitiya-dvustoronnih-svyazey-v-kontekste-ukrainskogo-krizisa> (дата обращения: 10.12.2020).
6. Фёдорова А. С. Беларусь на стыке двух геополитических континентов / А. С. Фёдорова // Архонт. — 2019. — № 3(12). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belarus-na-styke-dvuh-geopoliticheskikh-kontinentov> (дата обращения: 10.12.2020).
7. Чурашова Е. А. Дискурсивные стратегии политической коммуникации в кризисной ситуации : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е. А. Чурашова. — Казань, 2013. — URL: kpfu.ru/portal/docs/F1290978712/avtoreferat.Churashova.docx (дата обращения: 10.12.2020).
8. Шевцов Ю. В. Белорусы: два проекта. О закономерностях развития белорусской культуры / Ю. В. Шевцов // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2018. — № 1(12). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belorusy-dva-proekta-o-zakonomernostyah-razvitiya-belorusskoy-kultury> (дата обращения: 10.12.2020).
9. Brown David (2000), Contemporary nationalism: civic, ethnocultural, and multicultural politics, London ; New York: Routledge, p. 23, 24.
10. Castells M. The Rise of the network society. 2000. 566 p. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf> (дата обращения: 10.12.2020).

11. Thelwall M., Buckley K., Paltoglou G. Sentiment strength detection in short informal text // Journal of the American Society Science and Technology. 2010. Vol. 61, N 12. P. 163—173.

NATION-ORIENTED DISCOURSE IN THE SOCIAL-MEDIA SPACE OF BELARUS: SUBSTANTIVE, STRUCTURAL AND SOCIAL-DEMOGRAPHIC ASPECTS

A. Yu. Dombrovskaya

Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)
au.dombrovskaya@mpgu.su

E. R. Nikulin

Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)
egor.nikulin.98@bk.ru

The article is devoted to a comprehensive analysis of the formation process of national-state identity in the social mediasegment of the information sphere of the Republic of Belarus. By means of discourse analysis and cybermetric analysis based on network and constructivist approaches, the authors study the characteristics of a nationally oriented information flow in the Belarusian media field, mainly, its substantial (semantic) features. The paper reveals the structural elements of communication within the audience (content producing entities and its consumers), aimed at a radical transformation of the process of belarusianization of the cultural, historical and political space of the Republic of Belarus, as well as the gender, age and regional characteristics of representatives within the framework of a nationally oriented discourse. Based on the data obtained and their interpretation, the authors have identified the main characteristics of the elements of formation and promotion of the Belarusian "national myth", contributing to the accelerated completion of the construction of Belarusian national-state identity.

Key words: discourse, information flow, national-state identity, media agent, national myth.

References

1. Bulyenkova E. L. (2009) Kulturnaya identichnost kak osnova politicheskogo dialoga Rossii i Belarusi [Cultural identity as the basis of political dialogue between Russia and Belarus]. Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk, (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identichnost-kak-osnova-politicheskogo-dialoga-rossii-i-belarusi> (access date: 10.12.2020).
2. Volkogonova O. (2006) Mifologicheskie osnovy natsionalnoy identichnosti [Mythological foundations of national identity]. Vysshee obrazovanie v Rossii, (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskie-osnovy-natsionalnoy-identichnosti> (access date: 10.12.2020).
3. Naumov D. I., Lomov S. A. (2012) Geopoliticheskaya identichnost Belarusi kak sotsiokulturnyj fenomen [Geopolitical Identity of Belarus as a Sociocultural Phenomenon]. Izvestiya AltGU, 4-2(76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-identichnost-belarusi-kak-sotsiokulturnyy-fenomen> (access date: 10.12.2020).
4. Nikulin E. R. (2018) Etnos kak konstruksiya [Ethnicity as a construction]. Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta kultury i iskusstv, (13). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36993995_13449380.pdf (access date: 10.12.2020).
5. Slinko A. A., Uzilevskiy G. Ya., Laptva Yu. I. (2015) Belarus mezhdru Rossiey i Zapadom: k voprosu o perspektivakh razvitiya dvustoronnikh svyazey v kontekste ukrainskogo krizisa [Belarus between Russia and the West: prospects for the development of bilateral ties in the context of the Ukrainian crisis]. Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk, (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belarus-mezhdru-rossiey-i-zapadom-k-voprosu-o-perspektivakh-razvitiya-dvustoronnikh-svyazey-v-kontekste-ukrainskogo-krizisa> (access date: 10.12.2020).
6. Fedorova A. S. (2019) Belarus na styke dvukh geopoliticheskikh kontinentov [Belarus at the junction of two geopolitical continents]. Arkhont, 3(12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belarus-na-styke-dvuh-geopoliticheskikh-kontinentov> (access date: 10.12.2020).
7. Churashova E. A. (2013) Diskursivnye strategii politicheskoy kommunikatsii v krizisnoy situatsii [Discursive strategies of political communication in a crisis situation]. Author's abstract ... Cand. of Politics. URL: kpfu.ru/portal/docs/F1290978712/avtoreferat.Churashova.docx (access date: 10.12.2020).
8. Shevtsov Yu. V. (2018) Belorusy: dva proekta. O zakonomernostyakh razvitiya belorusskoy kultury [Belarusians: two projects. Regularities in the development of Belarusian culture]. Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy, 1(12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belorusy-dva-proekta-o-zakonomernostyah-razvitiya-belorusskoy-kultury> (access date: 10.12.2020).
9. Brown David (2000), Contemporary nationalism, Contemporary nationalism: civic, ethnocultural, and multicultural

- politics, London; New York: Routledge, p. 23, 24.
10. Castells M. The Rise of the network society. 2000. 566 p. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf> (access date: 10.12.2020).
  11. Thelwall M., Buckley K., Paltoglou G. Sentiment strength detection in short informal text // Journal of the American Society Science and Technology. 2010. Vol. 61, N 12. P. 163—173.

ИНФОРМАЦИЯ

АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ,
РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ**Д. С. Точеный**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru

Н. Г. Точеная

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
natalytg1956@gmail.com

**«ПЕЧАЛЬНАЯ СУДЬБА
ПОСЛЕДНЕГО РОМАНТИКА КОММУНИЗМА»****Рецензия****на книгу Ю. В. Емельянова****«ХРУЩЕВ. "ОТТЕПЕЛЬ" ИЛИ...»**

(М.: Изд-во «Академический проект», 2018. 675 с.)

(Окончание. Начало см. в предыдущем номере:
«Симбирский научный вестник». 2020. № 3-4(41-42))

21 января 1924 года умер председатель Совнаркома СССР В. И. Ленин. На следующий день ЦК Коммунистической партии обратился ко всем трудящимся с извещением о смерти Владимира Ильича: «Никогда еще после смерти

Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры, как наш покойный вождь, учитель, друг. Все, что есть в пролетариате истине великого и героического — бесстрашный

ум, железная, несгибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений, — все это нашло свое воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера» [8, с. 295—296].

Панораму грандиозного обряда погребения организатора СССР воссоздал коллектив известных советских историков, возглавляемых П. Н. Поспеловым: «23 января гроб с телом Ленина в сопровождении представителей рабочих, членов Центрального Комитета РКП(б) и делегатов съезда Советов специальным поездом был доставлен из Горок в Москву. Его установили в Колонном зале Дома Союзов. Скорбь народа была безгранична. Со всех концов страны в столицу прибывали делегации трудящихся и воинских частей. В течение четырех суток, днем и ночью, несмотря на жестокий мороз, нескончаемый людской поток тянулся к Дому Союзов. Около миллиона человек пришли проститься с вождем, учителем и товарищем, отдать последний долг великому Ленину. Траурные митинги и собрания прошли по всей стране.

26 января открылся II Всесоюзный Съезд Советов. Его первое заседание было посвящено памяти В. И. Ленина. Была удовлетворена просьба петроградских рабочих о переименовании их города в Ленинград. 27 января в 16 часов гроб с телом Ильича под залпы траурного салюта был установлен в Мавзолее на Красной площади. На пять минут в стране остановились все предприятия и транспорт. Скорбные гудки провожали Ильича в последний путь. Сотни венков были возложены на его могилу» [4, с. 312, 314].

Не менее масштабный характер носили похороны И. В. Сталина. Они надолго запечатлелись в памяти многих московских интеллигентов. Вот как описал те мрачные первомайские дни 1953 года известный писатель И. Эренбург, с легкой руки которого, наверное, навсегда вошло в оборот россиян слово «оттепель»: «Мы давно забыли, что Сталин — человек. Он превратился во всемогущего и таинственного бога. И вот всевышний умер от кровоизлияния в мозг. Это казалось невероятным. Дом, в котором я живу, находился в переулке между улицами Горького и Пушкина. Для того чтобы пройти на одну из улиц, нужно было разрешение офицера милиции, долгие объяснения, документы. Огромные грузовики преграждали путь, и, если офицер разрешал, я взбирался на грузовик,

спрыгивал с него, а через пятьдесят шагов меня останавливали, и все начиналось сначала.

Траурный митинг писателей состоялся в Театре киноактера на улице Воровского. Все были подавлены, растеряны. Нас повезли в Колонный зал. Я стоял с писателями в почетном карауле. Сталин лежал набальзамированный, торжественный... с цветами и звездами. Люди проходили мимо, многие плакали, женщины поднимали детей, траурная музыка смешивалась с рыданиями. Плачущих я видел и на улицах. Порой раздавались крики: люди рвались к Колонному залу. Рассказывали о задавленных на Трубной площади» [23, с. 731].

Ужасающие сцены гибели людей, участвовавших в похоронах Гениального вождя и Учителя, зафиксировали с предельной четкостью многие мемуаристы. Э. Радзинский обозначил переход Сталина в мир иной как «Конец триллера»: «Но так просто Хозяин не ушел. В Москве состоялось его невиданное кровавое прощание с народом. Его положили в Колонном зале, и тысячные толпы скорбящих вышли на улицу. Из всех городов шли поезда с людьми — проститься с богом... Помню солнечный день и девушку рядом, ее безумные глаза. Вдруг все сдвинулось, и люди попадали. Меня понесло по людям, я спотыкался о тела... Помню, как вырвался и упал на мостовую. Пола пальто оборвана, но — живой. В тот же день тысячи увезли в мертвецкие. Уйти без крови он не смог... И задавленные присоединились к миллиону, которые он уничтожил» [16, с. 1243—1244].

С крыш домов за движением бесконечного потока людей, стремившихся увидеть в последний раз божественный лик Иосифа Виссарионовича, наблюдал будущий диссидент и публицист В. Буковский. Через несколько десятков лет он отметил в своих воспоминаниях: «Я увидел море голов. Словно волны ходили по этому морю, напирали, отступали, и вдруг в одном из боковых проулков под натиском живой массы качнулся и упал автобус, точно слон, улегшийся на бок. Несколько дней продолжалось это шествие, и тысячи людей погибли в давке. Долго потом по улице Горького валялись пуговицы, сумочки, галоши, бумажки» [9, с. 389].

Но кто же виноват в трагическом безумии сотен тысяч жителей Москвы и других городов СССР, давивших друг друга, одержимых святой параноидальной целью проститься со светочем, благодетелем, спасителем человечества? Категоричен на этот счет Р. Медведев. В 1990 году он подчеркнул: «Как на председателя комиссии по организации похорон на Хрущева, несомнен-

но, ложится значительная часть ответственности за те трагические события, которые произошли в первый день после открытия Дома Союзов для прощания с покойным» [10, с. 67]. С такой точкой зрения согласился и автор рецензируемой книги: «Будучи председателем комиссии по организации похорон, Хрущев отвечал не только за организацию погребальной церемонии, но и нес прямую ответственность за порядок на улицах столицы. Показательно, что, рассказывая об этих днях, он ни словом не обмолвился о гибели людей во время похорон... Первые же часы деятельности Хрущева и других наследников Сталина свидетельствовали о том, что их попытки взять ситуацию под контроль обернулись многочисленными человеческими жертвами. Искусственно созданная стена отчуждения между покойным Сталиным и советскими людьми, хаос на улицах Москвы, столкновения солдат и милиционеров с мирными гражданами, жестокая и бессмысленная гибель людей стали первыми признаками нового времени, если и не смутного, то во всяком случае сумбурного» (с. 228).

Вполне вероятно, что Никита Сергеевич как председатель похоронной комиссии проявил преступную халатность и даже должен был быть соответственно наказан (как, впрочем, и другие члены Политбюро, игравшие в эти тревожные дни важные роли). Но где же находилась в это время правящая партия, которая вела народные массы от победы к победе? Не она ли ковала в течение трех десятилетий культ гениального вождя, сверхчеловека, не совершившего ни одной ошибки. Да ведь и сам Иосиф Виссарионович неустанно внушал, что он заслуживает не только безмерного уважения, но и слепой любви, и безотчетного поклонения. Кто создал в стране тоталитарную систему, при которой ни один житель ее не имел права критиковать Великого Учителя? Где закончили жизнь все оппозиционеры? В ГУЛАГе. В какой демократической стране, где создание культа в принципе невозможно, участники похорон президентов и министров теряли рассудок настолько, что давили друг друга, стремясь приблизиться к усопшему руководителю? Там в погребальных церемониях люди переживают, плачут, рыдают, но не теряют головы. Главным виновником страшного кровавого побоища был, вне всякого сомнения, только что умерший лучший друг шахтеров, физкультурников, пограничников, писателей, летчиков, танкистов и других.

Траурный митинг, посвященный прощанию со Сталиным, прошел 9 марта 1953 года. Его в

трогательных и задушевных тонах попытался описать Ю. В. Емельянов. Но потерпел неудачу. Все испортили тексты речей ораторов: они были трафаретны, топорны и не содержали намека на искренность чувств. Г. М. Маленков сказал: «Имя Сталина безмерно дорого советским людям, широчайшим народным массам во всех частях света. Необъятно величие и значение деятельности товарища Сталина для советского народа и для трудящихся всех стран. Дела Сталина будут жить в веках, и благодарные потомки так же, как и мы с вами, будут славить имя Сталина... Вперед по пути к полному торжеству великого дела Ленина-Сталина!» Столь же безжизненной, бесцветной, шаблонной оказалась речь Л. П. Берии: «Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство в деле руководства страной прошли великую школу Ленина и Сталина... Кто не слеп, тот видит, что наша партия в трудные для нее дни еще теснее смыкает ряды, что она едина и непоколебима. Кто не слеп, тот видит, что в эти скорбные дни все народы Советского Союза в братском единении с великим русским народом еще теснее сплотились вокруг Советского правительства и ЦК КПСС... Вечная слава нашему любимому, дорогому вождю и учителю — Великому Сталину». В выступлении В. М. Молотова тоже отсутствовала какая-либо мысль: «В эти дни мы все переживаем тяжелое горе — кончину Иосифа Виссарионовича Сталина, утрату великого вождя и вместе с тем близкого, родного, бесконечно дорогого человека. И мы, его старые и близкие друзья, и миллионы советских людей, как и трудящиеся во всех странах, во всем мире, прощаются сегодня с товарищем Сталиным, которого мы все так любили и который всегда будет жить в наших сердцах» (с. 230).

В 11 часов 54 минуты члены Президиума ЦК КПСС внесли гроб Сталина в Мавзолей. Раздался артиллерийский салют из тридцати залпов. В течение трех минут по всей стране звучали гудки заводов, фабрик, паровозов, пароходов.

Да, похороны двух величайших диктаторов СССР — Ленина и Сталина — были грандиозными, помпезными. Обоих поместили в величественное надгробное сооружение на Красной площади. Весть же о смерти Н. С. Хрущева — третьего по счету руководителя огромной коммунистической державы — тихо прошлестела по городам и весям, не вызвав ни потрясения, ни волнений, ни вопросов. Но почему автор рецензируемой книги, подробно рассказывающий о похоронах Сталина, отказался прокомментировать события, связанные со смертью Никиты

Сергеевича? Он ограничился коротенькой информационной заметкой телеграфного типа: 13 сентября 1971 года «Правда» опубликовала сообщение о том, что «11 сентября после тяжелой, продолжительной болезни на 78 году жизни скончался бывший Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев». В тот же день на Новодевичьем кладбище состоялись похороны. Историк Г. Федоров отметил, что на похоронах было около 60 корреспондентов, главным образом иностранных. Всего же было около 200 человек, среди них немало людей с сединами. Здесь был и Е. Евтушенко. А. И. Микоян прислал венок» (с. 658).

Эти несколько строк, которые Ю. В. Емельянов посвятил событиям, связанным со скорбными днями в биографии Н. С. Хрущёва, вызывают недоумение и едва ли не добрый десяток вопросов: «Почему ни в одной газете или журнале СССР не появился некролог, посвященный этому лидеру КПСС? Как отреагировали на его смерть соратники по партии? Что говорили в траурные дни боевые товарищи? Что писала о кончине Хрущева зарубежная печать? Какие речи были произнесены во время погребения? Кто, кроме А. И. Микояна, прислал венки? В каких прочувственных фразах выразил соболезнование семье покойного Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев? Почему Никиту Сергеевича не похоронили у Кремлевской стены, как этого требовала партийно-товарищеская традиция? Почему Хрущева предали земле тайно, нарушив элементарные общепринятые житейские нормы (не было даже сообщения в печати о сроке и месте похорон)?»

Ни на один из поставленных вопросов Ю. В. Емельянов не дал ответа в своей весьма большой по объему книге. Как не захотел и объяснить, почему партийно-государственный истеблишмент так рассвирепел на бедного опального пенсионера, что отказался похоронить его согласно общечеловеческим правилам. Чем же обозлил Никита Сергеевич высшее партийное чиновничество? Почему оно, свергнув его с престола, продолжало ему мстить (и даже после кончины!)?

...Мы уверены в том, что ни Ленин, ни Сталин не сеяли «доброе и вечное», скорее находили удовольствие в действиях, направленных на безжалостное уничтожение всех ростков буржуазного гуманизма и либеральной демократии. Их правление сопровождалось ведением войн во имя победы мировой социалистической революции, созданием концентрационных лаге-

рей, применением жесточайших пыток против оппозиционеров. Хрущев полностью разделял теоретические основы марксизма-ленинизма (разумеется, в пределах своего низкого уровня образования), беспрекословно выполнял все директивы и решения ЦК, Политбюро и распоряжения Сталина. Самым активным образом разоблачал врагов народа и, не колеблясь, отправлял их на плаху или в ГУЛАГ. Нет никаких доказательств, позволяющих сейчас сказать, что Никита Сергеевич был хотя бы чем-то лучше других соратников-сообщников великого диктатора. Если бы это было так, то генсек давно бы отправил его на тот свет. Кажется, тень лёгкого поверхностного сострадания к мукам другого человека в 20—30-е годы XX века мелькнула у Хрущева только один раз. Об этом свидетельствуют следующие строки мемуаров Никиты Сергеевича, посвященные Н. К. Крупской: «Ее я помню уже как старую, надломленную женщину, появлявшуюся на партконференциях Бауманского района Москвы. Все мы там выступали против Надежды Константиновны. Люди сторонились ее, как будто она чумная. По приказу Сталина за ней была установлена слежка, потому что считалось, что она сбилась с партийной линии. Когда я теперь вспоминаю то время, то думаю, что Надежда Константиновна была права, занимала правильную позицию, — да что из того, что я так теперь думаю, задним умом крепок...» [10, с. 32].

Вплоть до марта 1953 года Н. С. Хрущев жил, руководствуясь сталинскими идеологическими установками и правилами — никакой пощады троцкистам, зиновьевцам, бухаринцам, всем оппортунистам, правым и левым оппозиционерам, вредителям, шпионам, диверсантам, двурушникам, кулакам, подкулачникам, буржуазным перерожденцам, националистам и прочим. Он хорошо знал, что любое проявление им доброты в волчьей стае влечет за собой собственную гибель. И тем не менее каким-то чудом сохранил в глубине души толику жалости к колхозникам, вечно пребывавшим в состоянии голода (рабочие и служащие в СССР получали тощие нормированные продуктовые пайки).

«В марте 1953 года Н. С. Хрущев стал секретарем ЦК КПСС, — подчеркнул журналист А. Стреляный, — а уже в сентябре выступил с таким докладом, который бы сделал честь любому деятелю того времени. Он первый сказал то, что знали все, но о чем нельзя было даже думать: люди в селе живут плохо, бедно, униженно, хуже и униженнее, чем в городах, замучены налогами и поборами, что в колхозах на-

род не хочет работать и жить. Он стал хлопотать о смягчении законов и порядков, о том, как облегчить жизнь людей... В глазах многих его доброжелателей все затмил пятьдесят шестой год, когда он выступил с разоблачением Сталина. Некоторые думают и сейчас, что это первое и единственное, чем он отличался. Нет, первое, чем он отличился, — сказал правду о бедственном положении деревни и кинулся ее выручать» [19, с. 196]. Результаты новой хрущевской политики сказались сразу. За три года тысячи колхозов и совхозов в два-три раза увеличили производство молока и мяса.

Второй — важный, серьезный и значительный шаг вперед сделал Н. С. Хрущев, выступив с докладом «О культе личности и его последствиях». Эта речь сделала XX съезд КПСС историческим, эпохальным (все остальные партийные форумы выглядят на его фоне второстепенными, мелкими, не имеющими прогрессивного характера). Отраднo, что выступление Никиты Сергеевича 25 декабря 1956 года получило объективную оценку в академических изданиях, а также практически во всех вузовских и школьных учебниках. «Хрущев, — подчеркнули авторы фундаментальной «Хроники России. XX век», — отметил, что культ личности привел не только к нарушению принципа коллективного руководства в партии, но и к гибели тысяч людей. Так, из 139 членов и кандидатов в члены ЦК КПСС, избранных на XVII съезде, впоследствии были арестованы и расстреляны 98. Из 1966 делегатов этого съезда с решающим голосом 1108 были арестованы по обвинению в контрреволюционных преступлениях. Хрущев обратил внимание на то, что «единовластие Сталина привело к тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны». Он осудил сталинскую национальную политику, в частности, такие «вопиющие» действия, как «массовые выселения целых народов» [21, с. 659].

В вузовском учебнике «Основы курса истории СССР», подготовленном преподавателями МГУ А. С. Орловым, А. Ю. Полуновым и Ю. Я. Терещенко, анализ работы XX съезда КПСС перекликался с мнением о нем создателей капитальной «Хроники России. XX век». На этом партийном форуме, считают они, «были приняты директивы по шестой пятилетке (1956—1960 гг.), поставлена задача догнать и перегнать развитые капиталистические страны в краткие исторические сроки. Планы были сорваны, задача забыта, а съезд вошел в историю благодаря докладу, сделанному Н. С. Хрущевым на последнем заседании и которого не было в пове-

стке дня. Необходимость этого доклада, шокировавшего делегатов съезда, Хрущев отстоял в трудных спорах со своими товарищами по Президиуму ЦК КПСС. В нем были приведены многочисленные факты жестоких расправ над высокопоставленными партийными, государственными и военными деятелями во времена Сталина. С него началось, хотя медленно и трудно, очищение партии и общества от идеологии и практики государственных репрессий. К сожалению, Н. С. Хрущев, инициатор борьбы с культом личности Сталина, так и не смог или не захотел понять, что истоки государственного террора уходят в политическую систему общества, которая позволяла одному человеку сосредотачивать в своих руках безграничную власть» [15].

Немаловажное место в процессе формирования у советских людей зачатков демократического мышления заняли книги, которые знакомили подростков и юношество с событиями, происходившими после смерти И. В. Сталина. Особой популярностью среди выпускников школ пользовался серьезный и обстоятельный учебник А. А. Левандовского и Ю. А. Щетинова «Россия в XX веке». Нам в нем понравился раздел о хрущевской «оттепели». Толкование драматических коллизий на его страницах отличалось строгостью и доказательностью: «К 1956 году было освобождено из лагерей и реабилитировано посмертно около 16 тысяч человек». После XX съезда КПСС, развенчавшего «культ личности Сталина», масштабы реабилитации были увеличены, миллионы политзаключенных обрели долгожданную свободу.

По горьким словам А. А. Ахматовой, «две России глянули друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили». Возвращение в общество огромной массы ни в чем не повинных людей сразу поставило власть перед необходимостью объяснить причины постигшей страну и народ трагедии. Такая попытка была сделана в докладе Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на закрытом заседании XX съезда КПСС. «Сам факт публичного осуждения творившихся в стране десятилетиями беззаконий и преступлений высших должностных лиц произвел исключительное впечатление, положил начало кардинальным переменам в общественном сознании, его нравственному очищению, дал мощный творческий импульс научной и художественной интеллигенции. Стал расшатываться один из краеугольных камней в фундаменте «государственного социализма» — тотальный контроль властей над духовной жизнью и обра-

зом мышления людей» [5, с. 283]. Такую интерпретацию работы XX съезда решительно отвергает автор рецензируемой книги.

Емельянов Ю. В. утверждает, что доклад Первого секретаря ЦК КПСС «О культе личности и его последствиях» не является солидным документом, заслуживающим уважения: «Это миф, построенный Хрущевым из смеси правдивых фактов с многочисленными искажениями исторической правды и логики, стал мощным орудием разрушения общественного сознания. Его разрушительность возросла еще и потому, что миф XX съезда оказался одним из живучих мифов XX столетия» (с. 340).

Трудно представить, какую боль, негодование и даже ярость испытывают апологеты Сталина, читая статьи и книги, страницы которых содержат даже робкие и осторожные критические замечания в адрес величайшего и мудрейшего вождя. Защищая Иосифа Виссарионовича, они готовы пойти в наступление даже на основателя большевистской партии и СССР. Такую позицию горячих поклонников «отца народов» нельзя признать корректной: все-таки Сталин десятки раз клялся в верности Ленину и его идеям. И тем не менее Ю. В. Емельянов, нарушая каноны приличия, пытается оправдать преступления родного и любимого Иосифа Виссарионовича путем дискредитации Владимира Ильича. Ради спасения чести Сталина он облил помоями даже Н. К. Крупскую, отличавшуюся порядочностью и честностью. Эти далеко не лучшие приемы автор рецензируемой книги продемонстрировал в комментариях к выступлению Никиты Сергеевича на XX съезде КПСС: «С первых строк доклада стало ясно, что в нем не содержатся теоретические рассуждения о культе личности, а имеется новая и сугубо отрицательная оценка Сталина... Хрущев воспользовался избитым приемом антисталинской пропаганды, к которому постоянно прибегала оппозиция 20-х годов... Он допускал натяжки в изложении ленинского «Письма к съезду»... Таким же вольным образом было процитировано письмо Крупской Каменеву с жалобой на Сталина...

Хрущев игнорировал обстоятельства написания письма Лениным. Он умалчивал, что в это время Ленин был тяжело болен, а его душевное равновесие было нарушено... Хрущев умалчивал, что обвинения Сталина в грубости провоцировались Крупской... Хрущев вольно использовал отдельные цитаты ленинских писем для того, чтобы утверждать, что Ленин провидчески разглядел отвратительные черты характера Сталина и их усиление в будущем... Хрущев соз-

давал лживое впечатление, что на отстранении Сталина от власти настаивал В. И. Ленин» (с. 325—326, 341).

На вопрос, чем Ленин со своей женой проштрафился перед Ю. В. Емельяновым, вряд ли сумеют дать ясный и точный ответ рядовые читатели. Думаем, такое не под силу и большинству квалифицированных историков. Да тут еще хитрый и пронырливый Никита Сергеевич наводит тень на плетень. Так, может быть, для выяснения правды предоставить слово Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне, которые к 1922—1923 гг. изучили у будущего гения всех времен и народов как лучшие, так и худшие стороны характера?

24 декабря 1922 года и 4 января 1923 года Ленин продиктовал своим секретарям Володичевой и Фотиевой «Письмо к съезду», вошедшее в историю под названием «Завещание». Многочисленный отряд политиков и историков обратил особое внимание на следующие предложения: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью... Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от товарища Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.» [6, с. 345—346].

Мы убеждены, что после прочтения «Письма к съезду» большинство здравомыслящих людей без колебаний скажут, что в этом документе Ленин рекомендовал Генерального секретаря ЦК РКП(б) Сталина заменить другим деятелем партии с соответствующим набором моральных качеств. Именно к такому выводу пришел в 1956 году Хрущев. О чем и доложил делегатам XX съезда КПСС. Озабоченный дальнейшими судьбами партии и Советского государства, Владимир Ильич дал совершенно правильную характеристику Сталину, указав при этом, что надо рассмотреть вопрос о перемещении Сталина с должности Генерального секретаря» [17, с. 21]. Этому тезису дал развернутое мотивированное объяснение современный биограф Хрущева Л. Млечин. С ним было бы очень полезно ознакомиться и автору рецензируемой книги (в ней почему-то нет историографическо-

го обзора): «Ленинское «Письмо к съезду», как его не толкуй, содержит одно прямое указание: снять Сталина с должности генсека, остальных менять не надо, хотя Ленин отметил — довольно болезненным образом — недостатки каждого из самых заметных большевиков. Но получилось совсем не так, как завещал Владимир Ильич. Сталин — единственный, кто остался на своем месте. Остальных он со временем уничтожил» [11, с. 404]. Все соратники Ленина, упоминаемые им в «Письме к съезду», — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Пятаков — погибли от руки Сталина. Вместе с ними полегла в тюрьмах и концлагерях 10-тысячная ленинская гвардия. Ее составляли революционеры, вступившие в ряды большевистской партии до свержения царской монархии. Избежала насильственной смерти принадлежавшая к этой когорте жена Ленина, которая не уважала Иосифа Виссарионовича и не питала к нему никаких симпатий. Ее-то и удачно использовал «чудесный грузин» для нанесения смертельного удара Владимиру Ильичу...

Из ближайшего окружения медленно умиравшего Ленина в 1922—1923 гг. (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Пятаков, Сталин) только последний не был заинтересован в выздоровлении Владимира Ильича: оно сулило ему не только потерю поста Генерального секретаря, но и крушение карьеры вообще. Не зря ходили слухи об отравлении им руководителя РКП(б) и Советского государства. Но Иосифу Виссарионовичу не было необходимости изучать опыт Борджиа. Он нашел способ, который не оставлял следов: надо психически потрясти (разрушить) организм Ленина, а затем... Нужен был сильный, демагогически весомый скандал. Сталин позвонил 22 декабря 1922 года Н. К. Крупской и позволил по отношению к ней «грубейшую выходку», употребив «недостойную брань». Генсек обвинил Надежду Константиновну в том, что она не проявляет должной заботы об Ильиче и нарушает его режим лечения. Бедная Крупская, взволнованная оскорблениями Сталина, по свидетельству Марии Ильиничны, сестры Ленина, «была совершенно не похожа на себя, рыдала и каталась по полу». Зачем генсек разыграл эту грязную политическую склоку?

Кажется, на этот вопрос верно ответил писатель Л. Данилкин: «Сталин, несомненно, вступая в конфликт с Надеждой Константиновной, знал, что последствия — будут. Та сможет пожаловаться на него: или официально — в политбюро, или самому Ленину, или, чтобы не волновать его, кому-то из своих давних знакомых — Камене-

неву, Зиновьеву. И значит, Сталин объявлял таким образом войну Ленину?» [2, с. 749].

Иосифа Виссарионовича не зря в СССР именovali титаном, гигантом и т. д. Он действительно был гением... интриги и зла. Превзошел в этом отношении Владимира Ильича. Л. Данилкин с полным основанием выражает удивление этим обстоятельством и задает понятный вопрос: что помешало Ленину «вступить в плотный альянс и разделить власть с адекватным и умным Троцким, отодвинув склонного к криминальной деятельности Сталина, чтобы продолжать революционные преобразования страны, по возможности делая процесс модернизации страны более гуманным и менее болезненным?» [2, с. 750].

Оберегая Владимира Ильича от излишних волнений, Крупская два с половиной месяца ничего не говорила мужу об оскорблении, нанесенном ей Сталиным. Может быть, ей и дальше следовало придерживаться такой линии поведения? Но по какой-то причине ее «прорвало», и она сообщила и без того своему измученному Володе о крайне неприятном разговоре по телефону с генсеком. Разумеется, Ленин вскипел и тут же продиктовал коротенькое ультимативное требование своему обидчику: «Товарищу Сталину... Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения».

Жалобе Н. К. Крупской Л. Б. Каменеву, председателю Политбюро, на И. В. Сталина и письму-ультиматуму В. И. Ленина Генеральному секретарю ЦК РКП(б) уделено большое внимание Н. С. Хрущев в докладе на XX съезде КПСС «О культуре личности и его последствиях»: «Эти документы красноречиво говорят сами за себя. Если Сталин мог так себя вести при жизни Ленина, мог так относиться к Надежде Константиновне Крупской, которую партия хорошо знает и высоко ценит как верного друга Ленина и активного борца за дело нашей партии с момента ее зарождения, то можно представить себе, как обращался Сталин с другими работниками. Эти его отрицательные качества все более развивались и за последние годы приобрели совершенно нетерпимый характер.

Как показали последующие события, тревога Ленина была не напрасной: Сталин первое время после кончины Ленина еще считался с его указаниями, а затем стал пренебрегать серьезными предупреждениями Владимира Ильича. Если проанализировать практику руководства партией и страной со стороны Сталина, взвешивая во все то, что было допущено Сталиным, убеждаешься в справедливости опасений Ленина. Те отрицательные черты Сталина, которые при Ленине проступали только в зародышевом виде, развились в последние годы в тяжелые злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии» [17, с. 23].

Примеры грубого отношения Сталина к Ленину и Крупской, беспощадной расправы над видными государственными деятелями, репрессий против выдающихся военачальников, бесчеловечных пыток в застенках НКВД, приведенные Н. С. Хрущевым в речи на XX съезде КПСС, вызвали смятение многих его делегатов (были случаи обмороков). Эти драматические эпизоды, описанные в мемуарах, мешают расширению круга почитателей великого диктатора среди читательской публики. А поскольку для Ю. В. Емельянова Иосиф Виссарионович является кумиром, он поставил целью представить доклад Первого секретаря ЦК КПСС «О культе личности и его последствиях» как примитивный набор антисталинских очернительских фактов и домыслов.

Но кто же является виновником (инициатором и организатором) репрессий, проводившихся на всей территории самой большой страны в мире? Автор рецензируемой книги настойчиво внушает читателю, что главным источником зла и творимых преступлений в СССР стал «смутьян и баламут Хрущев», правдами и неправдами пробравшийся в Кремль, что Сталин не имел отношения к террору, потому как просто «физически не мог контролировать аресты и расстрелы сотен тысяч людей» (с. 337). Это «не Сталин, — пишет Ю. В. Емельянов, — устранял своих коллег по руководству, на самом деле за 11 лет своего пребывания у власти Хрущев отправил в отставку больше членов высшего руководства страны, чем Сталин за 29 лет» (с. 339).

Даже комментировать эти измышления не хочется. Как будто не генсек санкционировал личной подписью расстрел сорока тысяч представителей элиты нации — партийных, советских, военных работников, ученых, писателей и т. д., как будто не при Хрущеве прекратил существование сталинский ГУЛАГ с его печально известными шарашками.

Емельянов Ю. В., оправдывая Иосифа Виссарионовича, доказывает, что к числу виновников репрессий надо отнести и широкие слои рабочих, колхозников, интеллигенции, «что люди из народа занимались клеветническими доносами». Он не отказал себе в удовольствии упрекнуть Н. С. Хрущева за то, что в докладе «О культе личности и его последствиях» тот ни слова не сказал о многократном увеличении политических репрессий из-за массового добровольного осведомительства (с. 337). Да, согласимся мы, относительно масштабов распространения стукачества автор рецензируемой работы абсолютно прав. Как и верно то, что оно имело место при Сталине, а после его смерти, т. е. во время правления Никиты Сергеевича, таковое исчезло довольно быстро...

Ах, какие чудесные, проникновенные, душевные стихи поэты посвящали Иосифу Виссарионовичу! Непревзойденными по глубине чувств и искренности многие поклонники Сталина считают четыре золотые строки А. Т. Твардовского. Их привел в своей монографии Ю. В. Емельянов:

Да, мир не знал подобной власти
Отца, любимого в семье.
Да, это было наше счастье,
Что с нами жил он на земле.

Смерть гения всех времен и народов погрузила автора рецензируемой работы в состояние бесконечной печали. Да тут еще нелегкая принесла в Кремль непутевого Никиту Сергеевича, совершенно не напоминавшего колосса общественной, государственной, философской, экономической, исторической, военной мысли, каким был, по мнению многих россиян, Сталин. Поневолу то и дело будешь возвращаться к славным временам, когда в стране царил великий кормчий. Так, подводя итоги событиям, развивавшимся в СССР в 1954 году, Ю. В. Емельянов с ностальгией отмечает: «Ничто не свидетельствовало о том, что уважение к Сталину ослабло в Советской стране. В интерьерах государственных учреждений по-прежнему находились портреты Сталина и его скульптурные изображения. В дни праздников портретами Сталина украшали фасады зданий и их несли демонстранты. Как и до 1953 года, в высших учебных заведениях изучали отредактированный Сталиным «Краткий курс истории ВКП(б)», «Экономические проблемы социализма в СССР» и другие работы Сталина. Наконец, ничто не свидетельствовало о том, что Хрущев собирался сам критиковать Сталина» (с. 304).

И к началу XX съезда КПСС, радостно сообщает Ю. В. Емельянов, пиетет к Иосифу Виссарионовичу держался на прежнем уровне: «Несмотря на то, что уже почти три года в стране шла кампания по осуждению культа личности в истории и привычные до тех пор восхваления Сталина стали редкими, уважение и любовь к Сталину сохранялись. Повсюду можно было увидеть портреты и статуи покойного вождя... Чуть ли не в каждом доме можно было увидеть медали «За победу над Германией» или «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» с портретами Сталина в профиль, а также благодарности за ратный подвиг или трудовые достижения, похвальные грамоты ученикам школ, на которых был изображен Сталин. Жизнь целых поколений была связана со Сталиным и верой в него» (с. 349). Какое было изумительное, прекрасное и неповторимое время! И вот пришел заурядный Никита Хрущёв, жалкая посредственность, и начал крушить великолепное здание, воздвигнутое гениальным вождем. По неволе оживают в голове трогательные, рефреном возобновляющиеся, восторженные, грустные, минорные, скорбные думы, навеянные стихотворением в прозе И. С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...» [20, с. 41—42].

Доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», полагает Ю. В. Емельянов, «усилил настроения цинизма и неверия, дал мощный импульс моральной и идейной эрозии советского общества. Состоя из смеси шокирующей правды и клеветнических сплетен, доклад Хрущева внес смуту в общество» (с. 351). Он убеждает читателя, что критика Сталина Первым секретарем ЦК КПСС совершенно бездоказательна. Ну не был Иосиф Виссарионович грубым и жестоким: «Вопреки словам Хрущева, Сталин стремился к обеспечению максимальной коллегиальности в работе, очень ценил оригинальные суждения, не терпел тех, кто поддакивал ему, и, напротив, порой поощрял острые споры» (с. 327).

Емельянов Ю. В. с порога отметил вывод Никиты Сергеевича о том, что следствием пребывания Сталина у власти стало экономическое и научно-техническое отставание страны, что «из-за многочисленных арестов партийных, советских и хозяйственных деятелей многие трудящиеся стали работать неуверенно, проявляли чрезмерную осторожность, стали бояться всех новшеств, бояться собственной тени, проявлять меньше инициативы в своей работе». Нет, решительно возражает автор монографии «Хрущёв. «Оттепель» или...»: «На самом деле даже

в период наибольших репрессий советские люди успешно осваивали новую технику и активно применяли новаторство. Вследствие этого хозяйство страны развивалось темпами, невиданными ни прежде, ни после этих лет» (с. 333). Мы первый раз познакомились с таким откровенным заявлением отечественного историка о том, что годы Большого террора стали наиболее благодатными для советской экономики. Возникает вопрос, не вернуться ли нам вновь к сталинской практике массовых необоснованных расстрелов, чтобы успешно решать сложные проблемы развития промышленности и сельского хозяйства.

Найдя массу достоинств в сталинской экономической системе, Ю. В. Емельянов прохладно отозвался о модели хозяйствования, избранной Никитой Сергеевичем: «При Хрущеве пятилетний ритм планового развития был нарушен. Система управления, существовавшая при Сталине, была перестроена. Серьезные потрясения претерпела организация сельского хозяйства. В результате экономическое развитие страны стало замедляться» (с. 348). Это поверхностная оценка. Более солидный разбор хрущевской и сталинской систем хозяйствования дал А. С. Сенявский в 2004 году в своем докладе на международной научной конференции, посвященной теме «Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века»: «После смерти Сталина произошел отказ от ставки на принудительные методы хозяйствования с опорой на репрессивный механизм. Был снижен налоговый пресс на деревню, что обеспечило рост производительности в сохранявшемся личном подсобном хозяйстве. Отказ от насилия, репрессий, ограничение идеологического диктата, характеризовавшие основу сталинской хозяйственной модели, требовали замещения экономическими рычагами — большей самостоятельностью предприятий, экономическим стимулированием труда.

...1950-е гг., особенно вторая половина, явились самыми успешными во всей истории советской экономики. Промышленный рост составлял в среднем за год от 10 до 13 %, причем высокий экономический рост обеспечивался как за счет экстенсивных, так и значительной доли интенсивных факторов... Реформы 1950—1960-х гг. ... во многом обеспечили высокий динамизм советской экономики в этот период, способствовали формированию комплекса новых отраслей (космос, высокотехнологичная военная техника и др.), причем в ряде областей советская экономика не только сравнялась, но и опередила ми-

ровой уровень. Вырос уровень жизни, превысивший уровень 1940 года почти в четыре раза. Созданы целые отрасли, обеспечивающие потребительский спрос, развернуто массовое жилищное строительство» [18, с. 54—55].

Список добрых дел Никиты Сергеевича, составленный Ю. В. Емельяновым, крайне мал. Кажется, он написан скупой рукой гоголевского героя Плюшкина: «Участие в руководстве строительством первых линий Московского метрополитена, в восстановлении Донбасса после Гражданской войны и в возрождении Украины после Великой Отечественной войны. Способствовал внедрению в производство и быт советских людей большого числа различных полезных новинок. Вероятно, есть немало людей, которым Хрущев, находясь на высоких постах, лично оказал помощь. Однако чем выше государственный уровень тех добрых дел, участником и инициатором которых был Хрущев, тем чаще несомненная их польза сочеталась с вредными последствиями, а то и перевешивалась ими» (с. 659). Перечень же контрреволюционных и вредительских деяний Никиты Сергеевича охватывает в рецензируемой книге не одну сотню страниц. Остановимся на некоторых из них.

«Нет ничего удивительного в том, — заостряет наше внимание Ю. В. Емельянов, — что Хрущев поддержал Троцкого и троцкистов» (с. 65). Большого греха, чем присоединение в середине 20-х годов XX века к злейшему врагу Сталина, невозможно было и представить. Вот как трактуют понятие «троцкист» авторы «Толкового словаря языка Совдепии»: «Это член безыдейной и беспринципной банды вредителей, разведчиков, шпионов, провокаторов в мировом рабочем движении, действующих по заданиям разведывательных органов реакционных буржуазных правительств» [13, с. 31]. В дальнейшем Ю. В. Емельянов не раз нам напоминает о том, что Хрущев был в рядах тех, кто поклонялся Иудушке Троцкому. Останется неясным, почему Иосиф Виссарионович не углядел его отвратительное нутро и пригрел такую змею у себя на груди. И можно ли в мире найти большего негодяя, чем Хрущев? Мы бы посоветовали автору рецензируемой книги в качестве эпитафии избрать четверостишие талантливого поэта-декабриста К. Рылеева, обращенное к А. А. Аракчееву:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!

Изверг рода человеческого, именуемый Н. С. Хрущевым, вытворял бог знает что. Кажется, после оглашения доклада «О культе личности и его последствиях» более страшного лихого действия не придумать. Но Никита Сергеевич катился вниз по ступенькам от одного к другому — более ужасному преступлению. По его инициативе делегаты XXII съезда КПСС приняли 30 октября 1961 года постановление, в котором дальнейшее сохранение саркофага с гробом Сталина в Мавзолее признавалось нецелесообразным. За перезахоронением тела великого вождя, с болью в душе отмечает Ю. В. Емельянов, последовало «уничтожение памятников Сталину во всех городах страны, переименование городов, заводов, колхозов, совхозов и ряда учреждений, названных в его честь» (с. 542). Ну ничего, можно утешить автора рецензируемой книги, все-таки памятник дорогому Иосифу Виссарионовичу — одному из самых могущественных диктаторов в истории человечества — у Кремлевской стены установили, а вот мест захоронения миллионов незаконно репрессированных, как правило, не найти.

Не будем спорить с Ю. В. Емельяновым, у Н. С. Хрущева за плечами были действительно кровавые преступления. И не только во времена культа личности. А в годы, когда Никита Сергеевич возглавлял КПСС и правительство. 2 июня 1962 года с его согласия расстреляли демонстрацию трудящихся в Новочеркасске, выразивших недовольство повышением цен на продукты первой необходимости. Заключение Ю. В. Емельянова на этот счет абсолютно правильно: «Впервые руководство правящей партии, которое в соответствии с канонами официальной идеологии должно было выражать интересы рабочего класса, так жестоко разгромило восстание рабочих... События в Новочеркасске стали еще одним грозным знаком, свидетельствующим о банкротстве Хрущева как руководителя страны» (с. 553—554). Нам кажется, что эти кровавые события явились вместе с тем предвестником глубокого кризиса Коммунистической тоталитарной империи, созданной великими вождями — Лениным и Сталиным.

Жесткий, обличительный тон, взятый в изложении трагических эпизодов в Новочеркасске, Ю. В. Емельянов правомерно использовал и в рассказе о неприглядной роли Хрущева в смещении Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Первый секретарь ЦК КПСС действовал по отношению к прославленному полководцу вероломно и безжалостно. Это был тот единственный случай, когда Никита Сергеевич превзошел

в немилосердии Иосифа Виссарионовича. Хрущев отправил Жукова на пенсию, а Сталин по окончании войны только понизил его в должности; вдвоем эти лидеры изрядно сократили творческую жизнь талантливого военачальника.

К сожалению, примеров яркой (и обоснованной!) критики провалов и ошибок в деятельности Хрущева в рецензируемой книге немного. Чаще объективный анализ подменяется критиканством, злопыхательством. Ю. В. Емельянов не сомневается в том, что хрущевское время являлось одним из самых «жестоких периодов преследования православия. Православные храмы закрывались, их число уменьшилось в два раза, а число монастырей сократилось до 18. Попытки построить новые храмы или хотя бы расширить старые грубо пресекались, а инициаторы таких попыток арестовывались, и их сажали в лагеря» (с. 347). Приведенные статистические данные абсолютно верны. Но если бы автор рецензируемой книги ознакомился с соответствующими материалами, характеризующими существование церкви при Ленине и Сталине, то у него тут же отпало бы право писать о жестокости преследования религиозных организаций в период оттепели.

Варьируя тезис о возрастающем «тиранстве» Никиты Сергеевича, Ю. В. Емельянов формулирует демагогическое заключение: «Никогда в стране не было так много законов, по которым человека можно казнить, как при «либеральном» Хрущеве» (с. 535). Общеизвестно, что при Никите Сергеевиче казнили несопоставимо мало по сравнению с количеством смертных приговоров, приведенных в исполнение при Ленине и Сталине [14].

Емельянов Ю. В. подметил у Никиты Сергеевича редкий дар обманщика и плута, способного обещать людям что угодно: например, он посулил, не имея на то никаких оснований, построить коммунизм в течение 20 лет. Споры нет, Хрущев поступил опрометчиво, нехорошо. Но ведь и его гениальные учителя — Ленин и Сталин — тоже заверяли советских людей, что пламенная мечта человечества о сооружении прекрасного здания коммунизма воплотится в жизнь через 10—20 лет [7, с. 318].

Замечая, что Первый секретарь ЦК демонстрировал на встречах с деятелями культуры в 1962—1963 гг. грубость и хамство, Ю. В. Емельянов констатирует: «Никогда в советское время руководители партии не говорили с творческой интеллигенцией в таком тоне» (с. 583). Да, согласимся с автором рецензируемой книги, стиль встреч и бесед Хрущева с писателями, художни-

ками, музыкантами, критиками, скульпторами неприличен и безобразен. Но эта неприглядная манера Никиты Сергеевича куда лучше приемов общения Ленина и Сталина, которые предпочитали говорить с деятелями культуры языком оружейных затворов.

Завершая свою книгу о смутьяне, баламуте, нахальном, грубом, необразованном, самонадеянном авантюристе, распоясавшемся купчине, диссиденте-антисоветчике, Ю. В. Емельянов обращает свой взгляд на памятник Н. С. Хрущеву на Новодевичьем кладбище, сооруженный скульптором Эрнстом Неизвестным. Он решительно возражает тем, кто считает, что в надгробном монументе из белых и черных камней выражена мысль о равновесии «добрых и злых дел покойного» (с. 569). Полезных свершений, уверен автор рецензируемой книги, у творца оттепели, превратившейся в неуправляемое «половодье», кот наплакал: даже «снятие Хрущевым обвинений с жертв необоснованных репрессий сопровождалось не только огульной дискредитацией Сталина и людей из его ближайшего окружения, но и очернением тридцатилетнего героического периода в жизни советских людей... Прежде всего следует учитывать, что в последние годы своей жизни Сталин сам готовил пересмотр общественно-политической организации страны на основе научно обоснованных решений... Ослабление репрессий началось еще в последние годы жизни Сталина и диктовалось объективной реальностью» (с. 660, 665). Великий вождь создал, по мнению Ю. В. Емельянова, такую мощную и развитую державу, что ее неуправляемое движение вперед не смогли остановить все хрущевские «провалы во внутренней и внешней политике».

После столь жесткого приговора, вынесенного Ю. В. Емельяновым Никите Сергеевичу, любопытно узнать мнение других служителей богини Клио об общих итогах деятельности третьего по счету советского лидера.

«Главный итог хрущевского десятилетия, — резюмировал в 2004 году А. В. Шестаков, — в том, что экономическая политика, по сути, не изменилась в изменившихся обстоятельствах. Власть так и не нашла средств, адекватно замещающих террор. Вместе с тем вопреки распространенному мнению социально-политическая политика была достаточно цельной, целеустремленной и относительно эффективной. Анализ результатов социально-экономического развития подтверждает версии некоторых исследователей, что Н. С. Хрущев — единствен-

ный из советских лидеров XX века, передавший страну в лучшем виде, чем он ее принял из рук предшественников» [22, с. 150].

Аналогичную точку зрения в 2006 году высказал В. Бушуев: «Но как бы кто не относился к Никите Сергеевичу, следует признать, что именно в первый период его правления, в конце 50-х годов, страна ожила, обрела уверенность в будущем, утратила всеподавляющий страх перед репрессиями. Безусловно, повысился уровень жизни большинства населения. А 1961-й год — год полета Ю. Гагарина и XXII съезда — был настоящим апогеем всего послевоенного, а может быть, и в целом советского периода» [1, с. 241].

А вот как ответила Е. Зубкова в 2015 году на вопрос «Чем же запомнилось хрущевское десятилетие?»: «Его часто представляют контрастным, черно-белым — как памятник Хрущеву, придуманный Эрнстом Неизвестным. На самом деле это время было многоцветным. Может быть, именно поэтому ему так подходит это название — «оттепель». Страна, а главное люди освобождались от страха и учились не выживать, а жить по законам мирного времени. Из лагерей вернулись бывшие сидельцы. Сталина вынесли из мавзолея, а народ узнал про культ личности» [3, с. 2].

Удачно дополняют выводы А. В. Шестакова, В. Бушуева, Е. Зубковой о результатах деятельности Никиты Сергеевича размышления на этот счет писателя и историка Л. Млечина: «Хрущев

принял у Сталина страну полуголодной. В пятьдесят третьем собрали только тридцать миллионов тонн зерна. По потреблению продуктов на душу населения страна оставалась на дореволюционном уровне... Сталин разорил деревню: крестьян обложили непосильными налогами, они бежали из деревень, уже выращенный урожай пропадал. Статистика неопровержимо доказывает: десять лет, когда страной управлял Хрущев, были лучшими в советской истории... Хрущев был, пожалуй, единственным человеком в послевоенном советском руководстве, кто сохранил толику юношеского идеализма и веры в лучшее будущее. Для него идея строительства коммунизма, уже вызывавшая в ту пору насмешки, не была циничной абстракцией. Тем он и отличался от товарищей по партийному руководству, которые давно ни во что не верили. Он хотел вытащить страну из беды» [12, с. 7—8].

...Какие российские лидеры нам особенно нравятся? Петр I, прорубивший окно в Европу и построивший на костях крестьян Петербург, Екатерина II, значительно расширившая огнем и мечом границы империи, Иван Грозный и Иосиф Сталин, наводившие порядок железом и кровью, Владимир Ленин, превративший войну империалистическую в гражданскую. На втором плане стоят великий реформатор Александр II и Миротворец Александр III. В третьем ряду где-то сбоку виден Никита Хрущев, давший свободу миллионам репрессированных и вернувший им доброе имя. Человеколюбие мы пока не ценим.

Литература

1. Бушуев В. Свет и тени: от Ленина до Путина / В. Бушуев. — М. : Культурная революция, 2006. — 624 с.
2. Данилкин Л. Ленин. Пантократор солнечных пылинок / Л. Данилкин. — М. : Молодая гвардия, 2017. — 783 с.
3. Зубкова Е. Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев / Е. Зубкова. — М. : Комсомольская правда, 2015. — 95 с.
4. История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. М. : Политиздат, 1970. — Т. 4, кн. 2. — 663 с.
5. Левандовский А. А. Россия в XX веке / А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов. — М. : Просвещение, 2000. — 368 с.
6. Ленин В. И. Полное собр. соч. : в 55 т. / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1964. — Т. 45. — 729 с.
7. Ленин В. И. Полное собр. соч. : в 55 т. / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1963. — Т. 41. — 665 с.
8. Ленин Владимир Ильич. Краткая биография. — М. : Политиздат, 1955. — 312 с.
9. Майсурян А. Иосиф Сталин / А. Майсурян // История России. XX век. — М. : Аванта, 1995. — 670 с.
10. Медведев Р. Н. С. Хрущев. Политическая биография / Р. Медведев. — М. : Книга, 1990. — 303 с.
11. Млечин Л. Ленин. Соблазнение России / Л. Млечин. — СПб. : Питер, 2012. — 432 с.
12. Млечин Л. Хрущев / Л. Млечин. — СПб. : Пальмира, 2017. — 511 с.
13. Мокиенко В. М. Толковый словарь в Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — М. : Аст-Астрель, 2005. — 507 с.
14. Наумов В. П. Н. С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий / В. П. Наумов // Вопросы истории. — 1997. — № 4.
15. Орлов А. С. Основы курса истории России / А. С. Орлов, А. Ю. Полунов, Ю. Я. Терещенко. — М. : Проспект, 2015. — 291 с.
16. Радзинский Э. Загадки жизни и смерти / Э. Радзинский. — М. : Вагрус, 2003. — 1247 с.

17. Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. — М. : Политиздат, 2001. — 461 с.
18. Сенявский А. С. Советская экономика: внутренние и внешние факторы развития (историко-теоретические аспекты) / А. С. Сенявский // Россия в контексте экономического развития во второй половине XX века. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2006. — 432 с.
19. Стреляный А. Последний романтик / А. Стреляный // Свет и тени «великого десятилетия». Н. С. Хрущев и его время. — Л. : Лениздат, 1989. — 480 с.
20. Тургенев И. С. Собр. соч. : в 10 т. / И. С. Тургенев. — М. : Гослитиздат, 1966. — Т. 10. — 343 с.
21. Хроника России. XX век. — М. : Слово / SLOVO, 2002. — 1104 с.
22. Шестаков А. В. Экономическое развитие СССР в конце 40-х — 1950-е гг.: цели, ресурсы, результаты / А. В. Шестаков // Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2006. — 432 с.
23. Эренбург И. Собр. соч. : в 9 с. / И. Эренбург. — М. : Художественная литература, 1967. — Т. 9. — 973 с.

"SAD FATE OF THE LAST ROMANTIC OF COMMUNISM"

Review

The book by Y. Emelyanov "KHRUSHCHEV. THAW OR..."

(Moscow: "Academic project", 2018, 675 p.)

D. S. Tocheniy

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
tmichael1977@rambler.ru

N. G. Tochenaya

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
natalygt1956@gmail.com

References

1. Bushuev V. (2006) Svet i teni: ot Lenina do Putina [Light and Shadows: from Lenin to Putin]. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya, 624 p.
2. Danilkin L. (2017) Lenin. Pantokrator solnechnykh pylinok [Lenin. Pantokrator of Sun Dust]. Moscow: Molodaya gvardiya, 783 p.
3. Zubkova E. (2015) Pervyj sekretar CK KPSS Nikita Sergeevich Khrushchev [First Secretary of the CPSU Central Committee Nikita Sergeevich Khrushchev]. Moscow: Komsomolskaya pravda, 95 p.
4. Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza [History of the Communist Party of the Soviet Union: in 6 volumes]. Moscow: Politizdat, 1970, vol. 4, book 2, 663 p.
5. Levandovsky A. A. (2000) Rossiya v XX veke [Russia in the XX century]. Moscow: Prosveshchenie, 368 p.
6. Lenin V. I. (1964) Polnoe sobranie sochineniy [Collected works: in 55 volumes]. Moscow: Politizdat, vol. 45, 729 p.
7. Lenin V. I. (1964) Polnoe sobranie sochineniy [Collected works: in 55 volumes]. Moscow: Politizdat, vol. 41, 665 p.
8. Lenin Vladimir Ilich (1955) Kratkaya biografiya [Lenin Vladimir Ilich. Short biography]. Moscow: Politizdat, 312 p.
9. Maysuryan A. (1955) Iosif Stalin. Istoriya Rossii [Joseph Stalin. History of Russia]. Moscow: Avanta, 670 p.
10. Medvedev R. (1990) N. S. Khrushchev. Politicheskaya biografiya [N. S. Khrushchev. Political biography]. Moscow: Kniga, 303 p.
11. Mlechin L. (2012) Lenin. Soblaznenie Rossii [Lenin. Seduction of Russia]. St. Petersburg: Piter, 432 p.
12. Mlechin L. (2017) Khrushchev [Khrushchev]. St. Petersburg: Palmira, 511 p.
13. Mokienko V. M. (2005) Tolkovyj slovar v Sovdep'ii [Explanatory dictionary in the Council of Deputies]. Moscow: Astrel, 507 p.
14. Naumov V. P. (1997) N. S. Hrushchev i rehabilitatsiya zhertv massovykh politicheskikh repressij [N. S. Khrushchev and the rehabilitation of victims of mass political repression]. Voprosy istorii, (4).
15. Orlov A. S., Polunov A. Yu., Tereshchenko Yu. Ya. (2015) Osnovy kursa istorii Rossii [Fundamentals of the Russian history course]. Moscow: Prospekt, 291 p.
16. Radzinsky E. (2003) Zagadki zhizni i smerti [Mysteries of Life and Death]. Moscow: Vagrus, 1247 p.
17. Reabilitatsiya. Politicheskie protsessy 30—50-kh godov [Rehabilitation. Political processes of the 30—50s]. Moscow: Politizdat, 2001, 461 p.

18. Senyavsky A. S. (2006) Sovetskaya ekonomika: vnutrennie i vneshnie factory razvitiya (istoriko-teoreticheskie aspekty) [Soviet economy: internal to external factors of development (historical and theoretical aspects)]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 432 p.
19. Strelyanyj A. (1989) Posledniy romantic [The Last Romantic]. L.: Lenizdat, 480 p.
20. Turgenev I. S. (1966) Sobranie sochineniy [Collected Works: in 10 volumes]. Moscow: Goslitizdat, vol. 10, 343 p.
21. Khroniki Rossii. XX vek [Chronicle of Russia. XX century]. Moscow: Slovo, 2002, 1104 p.
22. Shestakov A. (2006) Ekonomicheskoe razvitie SSSR v kontse 40-h — 1950-e gg.: tseli, resursy, rezultaty [Economic development of the USSR in the late 40s — 1950s: goals, resources, results]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 432 p.
23. Ehrenburg I. (1967) Sobranie sochineniy [Collected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, vol. 9, 973 p.

НАШИ АВТОРЫ

Алпатова Анна Игоревна — магистрант направления подготовки «Специальное (дефектологическое) образование»; Первый МГМУ имени И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет); anna.alpatova@list.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Андреева Юлия Витальевна — кандидат психологических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; yulia.andre@gmail.com; тел. 8-960-375-67-20.

Афанасьева Виктория Максимовна — бакалавр направления «Психология»; Ульяновский государственный университет; marly616@mail.ru; тел. 8-902-218-38-08.

Бойкова Ксения Игоревна — аспирант кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; elstinko@mail.ru; тел. 8-902-008-47-53.

Домбровская Анна Юрьевна — доктор социологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по научной работе; Московский педагогический государственный университет; au.dombrovskaya@mpgu.su; тел. 8(8422)37-24-72.

Ефремова Дарья Николаевна — магистрант направления «Социология»; Ульяновский государственный университет; dasa-efremova@mail.ru; тел. 8-906-140-76-75.

Ишкinyaeva Лилия Камилевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, филологии, документоведения и библиотковедения; Ульяновский государственный университет; liya.ishkinyayeva.73@mail.ru; тел. 8-953-981-69-91.

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; kente@mail.ru; тел. 8-927-634-21-41.

Кисторян Заруи Акоповна — магистр; Первый МГМУ имени И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет); kistoryan@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Краева Александра Геннадьевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии; Ульяновский государственный университет; kraevalex@list.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Alpatova Anna Igorevna — master's degree student, specialty "Special (defectologic) education"; I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University); anna.alpatova@list.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Andreeva Yuliya Vitalyevna — Candidate of Psychology, associate professor; Ulyanovsk State University; yulia.andre@gmail.com; tel. 8-960-375-67-20.

Afanasyeva Viktoriya Maksimovna — bachelor, specialty "Psychology"; Ulyanovsk State University; marly616@mail.ru; tel. 8-902-218-38-08.

Boykova Kseniya Igorevna — post-graduate; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; elstinko@mail.ru; tel. 8-902-008-47-53.

Dombrovskaya Anna Yuryevna — Doctor of Sociology, associate professor, assistance manager; Department of Scientific Work; Moscow State Pedagogical University; au.dombrovskaya@mpgu.su; tel. 8(8422)37-24-72.

Efremova Darya Nikolaevna — master's degree student, specialty "Sociology"; Ulyanovsk State University; tel. 8-906-140-76-75.

Ishkinyayeva Lilia Kamilevna — Candidate of Philology, associate professor; Chair of Journalism, Philology, Document Science and Library Studies; Ulyanovsk State University; liya.ishkinyayeva.73@mail.ru; tel. 8-953-981-69-91.

Kalenik Elena Nikolaevna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Ulyanovsk State University; kente@mail.ru; tel. 8-927-634-21-41.

Kistoryan Zarui Akopovna — master; I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University); kistoryan@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Kraeva Aleksandra Gennadievna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Philosophy; Ulyanovsk State University; kraevalex@list.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Кудряшова Елена Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; Ульяновский институт гражданской авиации имени Б. П. Бугаева (УИ ГА); helezzya@gmail.com; тел. 8-908-471-45-59.

Мажанова Дарья Владиславовна — студентка направления подготовки «Психология»; Ульяновский государственный университет; dashatroyan99@gmail.com; тел. 8-909-360-85-72.

Марков Александр Викторович — доктор филологических наук, профессор; Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва); markovius@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Мартыненко Алла Валентиновна — кандидат культурологии, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии; Ульяновский государственный университет; avalmart@list.ru; тел. 8-908-470-74-76.

Миронова Наталья Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, филологии, документоведения и библиотковедения; Ульяновский государственный университет; mirnatval@mail.ru; тел. 8-903-336-46-60.

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-803-19-64.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; 7151mid@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Михайлова Ирина Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; 44kd11@gmail.com; тел. 8-902-120-66-78.

Никulin Егор Романович — магистрант Института истории и политики; Московский педагогический государственный университет; egor.nikulin.98@bk.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Седунова Анастасия Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; asedunova@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Соловьева Алла Вячеславовна — кандидат педагогических наук, доцент; Первый МГМУ имени И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет); anna.alpatova@list.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Kudryashova Elena Viktorovna — Candidate of Philosophy, associate professor, Chair of Humanities and Social and Economic Disciplines; Ulyanovsk Civil Aviation Institute named after B. P. Bugaev (UICA); helezzya@gmail.com; tel. 8-908-471-45-59.

Mazhanova Darya Vladislavovna — student, specialty "Psychology"; Ulyanovsk State University; dashatroyan99@gmail.com; tel. 8-909-360-85-72.

Markov Aleksandr Viktorovich — Doctor of Philology, professor; Russian State University for the Humanities (Moscow); markovius@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Martynenko Alla Valentinovna — Candidate of Culturology, associate professor; Chair of Public Relations, Advertising and Cultural Science; Ulyanovsk State University; avalmart@list.ru; tel. 8-908-470-74-76.

Mironova Natalya Valentinovna — Candidate of Philology, associate professor; Chair of Journalism, Document Science and Library Studies; Ulyanovsk State University; mirnatval@mail.ru; tel. 8-903-336-46-60.

Mitin Sergey Nikolaevich — Doctor of Education, Professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-803-19-64.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; 7151mid@gmail.com; tel. 8-927-809-7-809.

Mikhailova Irina Viktorovna — Candidate of Psychology, associate professor, Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; 44kd11@gmail.com; tel. 8-902-120-66-78.

Nikulin Egor Romanovich — master's degree student; Institute of History and Politics; Moscow State Pedagogical University; egor.nikulin.98@bk.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Sedunova Anastasia Sergeevna — Candidate of Psychology, associate professor; Ulyanovsk State University; asedunova@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Solovyeva Alla Vyacheslavovna — Candidate of Education, associate professor; I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University); anna.alpatova@list.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Сотникова Яна Александровна — студентка 5 курса медицинского факультета направления «Педиатрия»; Ульяновский государственный университет; sotaksani.98@gmail.com; тел. 8-960-367-50-50.

Тихова Виктория Анатольевна — магистрант направления «Социология»; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Точеная Наталья Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; natalytg1956@gmail.com; тел. 8-927-80-79-665.

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichael977@rambler.ru; тел. 8-927-630-33-53.

Ходжаян Елена Гукасовна — старший преподаватель кафедры журналистики, филологии, документоведения и библиотековедения; Ульяновский государственный университет; elxo@yandex.ru; тел. 8-906-144-52-75.

Sotnikova Yana Aleksandrovna — senior student, Department of Medicine, specialty "Pediatry"; Ulyanovsk State University; sotaksani.98@gmail.com; tel. 8-960-367-50-50.

Tikhova Viktoria Anatolyevna — master's degree student, specialty "Sociology"; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Tochenaya Natalia Grigorievna — Candidate of History, associate professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; natalytg1956@gmail.com; tel. 8-927-80-79-665.

Tocheniy Dmitriy Stepanovich — Doctor of History, Professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichael977@rambler.ru; tel. 8-927-630-33-53.

Khodzhayan Elena Gukasovna — Senior teacher, Chair of Journalism, Philology, Document and Library Science; Ulyanovsk State University; elxo@yandex.ru; tel. 8-906-144-52-75.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И ОФОРМЛЕНИЯ
РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«СИБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК»**

К печати принимаются материалы, отвечающие профилю журнала, не публиковавшиеся ранее в других отраслевых изданиях.

Объем статьи (включая сноски, таблицы, рисунки) не должен превышать **25 000 знаков** (с пробелами). Статья должна быть набрана в **формате Microsoft Word, 12 кеглем, 1,5 интервалом; стиль Times New Roman. Поля:** верхнее, нижнее, левое — **2 см**, правое — **1 см**. Выделения в тексте возможны только полужирным шрифтом и(или) курсивом. Иные стили шрифта и выделения не допускаются.

В начале каждой статьи указываются **данные об авторе (авторах):**

- Ф.И.О. (полностью);
- ученая степень или звание (если есть);
- должность и место работы (без сокращений, с указанием города, страны);
- контактная информация (телефон, e-mail каждого автора, почтовый адрес).

Далее следует:

- название статьи;
- инициалы и фамилия автора (авторов), ученая степень, должность, место работы, город, страна, e-mail (который будет указан в публикации);
- аннотация (150—200 слов (без предлогов и союзов));
- ключевые слова (5—7 слов);
- ТЕКСТ СТАТЬИ;
- список литературы (не менее 10 и не более 20 наименований), выстроенный в алфавитном порядке, где вначале приводятся источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных языках.

После этого приводится **на английском языке:**

- название статьи;
- имя, первая буква отчества и фамилия автора (авторов);
- место работы (с указанием города, страны);

- Abstract — аннотация;
- Key words — список ключевых слов;
- References — список литературы.

При необходимости указать, в рамках какого гранта (проекта и т. д.) подготовлена статья. Эту информацию следует размещать ниже, под названием статьи. Также она размещается и в англоязычной части — в конце статьи.

Цитирование в статье должно сопровождаться ссылками **в квадратных скобках** на источники из списка литературы в конце статьи. **В постраничных сносках** просьба указывать только необходимую уточняющую информацию.

Если приводятся **таблицы, схемы, рисунки**, они должны быть пронумерованы и подписаны, а в тексте обязательны ссылки на них.

Все диаграммы, схемы, графики и другой иллюстративный материал должны быть представлены **в черно-белом варианте**.

Статьи в журнале сопровождаются **фотографией автора (авторов):** крупным планом, в формате jpg или png, с разрешением не менее 300 dpi, которая отправляется отдельным файлом (не более 2 Мб).

Название файла со статьей должно содержать фамилию автора (либо фамилии соавторов через запятую) в именительном падеже и первые два-три слова из названия статьи.

Файл с фотографией должен быть назван по фамилии автора в именительном падеже.

Статьи авторов, не имеющих научную степень, сопровождаются рецензией доктора/кандидата наук в соответствующей области знания.

Материалы принимаются на электронный адрес журнала:

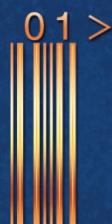
SNV@mail.ru, Valentina_nauka@mail.ru.

По вопросам участия в издании журнала и его приобретения обращаться:

контактный телефон: 8(985)555-96-99.

ISSN 2224-1620

9 772224 162437